

ВЕРНЕР ФОН БРАУН

*Человек, который
продал Луну*

ДЕННИС ПИШКЕВИЧ

ДЕННИС ПИШКЕВИЧ

ВЕРНЕР ФОН БРАУН

---

*Человек, который
продал Луну*

Минск

УДК 629.7

ББК 39.62

ПЗ6

Перевод с английского выполнен по изданию:
WERNHER VON BRAUN: The Man Who Sold the Moon /
Dennis Piszkiwicz.

Охраняется законом об авторском праве. Нарушение ограничений, накладываемых им на воспроизведение всей этой книги или любой ее части, включая оформление, преследуется в судебном порядке.

Пишкевич, Д.

ПЗ6 Вернер фон Браун: человек, который продал Луну / Д. Пишкевич; пер. с англ. — Минск: «Попурри», 2011. — 336 с. + 24 с. вкл. ISBN 978-985-15-1214-6.

Эта книга о потомке немецких баронов и гениальном конструкторе, который создал для Гитлера самое совершенное по тем временам оружие устрашения — баллистическую ракету «Фау-2». Незадолго до поражения Третьего рейха Вернер фон Браун предложил свой талант и знания победителям и дистанцировался от своих бывших товарищей по нацистской партии. Сначала он предложил себя армии США, а затем — НАСА, а свои мечты о космических путешествиях — миллионам американцев. А еще через десяток лет продал своей второй заокеанской родине Луну.

Для широкого круга читателей.

УДК 629.7

ББК 39.62

Литературно-художественное издание

ПИШКЕВИЧ Деннис

**ВЕРНЕР ФОН БРАУН:
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПРОДАЛ ЛУНУ**

Оформление обложки — *М. В. Драко*

Верстка оригинал-макета — *Е. Ф. Шагойко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.09.2010.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Печать высокая с ФПФ.

Усл. печ. л. 18,90. Уч.-изд. л. 13,35 + 0,94 вкл. Тираж 3500 экз. Заказ 1733.

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.39.953 Д.002684.02.10 от 18.02.2010 г.

ООО «Попурри». Лицензия № 02330/0548529 от 03.02.2009.

Республика Беларусь, 220113, г. Минск, ул. Мележа 5, корп. 2, к. 403.

При участии ООО «Харвест». Лицензия № 02330/0494377 от 16.03.2009.

Республика Беларусь, 220013, г. Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, этаж. 4, к. 42.

ОАО «Полиграфкомбинат им. Я. Коласа». ЛП № 02330/0150496 от 11.03.2009.

Республика Беларусь, 220600, г. Минск, ул. Красная, 23.

ISBN 0-275-96217-2 (англ.)

ISBN 978-985-15-1214-6 (рус.)

© 1998 by Dennis Piszkiwicz

© Перевод. Издание. Оформление.

ООО «Попурри», 2011

Моим родителям
Уильяму и Харриетте Пишкевич

Предисловие

Вернер фон Браун сыграл роль знаменитого ученого своей эпохи не менее блестяще, чем великий Альберт Эйнштейн. О жизни этого удивительного человека часто рассказывали его друзья, коллеги, почитатели его таланта, да и он сам. Во всех материалах о фон Брауне рассказчики старались убедить слушателей в том, что они лишь передают слова знаменитого изобретателя. Однако сам фон Браун делился далеко не всей информацией и, как правило, предпочитал не упоминать о начале своей научной карьеры в нацистской Германии. Если бы эти секреты стали известны его почитателям или друзьям, то они, несомненно, ужаснулись бы и вряд ли сохранили свое прежнее восхищение ученым.

За 65 лет жизни фон Браун освоил не только технические области, но и смог добиться признания своего политического таланта. Большинство американцев знают, что этот человек изобрел ракету «Фау-2» для гитлеровской Германии. Многих вполне удовлетворяли объяснения, которые давал фон Браун в связи с этим фактом. Он постоянно твердил, что в те годы был очень молод, наивен и работал на нацистов лишь потому, что преследовал свои личные бескорыстные цели, создавая ракеты для космических исследований. При этом фон Браун всегда добавлял, что никогда не верил в успех дела наци. После разгрома

Третьего рейха фон Браун выбрал себе нового хозяина — Соединенные Штаты. Там он работал сначала на армию, создавая ракеты — носители ядерных боеголовок. Эти ракеты стали чрезвычайно эффективным средством политического шантажа в годы «холодной войны». Позже фон Браун перешел работать в НАСА*, где занимался конструированием огромных ракет, которые вывели США в космос, а американских астронавтов доставили на Луну.

Вернера фон Брауна многие запомнили как человека с аристократическими манерами, легким немецким акцентом и непоколебимой верой в успех научно-технического прогресса и, конечно же, с убежденностью в том, что космические путешествия не только возможны, но и являются неизбежным результатом прогресса цивилизации. Вернер фон Браун выступал по телевидению, на заседаниях конгресса и во многих университетах США, убеждая всех, что освоение космоса — одна из важнейших задач, стоящих перед человечеством. Ученый написал множество статей и книг на эту тему.

В Соединенных Штатах он известен не только как гений инженерной мысли, но и как энергичный и талантливый руководитель множества технических проектов. Но на самом деле он не только принес славу Соединенным Штатам, но и осуществил в этой стране свои юношеские мечты. Он был пророком космического века, человеком, который продал Луну.

Данная книга рассказывает о работе выдающегося конструктора в армии США и в НАСА, а также о трех десятилетиях его жизни, в течение которых он

---

* НАСА (Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства) — ведомство правительства США. Основано в 1915 г. Разрабатывает программы космических полетов, создания космических кораблей, их оборудования и т. д. — *Прим. ред.*

неутомимо старался увлечь всех нас идеей космических путешествий. В этой книге рассказывается также и о нацистском прошлом этого человека, которое он всегда усиленно старался скрыть. Читателю будут интересны сведения о начале карьеры фон Брауна в Третьем рейхе, о его работе над созданием боевой ракеты «Фау-2», о его добровольном вступлении в ряды национал-социалистов и в СС, о его причастности к злодеяниям нацистов. Эта книга в определенной степени развенчивает миф о жизни Вернера фон Брауна, умело сотворенный им самим.

Благодарности

Фасекретить историю жизни Вернера фон Брауна мне помогли многие организации и учреждения. Я хочу поблагодарить сотрудников публичных библиотек округов Ориндж и Лос-Анджелес, университетов в Фуллертоне и Ирвине, штат Калифорния, сотрудников Центра Саймона Визенталя в Лос-Анджелесе и библиотеки конгресса США. Я очень признателен служащим Государственного архива и штаб-квартиры НАСА в Вашингтоне, округ Колумбия, сотрудникам арсенала в Редстоуне, служащим Центра космических полетов имени Дж. Маршалла и сотрудникам информационных служб ФБР и армии США, а также служащим Музея авиации и космонавтики Смитсоновского института.

Работать над этой книгой мне помогали многие люди, и без их помощи я никогда не завершил бы свой проект. Особенно я благодарен Аарону Брейтбарту из Центра Саймона Визенталя за предоставление мне ценной информации о Вернере фон Брауне и его команде. Я признателен семейству Кэйлоро — Марвину, Вилме и П. Дж. — за ценные советы и критику при редактировании рукописи. И, наконец, я хочу поблагодарить Эрика Кнаба, прочитавшего окончательный вариант рукописи от начала до конца и оказавшего мне помощь в правильной оценке упомянутых в рукописи исторических событий.

Прелюдия: ракета

Давно задуманная немцами ракетная атака на Англию наконец была осуществлена. Целью стал Лондон.

Германская ракета представляла собой впечатляющее техническое достижение... Ее максимальная скорость составляла около четырех тысяч миль в час, и время ее движения до цели не превышало трех-четыре минут.

Уинстон Черчилль

Кортеж, состоявший из первой батареи 485-го артиллерийского мобильного подразделения вермахта, двигался к пересечению дорог неподалеку от Гааги. Самый ценный груз — ракета длиной около 14 м и диаметром свыше полутора метров — находился на специальной платформе, которую тащили три тягача на гусеничном ходу. Этот груз являлся одновременно выдающимся результатом созидания и оружием разрушения, триумфом инженерной мысли и средством устрашения, воплощением человеческой мечты и олицетворением смерти. За тягачами двигались три машины с цистернами. В первой было жидкое топливо для ракеты, во второй — жидкий кислород, а в третьей — ракетное топливо про запас. За цистернами двигались еще три автомобиля. Один — с оборудованием для запуска ракеты, второй — с мощным электрическим генератором, а третий — с устройствами системы наведения. Замыкали колонну автомашины с офицерами и солдатами. Вто-

рая батарея, также с ракетой, двигалась к перекрестку дорог, расположенному поблизости от того места, куда направлялась первая. Каждая из этих батарей могла произвести три запуска ракет, всего шесть, но в этот день командование решило ограничиться только двумя.

Солдаты и офицеры боевого расчета установили прямо на перекрестке бетонное основание, а затем скатили на него с тягача ракету, закрепленную на специальной платформе с колесами. После этого носовую часть ракеты подняли вверх, чтобы тело ракеты было наклонено в западном направлении под определенным углом к поверхности земли. Все это необходимо было для того, чтобы ракета после старта полетела по нужной траектории на запад. Затем к стартовой площадке подъехали грузовики с цистернами, чтобы заправить ракету топливом и жидким кислородом. Спустя несколько часов все приготовления закончились и почти весь персонал и грузовики удалились на безопасное расстояние. Теперь ракету с колонной машин и стоявшими вокруг офицерами и солдатами соединяли лишь длинные черные кабели, похожие на диковинных змей. Эти кабели были подсоединены к электрическому генератору и к системе наведения. Вокруг нижней части ракеты на уровне бака, заправленного жидким кислородом, была отчетливо видна широкая полоса белого инея, образовавшегося в результате охлаждения атмосферной влаги. Кислород испарялся через специальное дренажное отверстие в корме ракеты, образуя небольшое облако. После того как отверстие было закрыто, облако рассеялось, и от летательного аппарата удалились все остальные участники запуска.

После того как на ракету был передан электрический импульс от генератора, из ее дюз вырвались

снопы искр и скрыли площадку, на которой она была установлена. Кабели отпали от тела ракеты, а искры слились в оранжевое пламя. Огромная реактивная сила тяги оторвала 25-тонный смертельный груз от поверхности земли. Это произошло 8 сентября 1944 года в 18 часов 38 минут. Ракета быстро набирала скорость, чтобы оставить и свой трагический след в истории Второй мировой войны. Издавая грохот, подобно раскатам грома, ракета двигалась в направлении заходящего солнца, оставляя в голубом небе белый след из сконденсированных выхлопных газов. Через несколько секунд после первого запуска уже на другом пересечении дорог неподалеку от Гааги была запущена другая «Фау-2».

В этот день в Лондоне, расположенном в 320 км к западу от места старта, царило спокойствие. Войска союзников высадились на европейском континенте четыре месяца назад и захватили все пусковые установки для запуска ракет «Фау-1», которыми гитлеровцы собирались обстреливать британскую столицу. Лондонцы спешили домой к ужину.

В соответствии с программой запуска, через 58 секунд после старта на ракеты был послан сигнал, по которому сработало устройство, перекрывающее доступ топлива к двигателям. К этому моменту «Фау-2» уже двигались со скоростью 5600 км/час. После прекращения подачи топлива аппараты замедлили подъем и продолжили движение по баллистической траектории, подчиняясь законам инерции и тяготения.

В 18 часов 43 минуты первая из ракет врезалась в землю в городке Чизик, в 10 км от центра Лондона. Взрыв огромной силы сотряс воздух, оставив после

себя кратер в центре одной из дорог. Были сметены с лица земли шесть близлежащих домов и в два раза больше домов получили серьезные повреждения от ударной волны. В Лондоне были слышны два громких взрыва, похожих на раскаты грома. Источником этих звуков были две ударные волны, образовавшиеся еще в воздухе, когда ракета преодолела звуковой барьер. Эти волны достигли места падения ракеты уже после взрыва тонны смертельного груза.

Когда спасательные команды прибыли в Чизик, то обнаружили, что в результате ракетной атаки погибли три человека и серьезно ранены еще десять. Так удивительное творение человеческого разума и рук совершило свои первые убийства на войне.

Через 16 секунд после первого взрыва вторая ракета обрушилась на Эппинг, расположенный в 24 км к северо-востоку от центра Лондона. Было снесено несколько деревянных строений, но более серьезных разрушений и жертв не было вообще. До того как две ракеты упали неподалеку от Лондона, утром этого же дня одна «Фау-2» упала в пригороде Парижа, но о каких-либо серьезных разрушениях не сообщалось.

В течение следующих семи месяцев нацистская Германия в отчаянной попытке переломить ход войны выпустила в сторону Англии свыше 1300 ракет «Фау-2».

После расчистки завалов, возникших после этих взрывов, выяснилось, что в Лондоне погибли 518 человек, а в остальных регионах Англии — 537. Всего же в Европе, по приблизительным оценкам, от взрывов «Фау-2» погибли 2724 и серьезно ранены 6467 человек. На Антверпен обрушилось 1265 ракет, а на Париж и другие крупные европейские города — на несколько сотен больше, чем, на Антверпен. Точно

оценить количество жертв на континенте, к сожалению, не удалось.

Количество погибших в результате ракетных обстрелов, конечно же, несравнимо меньше, чем полное число жертв Второй мировой войны или даже жертв Холокоста. Но за каждой из этих жертв — десятки человеческих трагедий. Смерть, принесенная ракетами, настигла в основном мирных жителей. Прошло несколько лет после окончания Второй мировой войны, прежде чем мир узнал имя и увидел на фотографиях в прессе лицо человека, создавшего ракеты «Фау», кардинально изменившие характер войны, но, к счастью, не повлиявшие на ее исход. Через несколько десятилетий этот же человек поможет человечеству узнать множество тайн Вселенной.

Иммигрант

Я всегда был немцем и остаюсь им.

Вернер фон Браун, 10 июня 1945 года.

Молодой мужчина, высадившийся на землю с борта грузового самолета С-54, был иммигрантом, подобно многим другим прибывшим в Соединенные Штаты. Он так же, как и другие, надеялся осуществить свои мечты, начать новую жизнь и забыть грехи и преступления, совершенные в прошлом. Прибытие на базу ВВС в Уилмингтоне было для него чем-то вроде второго рождения или крещения, которое очистило его от грехов предыдущей жизни.

Однако в отличие от своих предшественников он прибыл в Америку не как свободный человек, а под надзором офицеров американской армии. Вместе с ним на американскую землю прибыли еще шесть его коллег. Это были известные в Германии специалисты в области ракетостроения. Будучи не самым старшим по возрасту, он, несомненно, был выше своих коллег по занимаемому положению, а также лидером этой семерки еще до того, как нацисты захватили власть

в его родной стране. Этого человека звали Вернер фон Браун.

На следующий день семерых немецких специалистов на небольшом двухмоторном самолете DC-3 быстро доставили на военный аэродром в окрестностях Бостона. После приземления их отвезли в бостонский морской порт, а оттуда — в Форт-Стронг, расположенный в пяти милях от Бостона, на Лонг-Айленде.

Форт-Стронг был резиденцией армейской разведки США и немецких иммигрантов, там должны были допросить и решить их дальнейшую судьбу. Задаваемые немцам вопросы не отличались от тех, на которые они отвечали несколько месяцев назад, в Германии, после того как добровольно явились в расположение одной из американских частей. После окончания допросов армейские чиновники подготовили семь досье, в которых было зашифровано, чем эти люди будут заниматься в Соединенных Штатах и на кого работать. В личном деле Вернера фон Брауна было записано, что ему 34 года, что его рост составляет около двух метров, а вес — 78 кг. Были зафиксированы и внешние приметы: голубые глаза, светлые волосы и здоровый цвет лица. В качестве особых примет значились след от послеоперационного шва на левой руке и шрам на верхней губе.

Вернер фон Браун был счастлив оказаться на американской земле, но физически он чувствовал себя неважно. Зимой, в последние месяцы Второй мировой войны, он попал в автомобильную катастрофу, и его шрамы были следами залеченных травм. Сильнейший ушиб плеча давал о себе знать неожиданными болями, а из-за перелома левой руки в двух местах он не мог ею двигать и даже сгибать и разгибать пальцы. Кроме того, даже после снятия гипса в руке возникали боли, которые усиливались в сырую

погоду. В дополнение к этому он незадолго до отъезда из Европы переболел гепатитом.

Свободное время немцы заполняли игрой в «Монополию» либо долгими прогулками на свежем воздухе вдоль берега Лонг-Айленда. Мрачная интерлюдия в Форт-Стронге закончилась 1 октября 1945 года, после того как майор Джеймс Хэмилл подписал документ, согласно которому семеро немецких специалистов переходили под его надзор. В тот же день в пресс-релизе военное министерство сообщило о присутствии на территории Соединенных Штатов ученых и специалистов в области ракетостроения и об участии этих людей в осуществлении операции «Оверкаст».

ВЫДАЮЩИЕСЯ НЕМЕЦКИЕ УЧЕНЫЕ ПРИБЫЛИ В США

Планы иммиграции выдающихся немецких ученых и инженеров были одобрены военным министерством с первой же попытки, поскольку использование знаний и опыта этих людей было жизненно важным для обеспечения безопасности и укрепления обороны Соединенных Штатов.

Изучение документации по использованию уникального оборудования и германской технологии и, наконец, производству первых образцов ракет из деталей, доставленных из поверженного Третьего рейха, было бы уже достаточным для того, чтобы развернуть собственную ракетную программу. Но в Соединенных Штатах кроме этого теперь были высококвалифицированные специалисты и талантливые ученые из Германии, и это позволило американцам использовать германский опыт в области ракетостроения в полной мере.

Немецкие ученые и инженеры будут находиться под бдительным контролем со стороны военного министерства и будут участвовать лишь в наиболее приоритетных проектах армии и флота США.

В американской прессе это сообщение не обсуждалось, оставшись почти незамеченным. Но уже через год, когда армейские чиновники сообщили репортажам детали и назвали имена некоторых немецких экспертов-ракетчиков, народ и общественность США тут же отреагировали на происходящее, заметив как достоинства, так и недостатки привлечения специалистов из Германии.

Майору Хэмиллу было поручено начать осуществление программы разработок управляемых ракет. Пока у него было всего семь подчиненных. С одним из них, Вернером фон Брауном, он отправился в Вашингтон, округ Колумбия, чтобы представить выдающегося конструктора ракет генералам из армии США. Остальных шестерых Хэмилл отправил на испытательный полигон в Абердин, штат Мэриленд. Им предстояло заняться сортировкой семи тонн технической документации, которая упаковывалась немцами на Пенемюнде в спешке, поскольку к городу приближались советские войска.

Проведя несколько дней в Вашингтоне и обсудив важность ракет как нового типа вооружений, Хэмилл отправился вместе с фон Брауном в Эль-Пасо, штат Техас. На промежуточной станции Сант-Луис в поезд село довольно много раненых из 101-й и 82-й американских воздушных дивизий. Хэмилл быстро сообразил, что ехать в одном вагоне с американскими летчиками, да еще ранеными на войне, — затея опасная для них обоих, и на ближайшей станции с трудом, но раздобыл билеты на другой пассажирский поезд.

После пересадки обнаружилось, что места у Хэмилла и фон Брауна в разных концах вагона. Это больше всего беспокоило майора, поскольку ему было приказано ни на секунду не упускать фон Брауна из виду и не позволять ему вступать в разговор с кем-либо

из пассажиров. Однако ехать было недолго. Хэмилл разместился так, чтобы видеть плечо фон Брауна, и немного успокоился.

Пассажир, сидевший напротив фон Брауна, завел с ним разговор, и благовоспитанный потомок баронов не мог не ответить. Заметив, что его попутчик говорит с акцентом, пассажир спросил у Брауна, откуда тот приехал. Фон Брауну пришлось солгать, что он бизнесмен из Швейцарии.

Незнакомец сказал, что очень часто бывал в Швейцарии и прекрасно знает эту страну, а затем спросил, каким бизнесом занимается фон Браун. Тот, чуть помедлив, ответил, что его компания занимается производством стали.

Попутчик фон Брауна оживился, поскольку тоже работал в этой отрасли. Узнав об этом, фон Браун почувствовал, что скоро последуют и другие вопросы. И действительно, незнакомец пожелал побольше узнать о жизни и работе фон Брауна в Швейцарии. Фон Брауну пришлось импровизировать, но это удавалось ему с большим трудом, поскольку в Швейцарии он был только один раз, когда еще учился в университете.

А незнакомец продолжал свои расспросы. Теперь его интересовало, в какой конкретной области стального бизнеса работает фон Браун. Тот сказал, что его фирма производит подшипники. Незнакомец снова оживился. По-видимому, он был хорошо знаком с этим производством. Но тут, к радости фон Брауна и Хэмилла, поезд остановился. Станция называлась Тексаркана. Это была остановка, на которой нужно было выходить словоохотливому попутчику фон Брауна. Прощаясь с ним, незнакомец крепко сжал ему руку и сказал: «Если бы не вы, швейцарцы, то

нам вряд ли удалось бы одержать победу над Германией».

Майор Хэмилл и Вернер фон Браун прибыли в Эль-Пасо 3 октября 1945 года. Их база была расположена в окрестностях Эль-Пасо, в Форт-Блисс. Фон Браун ночевал в гостинице для младшего офицерского состава. В этом же отеле провел ночь и майор Хэмилл. На следующее утро фон Браун почувствовал резкую боль в области печени. Его доставили в военный госпиталь Уильяма Бомонта, и там Хэмилл поручил наблюдение за фон Брауном военному хирургу. На некоторое время Хэмилл освободился от обязанностей охранника и опекуна и смог заняться организацией работ по ракетной программе.

В госпитале фон Брауна держали на строгой диете и порекомендовали после выписки отдохнуть несколько недель. Вскоре он начал привыкать к своей жизни в Америке и к американцам и однажды записал в своем дневнике:

Мне казалось, что меня встретят здесь враждебно, как бывшего врага, и причем высокого ранга, но я ошибся. Американцы, в отличие от многих европейцев, народ незлопамятный... Официальные лица советовали мне скрывать, что я немец, но меня выдавал мой ломаный английский. Люди в штатском из разведки, которые следили за мной днем и ночью, прозвали меня «Голландец», но вскоре их отношение ко мне изменилось, и они начали приглашать меня на партию покера или блэкджека.

Городок Эль-Пасо находится у западной границы штата Техас, там, где воды реки Рио-Гранде устремляются к штату Нью-Мексико. В окрестностях Эль-Пасо сохранилось самое старое поселение — миссия Нуэстра Сеньора дель Кармен. Это поселение было

основано в 1682 году, на его территории рядом с американскими колонистами проживали испанские иммигранты. Штат Техас был присоединен к Соединенным Штатам в 1845 году, а в 1848 году американцы построили рядом с Эль-Пасо крепость Форт-Блисс. Когда в эти места приехал Вернер фон Браун, Эль-Пасо, как и век назад, оставался маленьким провинциальным городком посреди бескрайних малонаселенных просторов американского Запада.

Местный ландшафт показался фон Брауну не столь приветливым, как местные жители. В своем дневнике он описал впечатления от увиденных здесь красот такими словами:

Однажды вечером я наблюдал, как солнце садится за склонами гор Сакраменто. Этот горный хребет находился на расстоянии не менее 160 км от меня, но когда я смотрел на горы через прозрачный воздух над раскинувшейся пустыней, мне казалось, что они совсем рядом, буквально в двух шагах от меня. Мои глаза привыкли видеть зеленые луга и холмы Центральной Европы, и здешний ландшафт выглядел грандиозным и подавлял своими огромными масштабами. Но в то же время сердцем я чувствовал, что вряд ли эти красоты меня когда-либо очаруют. Растительность здесь скудная, а человек, стоя перед этим огромным открытым пространством, ощущает себя совсем ничтожным и очень одиноким.

Форт-Блисс был выбран в качестве места расположения центра ракетных исследований. Оставалось выбрать места для стартовых площадок.

В качестве главного испытательного полигона было решено использовать артиллерийский полигон Уайт-Сэндз в штате Нью-Мексико. Этот полигон находился севернее Эль-Пасо, в 48 км, если лететь самолетом, и в

80 км, если ехать на автомобиле. Довольно близко от Уайт-Сэндз сохранились такие знаменитые исторические места, как полигон, на котором в июле прошлого года Роберт Оппенгеймер и другие физики-ядерщики испытывали первую атомную бомбу, а в 192 км от полигона Уайт-Сэндз можно было постоять на стартовой площадке, с которой в начале 1930-х годов взмывали в воздух ракеты пионера американского ракетостроения Роберта Годдарда.

Пока фон Браун лечился в госпитале от приступа гепатита, майор Хэмилл готовился к прибытию немецких специалистов. Он отправился в Уайт-Сэндз, чтобы посмотреть, какие приготовления уже сделаны. Там он увидел лишь два деревянных строения. Эти здания разительно отличались от тех, что были когда-то на Пенемюнде, а затем были почти до основания разрушены во время налетов британских бомбардировщиков в августе 1943 года. А в начале 1945 года немцы вывезли с Пенемюнде все ценное, что уцелело под градом бомб. В качестве жилья для немецких ученых и инженеров Хэмилл решил использовать пустующие одноэтажные строения казарменного типа, окруженные колючей проволокой. После недолгих переговоров он получил их в свое распоряжение.

Двадцать третьего февраля 1946 года в Соединенные Штаты был доставлен последний из 118 германских специалистов в области ракетостроения. (К великому сожалению американцев, один из прибывших немцев вскоре умер.) Большая часть ученых была размещена в Форт-Блиссе, а небольшая группа из 12–15 человек отправилась на север, в Уайт-Сэндз, где они должны были заниматься сборкой ракет. «Команда» — так называли американцы немецких экспертов — была готова работать на Соединенные Штаты. Бывшие граждане Третьего рейха чувствовали себя

униженными. Но после того, как первый американец ступил на Луну, эти люди стали гордостью Америки, страны, которая стала их второй родиной.

Официального названия команда немецких специалистов не имела. Они сами, их американские друзья и недруги называли ее по-разному — просто «Команда», «Ракетная команда», «Команда с Пенемюнде», «Немцы» или «Команда фон Брауна». За рамками своего участия в операции «Оверкаст» эти люди не были объединены в какую-либо организацию и в различных государственных структурах не фигурировали как некая официальная диаспора. Внутренняя же организация команды напоминала феодальную иерархию. Все эти люди родились в Германии. Многие из них начали работать под руководством фон Брауна еще в начале 1930-х годов и были его коллегами и подчиненными вплоть до конца Второй мировой войны. Поэтому все они были верны фон Брауну и в ореоле славы своего лидера чувствовали себя защищенными и уверенными в том, что их ждет счастливая жизнь, без тревог и разочарований.

Команда фон Брауна сформировалась в октябре 1932 года. Сам фон Браун недавно отметил свой двадцать первый день рождения и трудился в отделе баллистики и вооружений рейхсвера, где разрабатывал ракеты с жидкотопливными двигателями. Непосредственным начальником фон Брауна был полковник, а позже генерал Вальтер Дорнбергер. За 13 лет команда фон Брауна превратилась в огромный коллектив численностью в несколько тысяч человек. К концу Второй мировой войны этот коллектив распался, а исследовательский центр на Пенемюнде был разрушен. Однако небольшая группа людей фон Брауна оставалась рядом с ним и позже сдалась американцам, предложив победителям свои знания и опыт. Руководство

армии США приняло это предложение и заключило с немецкими специалистами полугодовые контракты.

Поскольку у американцев не было опыта в деле разработки больших ракет, и особенно таких, как «Фау-2», они с радостью встретили предложение фон Брауна и попросили его сообщить имена тех людей, которые помогли бы в кратчайшие сроки наладить производство боевых ракет для армии Соединенных Штатов. Сделать это фон Брауну было легко. Он прекрасно знал, кто из его людей верен ему и обладает высокой квалификацией. Всего он назвал 118 фамилий. Среди тех, кто прибыл в Форт-Блисс, были:

- *Вальтер Ридель*, инженер, занимавшийся созданием ракет еще до того, как ими заинтересовался рейхсвер — с конца 1920-х до начала 1930-х годов Ридель одним из первых присоединился к фон Брауну, чтобы создавать ракеты для германской армии.
- *Артур Рудольф*, также пионер германского ракетостроения и коллега фон Брауна в годы работы последнего на германскую армию. Рудольф был начальником производства на заводе «Миттельверк», на котором создавались ракеты «Фау-2».
- *Герберт Акстер*, юрист по образованию и подполковник Вермахта в конце войны. Акстер был начальником штаба у Вальтера Дорнбергера, руководившего ракетной программой Германии в течение 30 лет. Акстер примкнул к германским ракетчикам лишь в годы Второй мировой войны.
Магнус фон Браун, младший брат Вернера фон Брауна, имел диплом химика, но занимался разработкой и производством гироскопов для ракет «Фау-2».

Немецкие специалисты, прибывшие в Америку в соответствии с временными контрактами, заключенными с армией Соединенных Штатов, оставили в Германии своих жен, детей и родителей. Те по-прежнему жили под присмотром американских военных в специальном лагере для гражданских лиц в Ландсхуте, в Баварии. Жизнь в этом лагере была лучше, чем за его пределами, и местные жители считали это явной дискриминацией своих прав. Этот лагерь фигурировал в документах, как лагерь «Оверкаст». С целью обеспечения еще большей секретности и в связи с расширением ракетной программы проект «Оверкаст» 13 марта 1946 года был переименован и получил название «Пейперклип».

Работа на армию США давала немецким ракетчикам определенные преимущества. Они были обеспечены вполне сносным жильем, питанием и одеждой. Оставалось лишь привыкнуть к американской пище, климату и пустынному ландшафту вокруг Эль-Пасо. Сама же работа большинству из них была хорошо знакома, поскольку в Третьем рейхе они занимались тем же. Изменился лишь хозяин.

Их должностные обязанности были сформулированы в управлении артиллерийского и технического снабжения армии США и заключались в следующем. Они должны были подробно рассказать американским генералам, крупным промышленникам и ученым о конструкциях и технологии производства германских ракет разных типов. Кроме этого, они должны были собрать из частей, вывезенных из «Миттельверка», опытные образцы ракет «Фау-2» и осуществить их пробные запуски. И, наконец, им предстояло исследовать дальнейшие перспективы применения ракет как в военных, так и в научных целях. Армейское руководство заключило договор с компанией «Дженерал

электрик», согласно которому эта компания должна была обеспечить техническую поддержку, благодаря которой Соединенные Штаты смогли бы использовать своих немецких контрактников с наибольшей эффективностью.

Несмотря на то, что американский персонал сохранял полный контроль над разработками, испытывать ракеты было поручено немцам, поскольку те лучше американцев знали конструктивные особенности своих ракет и уже испытывали их на полигонах Германии. Во время статического теста, проведенного 15 марта 1946 года, первая из собранных ракет сгорела за 57 секунд, еще до полного выгорания топлива. Вторую удалось запустить 16 апреля, однако ее двигатель был заглушен с помощью аварийного радиосигнала через 19 секунд после запуска. Аварийная ситуация была вызвана тем, что раскололся один из стабилизаторов в хвосте ракеты, и она могла сильно отклониться от траектории. Тем не менее вторая ракета достигла высоты 8 км. Первый удачный запуск баллистической ракеты состоялся 10 мая 1946 года. «Фау-2» достигла намеченной высоты в 170 км и пролетела расстояние свыше 48 км.

Четвертая «Фау-2» стартовала 29 мая 1946 года. Этот запуск должен был продемонстрировать боевую мощь ракеты и использовать ее в качестве политической «дубинки». Ракета поднялась на запланированную высоту, но вместо того, чтобы повернуть на север, полетела в южном направлении. Это произошло из-за сбоя в гироскопической системе наведения. В подобных случаях инструкция предписывала передать на ракету радиосигнал, с помощью которого было бы перекрыто поступление топлива к двигателю. Эрнст Штайнхофф, член команды Брауна, должен был сообщить об аварийной ситуации в исследова-

тельскую лабораторию ВМС, а дежурный офицер этой лаборатории должен был послать сигнал на ракету с помощью мощного радиопередатчика. Однако Штайнхофф поступил вопреки инструкции. Он сообразил, что прервав свое движение преждевременно, ракета будет некоторое время двигаться по своей траектории и упадет на землю южнее полигона Уайт-Сэндз. При этом на Эль-Пасо или на Сьюдад-Хуарес выплеснется большое количество высокотоксичного ракетного топлива. Не исключено, что часть этого топлива попадет и в воды реки Рио-Гранде. Поэтому Штайнхофф решил не прерывать доступ топлива к двигателям ракеты с тем, чтобы она упала в пустынном районе уже южнее Сьюдад-Хуареса.

«Фау» врезалась в каменистый склон в полутора милях южнее Сьюдад-Хуареса. После удара в склоне осталась огромная яма глубиной 9 м и диаметром 15 м.

Подполковник Гарольд Тернер, руководивший испытаниями, тут же связался по телефону с мексиканским генералом из штата Чиуауа, и тот ему сообщил, что, кроме дыры, в склоне разрушений нет. Генерал пообещал успокоить власти Мехико. Однако в Вашингтоне были встревожены не меньше. Вскоре Тернеру пришлось объяснять причины этого инцидента генералу Дуайту Эйзенхауэру, начальнику штаба армии США, а также государственному секретарю Джорджу Маршаллу. В ходе официального расследования случившегося было установлено, что действия Штайнхоффа были единственно верными.

Позже один американский лейтенант как-то похвастался, что присутствовал при пуске боевой ракеты на территорию другого государства. Под «другим государством» он, конечно же, имел в виду Мексику,

страну, с которой у Соединенных Штатов отношения в те годы были далеко не идеальными.

Однако некоторым мексиканцам это событие позволило получить приличный барыш. Еще не успели остыть обломки ракеты, как предприимчивые авантюристы начали срочно распродавать куски металла, якобы найденные на месте падения ракеты. Эрнст Штайнхофф приблизительно оценил количество проданного металла, и оказалось, что общий вес сувениров составил от 10 до 15 т, в то время как вес ракеты не превышал 4 т. Поэтому не удивительно, что некоторые куски металла очень напоминали консервные банки.

Помимо демонстрации мощи и возможности своих ракет немецкие специалисты сумели разобрать и упорядочить горы документации, вывезенной из Германии, а также написать невообразимо большое количество всевозможных инструкций и отчетов. Девятнадцатого апреля 1946 года майор Хэмилл разослал сотни отчетов о проделанной работе в различные инстанции, начиная с армейских канцелярий в Вашингтоне и заканчивая лабораторией реактивного движения в Пасадене, штат Калифорния.

К середине 1946 года многие из немецких специалистов прожили в США не менее года. При этом все они не имели никаких официальных документов, позволяющих им проживать на территории Соединенных Штатов. Им было запрещено покидать пределы Форт-Блисса, занимавшего площадь в шесть акров, и приходилось жить за колючей проволокой. В начале сентября армейские чиновники несколько ослабили эти строгие ограничения и выдали немцам специальные пропуска, позволявшие им свободно перемещаться в окрестностях Эль-Пасо. В конце ноября США продлили контракт с немецкими специалистами еще

на год. Пошел второй год работы команды фон Брауна на нового хозяина, за ним третий, четвертый и, наконец, долгие годы «холодной войны». Теперь уже всем стало ясно, что немцы-ракетчики останутся в Соединенных Штатах навсегда.

Вскоре власти США дали разрешение на въезд в страну родственников своих германских служащих. В результате численность немецкой колонии в Форт-Блиссе выросла почти втрое. После этого удержать операцию «Пейперклип» в секрете уже было нелегко, и армейское руководство было вынуждено разрешить фон Брауну и его людям встретиться с репортерами. При этом военные повсюду представляли немцев как истинных борцов за мир против разрастающейся опасности коммунизма.

Американская пресса с удовольствием набросилась на новую злободневную тему, и вскоре жители не только Эль-Пасо, но и всей Америки узнали об иммигрантах из Германии больше, чем, возможно, желали знать. Однако любая попадавшая в прессу информация перед этим тщательно фильтровалась секретными службами США, и гласность в средствах массовой информации была явно запланированной заранее.

«Интервью немецких специалистов. Ученые из Германии, о которых военные из Форт-Блисса до сих пор говорили только шепотом, скоро ответят на вопросы репортеров» («Эль-Пасо геральд-пост», 13 ноября 1946 года). В Третьем рейхе имя Вернера фон Брауна и характер его работ считались государственной тайной. Народ Германии узнал о ракетах «Фау-2» лишь в последние месяцы войны, а до этого никто — кроме тех, кому это было положено по долгу службы, — даже не слышал о Вернере фон Брауне

и его команде, а тем более о том, над чем эти люди работали. (После того как в конце войны фон Браун сдался американцам, у него брали интервью и его даже фотографировали военные репортеры, но довольно скоро о нем забыли, конечно же, по приказу сверху. Когда же фон Браун прибыл в Соединенные Штаты, его имя и работа снова были засекречены.) Возможность выступить перед аудиторией, несомненно, привлекала фон Брауна. Он давно мечтал о широком признании своего таланта и достижений и поэтому основательно готовился к первому публичному выступлению. На ярко освещенной сцене он появился гордый и улыбающийся, словно руководитель оркестра после окончания концерта.

«118 лучших немецких специалистов, создателей ракет “Фау-2”, обосновались в Эль-Пасо. Разработчики секретного оружия для нацистов теперь работают в Соединенных Штатах» («Эль-Пасо таймс», 4 декабря 1946 года). В тот же день в «Эль-Пасо геральд-пост» появилась статья с фотографиями, на которых была запечатлена заправка ракеты «Фау-2» топливом.

«Германские ученые рассказывают о том, как они пришли от своей первой ракеты, поднявшейся на высоту не более мили, к баллистической ракете “Фау-2”» («Эль-Пасо геральд-пост», 5 декабря 1946 года). В статье на первой полосе Вернер фон Браун рассказывал об этапах создания «Фау-2» и о том, как он вместе со своими людьми явился в расположение одной из американских частей, чтобы предложить свои услуги победителям. Фон Браун предпочел умолчать об использовании «Фау-2» в годы войны.

«33 процента ракет “Фау-2” успешно прошли испытания» («Эль-Пасо таймс», 6 декабря 1946 года). Однако в тексте статьи была исправлена ошибка, попавшая в заголовок, и отмечалось, что на поли-

гоне Уайт-Сэндз успешно завершили испытания 67 процентов ракет, а 33 процента запусков закончились неудачно. Вернер фон Браун отвечал на вопросы журналистов целых три часа. В основном речь шла о ракетах, но в конце интервью фон Браун сообщил, что скоро состоится его свадьба, и назвал имя своей избранницы — Мария Луиза фон Квисторп. Коллеги фон Брауна шутили, говоря, что свадебная церемония пройдет под знаком «скрещенных ракет».

«Ракета “Фау-2” устанавливает новый рекорд скорости». В том же номере «Эль-Пасо таймс» сообщалось, что в одном из запусков «Фау-2» достигла скорости около 5500 км/час. В этой короткой заметке говорилось также о запуске, который должен состояться 17 декабря. Во время полета с борта ракеты будут выброшены в атмосферу искусственные метеориты, и жители штатов Техас и Нью-Мексико смогут наблюдать в ночном небе удивительный фейерверк.

«Немецкие ученые используют свои собственные судебные органы для рассмотрения нарушений условий контракта» («Эль-Пасо геральд-пост», 6 декабря 1946 года). Проживая на территории Соединенных Штатов без паспортов и виз, немецкие ракетчики нарушали американские законы. Покровительство генералов и забор из колючей проволоки вокруг немецкой колонии не делали это нарушение менее значительным. Многие невинные на первый взгляд проступки, как, например, прогулки за территорией Эль-Пасо, могли повлечь серьезные санкции со стороны военной администрации и поставить под угрозу как само присутствие немцев в стране, так и предоставленную им возможность заниматься любимым делом — создавать ракеты. Майор Хэмилл попросил фон Брауна создать в колонии нечто вроде суда. Этот «народный суд» должен был рассматривать нарушения внутрен-

него распорядка в колонии, но сам при этом тоже не являлся легитимным органом правосудия. Были определены и соответствующие меры наказания. Фон Браун назначил на роль судьи Дитера Гуцеля, а на роли присяжных — нескольких своих коллег.

Весьма любопытный пример одного из нарушений, рассмотренных народным судом, и последовавших мер воздействия можно найти в досье Вернера фон Брауна, хранящемся в архиве ФБР.

Майор Джеймс Хэмилл сообщил фон Брауну о том, что в июне 1946 года Магнус фон Браун, брат Вернера, продал ювелиру из Эль-Пасо слиток платины, получив за него всего сто долларов. Магнус сказал ювелиру, что эту платину привез в Америку из Голландии его отец-американец, воевавший в годы первой мировой войны в Европе. (Барон фон Браун впервые прибыл в США лишь в конце марта 1947 года, через девять месяцев после этого случая.) Магнус назвал ювелиру свое настоящее имя и номер телефона, а ювелир сообщил об этом властям. Майор Хэмилл допросил Магнуса, и тот довольно быстро сознался, что привез платину в США сам, нарушив тем самым таможенные законы. Позже Хэмилл доложил начальству о том, что Вернер фон Браун, узнав о случившемся, не стал устраивать суд над братом, а просто жестоко избил провинившегося.

«Германские ученые планируют разместить между Землей и Луной космическую станцию для заправки ракет топливом» («Эль-Пасо геральд-пост», декабрь 1946 года). Надо признать, что немецкие ракетчики давно мечтали о путешествиях в космос и их цели были мирными и не столь прагматичными, как у военных.

«Мы хотим жить и работать в свободной стране» («Тайм», 9 декабря 1946 года). Журнал опубликовал

первый официальный отчет о работе фон Брауна и его команды в Форт-Блиссе. Вместе с отчетом была помещена фотография Вернера фон Брауна. Он стоял в сборочном цехе, на фоне частей своего детища — ракеты «Фау-2». Руки он держал в карманах и выглядел уверенным, гордым и даже надменным, словно он всю жизнь, а не полтора года работал на страну, победившую во Второй мировой войне. В «Тайм» было написано, что немцы, живущие в Форт-Блиссе, являются «гражданскими служащими военного министерства США, помогающими внедрить европейскую технологию производства ракет в Соединенных Штатах, и находятся в стране лишь временно» (выделено автором). В отчете также сообщалось, что немецкие эксперты получают от двух до одиннадцати долларов в день за основную работу и по шесть долларов в день — за работу в выходные дни. Статья заканчивалась так: «Им пообещали, что когда-нибудь они смогут получить американское гражданство». То, что власти США позволили их родным и близким переселиться в Америку из Европы, по-видимому, является гарантией того, что это обещание — не пустые слова.

Клуб «Ротари» в Эль-Пасо пригласил фон Брауна выступить 16 января 1947 года на одном из заседаний. Фон Браун, остававшийся за завесой секретности в течение 15 лет, сначала в Германии, а затем в США, с удовольствием принял это приглашение и подготовил текст своего выступления, включив в него некоторые сведения о своей жизни в Германии.

Фон Браун очень старался преодолеть языковой барьер, понимая, что без этого ему будет нелегко добиться популярности в стране, ставшей его второй родиной. Он ежедневно записывал на магнитофонную ленту английские фразы в своем исполнении

и прослушивал их, пытаясь определить, насколько успешно он овладевает разговорной речью. Фон Браун стремился к тому, чтобы его речь была беглой, естественной и без немецкого акцента. Он расширял свою лексику, включая в нее сленг и разговорные клише, используемые американцами.

Фон Браун, конечно же, не мог рассказать в клубе о своей работе на армию США, поскольку эти сведения были государственной тайной. Однако вполне мог позволить себе обратиться к теме «Использование ракет в будущем». И он рассказал о своей программе покорения космоса и том оборудовании, которое он намеревался создать со своими коллегами через десяток-другой лет, а именно:

- усовершенствованный вариант «Фау-2» — космический корабль;
- трехступенчатую ракету, которая могла бы вывести на орбиту Земли искусственный спутник;
- крылатую ракету, которая могла бы возвращаться из космоса и садиться на Землю, подобно реактивному самолету;
- космическую станцию в форме колеса, способную вращаться и создавать в результате искусственное поле тяжести внутри себя;
- космическую станцию между Луной и Землей, которая служила бы промежуточной базой для заправки топливом ракет, направляющихся к Луне или другим планетам Солнечной системы.

Фон Брауну очень хотелось выступить перед более широкой и компетентной аудиторией, но и в этом случае его выступление опередило бы время. Во время первого публичного выступления в Америке фон Браун четко определил направления своей будущей де-

тельности. Шанс еще раз рассказать о своих планах завоевания космоса уже всему американскому народу появился у Вернера фон Брауна лишь через пять лет после выступления в клубе «Ротари» в Эль-Пасо.

Пустынные безрадостные ландшафты юго-запада США навевали тоску на образованных европейцев, оторванных от своей родины и вынужденных приспособляться к американскому быту и культуре. Немецкие колонисты хотели, чтобы рядом с ними были их родные и близкие, и армейское руководство, понимая это, пошло им навстречу. В марте 1947 года в Эль-Пасо прибыли члены семей немецких ракетчиков. Вернер фон Браун также решил обзавестись семьей и переехать жить в отдельный дом. Седьмого ноября 1946 года он сообщил руководству, что собирается вступить в брак с Марией Луизой фон Квисторп, и попросил, чтобы ей позволили приехать вместе с его родителями из германского городка Ландсхут в Форт-Блисс, где должна была состояться свадьба.

Восемнадцатилетняя Мария фон Квисторп была кузиной Вернера. Ее отец, Александр фон Квисторп, приходился братом матери фон Брауна, урожденной Эмми фон Квисторп. Мария была очень привлекательной голубоглазой блондинкой и так же, как Вернер, происходила из старинного аристократического рода. Последний раз Вернер видел Марию зимой 1945 года. Тогда ей было всего 16 лет, а ее семья спешила покинуть север Германии до прихода русских и переселиться в свой особняк, расположенный на границе Германии с Голландией. Те дни были суматошными, и у Вернера не было времени, чтобы высказать свои чувства Марии и обсудить с ее родителями их будущее.

Уже в зрелом возрасте фон Браун рассказал о том, как, будучи семнадцатилетним юношей, он держал малышку Марию на руках во время ее крещения в лютеранской церкви. «Именно тогда я впервые взглянул в ее голубые, как небо, глаза и решил жениться на ней, когда она вырастет». Это была трогательная история, из рода тех, которые обычно рассказывают деды своим внукам. А пока тридцатичетырехлетний Вернер фон Браун был холостяком, однако романтических увлечений он не избежал. Как-то раз он хвастался перед друзьями, что его подружкой была легендарная немецкая летчица — Ханна Райч. Они познакомились летом 1932 года на лекциях по планизму в летной школе в Грюнау, в Силезии. Вернер и Ханна сохранили дружеские отношения на долгие годы. Позже Ханна завела роман с генералом Люфтваффе Робертом Риттером фон Граймом, а в конце войны уже была среди женщин, входивших в близкое окружение фюрера.

Наиболее серьезным увлечением фон Брауна была, по-видимому, Доротея Брилл, двадцатисемилетняя берлинка, родом из южногерманского городка Тюбинген. Пятого апреля 1943 года фон Браун послал официальное заявление в соответствующие инстанции рейхсканцелярии СС с просьбой позволить жениться на Доротее Брилл. Эсэсовские чиновники могли дать согласие на брак только после проверки чистоты расы избранницы фон Брауна. В досье фон Брауна Доротея упоминалась лишь один раз. О том, что же произошло на самом деле, можно только догадываться, и версий можно выдвинуть несколько.

Вполне возможно, что чиновники из отдела проверки чистоты расы обнаружили среди предков Эмми евреев и сочли ее неподходящей парой для фон Брауна.

Но, возможно, этого препятствия не было и Эмми просто погибла во время воздушных налетов на Берлин.

Нельзя исключить и такую версию: у Эмми либо у Вернера угасла любовная страсть, и они расстались.

В прошлом фон Брауна было немало подобных белых пятен. О нем он предпочитал молчать. Хранили молчание его друзья и коллеги, а документы, из которых можно было что-то узнать о жизни Вернера фон Брауна в Германии, либо сгорели во время пожаров, либо после раздела Германии между победителями оказались в советской зоне оккупации.

В первые же месяцы после окончания войны родителям Вернера удалось выехать в городок Ландсхут, в лагерь «Оверкаст», в котором под опекой американцев проживали семьи других немецких ракетчиков. Мария фон Квисторп в это время находилась в британской зоне оккупации и регулярно переписывалась с родителями Вернера. О судьбе ее отца ничего не было известно вплоть до сентября 1948 года. Позже выяснилось, что он находился в одном из лагерей в Восточной Германии. Отец Вернера фон Брауна решил позаботиться о Марии и выдать ее за Вернера, чтобы избавить девушку от тягот послевоенной жизни в Германии и сделать счастливым своего сына.

Многие из немецких ракетчиков были, как и фон Браун, холостяками и подумывали о том, чтобы обзавестись семьей и греться у домашнего очага. В разрушенной Германии были миллионы одиноких молодых женщин. Найти жениха после войны было непросто, и перспективы на будущее в Германии были довольно мрачными. Многие из этих женщин хотели уехать за океан, где готовы были выйти замуж за любого, лишь бы начать жить нормально. Однако армейские чиновники США не были склонны заниматься вопро-

сами семьи и брака своих немецких контрактников, и фон Браун не был для них исключением. Поэтому немецким ракетчикам было объявлено, что если кто-нибудь имеет либо найдет себе невесту в Германии, то ему будет разрешено отправиться на родину (конечно же, в сопровождении американского офицера) для заключения брака, после чего он с молодой женой должен опять вернуться в Техас.

Вернер фон Браун отправился в Германию 14 февраля 1947 года. Свадебная церемония состоялась в лютеранской церкви в Ландсхуте 1 марта 1947 года. Об этом событии жители Эль-Пасо узнали через два дня из статьи «Женитьба фон Брауна», опубликованной в «Эль-Пасо геральд-пост». В ней рассказывалось о семье жениха и его работе над созданием ракет для Третьего рейха в годы войны.

Двадцать шестого марта 1947 года Вернер фон Браун вместе с молодой женой и родителями вернулся в Форт-Блисс. Теперь почти все семейство фон Браунов переселилось за океан. В Европе остался лишь один брат Вернера — Сигизмунд, который в прошлом являлся сотрудником германского посольства в Ватикане, а теперь был приглашен работать в качестве переводчика на Нюрнбергском процессе.

Женитьба не только сделала Вернера счастливым, но и способствовала его карьере и росту популярности в Соединенных Штатах. Один из коллег фон Брауна, Эрнст Штулингер, вспоминал: «Все восхищались молодостью, красотой и изяществом Марии и относились к ней с уважением и почтением, как к “первой леди” немецкой колонии». Пресса Эль-Пасо не прекращала знакомить своих читателей с жизнью немецких поселенцев в Техасе. На страницах газет ежедневно появлялись новые и подчас неожиданные заголовки:

«Дети немецких ракетчиков хором исполняют в школе песню “Глаза Техаса”. Похоже, они клянутся в верности американскому флагу» («Эль-Пасо геральд-пост», 5 августа 1947 года).

«Конкурсы “Говори по-английски” помогают детям Германии освоиться в Америке» («Эль-Пасо геральд-пост», 6 августа 1947 года).

«Немецкие ученые, похоже, не желают получать гражданство США» («Эль-Пасо таймс», 27 июля 1947 года). В ответ на критические замечания по поводу того, что немецкие специалисты до сих пор не являются гражданами Соединенных Штатов, представитель госдепартамента заявил, что никто из них пока не обращался с официальным заявлением предоставить им американское гражданство, и добавил, что, согласно законам Соединенных Штатов, никто из немцев не будет иметь на это права, по крайней мере, в ближайшие несколько лет. Однако уже через несколько месяцев ситуация, похоже, резко изменилась.

«72 немецких ракетчика желают стать гражданами США» («Эль-Пасо таймс», 5 ноября 1947 года). Семьдесят два немецких специалиста в области ракетостроения, участвующих в проекте «Пейперклип», обратились в госдепартамент с просьбой предоставить им американское гражданство. Майор Хэмилл сообщил, что с этой просьбой обратились все немцы из Форт-Блисса, которые имели на это право по закону. Те же, кто пока такого права не имел, решили для начала отказаться от германского гражданства.

Менее чем за год американская пресса и, в особенности, газеты Эль-Пасо превратили фон Брауна и его коллег из вражеских ученых и бывших нацистов в респектабельных законопослушных иммигрантов, добропорядочных отцов семейств и мужей, достойных стать гражданами Соединенных Штатов. Если

отбросить некоторые странности, которые характерны для талантливых людей вообще, то все немецкие поселенцы в Форт-Блиссе были, как следовало из газет, славными парнями.

Однако не все американцы готовы были забыть, что почти все эти славные парни в годы войны были пособниками нацистов, некоторые даже носили погоны офицеров СС. Бурные протесты появились после того, как немецкие ракетчики дали свои первые интервью американским репортерам. Тридцатого декабря 1946 года группа выдающихся американских деятелей, включая гениального физика Альберта Эйнштейна, известного политика Ричарда Нойбергера, профсоюзного лидера Филиппа Мюррея и религиозных лидеров — раввина Стивена Уайза и пастора Нормана Винцента Пила, направила президенту Гарри Трумэну ноту протеста, в которой было, в частности, написано следующее: «Мы считаем этих людей потенциально опасными для Соединенных Штатов, поскольку они способны посеять на американской земле семена расовой ненависти и религиозной нетерпимости. Многие из них в прошлом либо состояли в нацистской партии, либо молчаливо одобряли злодеяния нацистов, и поэтому мы считаем, что они не достойны быть гражданами Соединенных Штатов и занять со временем ключевые позиции в американской промышленности, науке и системе образования».

Двадцать четвертого марта 1947 года генеральный секретарь Федерации американских ученых У. А. Хигенботэм обратился к президенту Трумэну с требованием, чтобы запретить немецким специалистам, участникам проекта «Пейперклип», работать в частном промышленном бизнесе и преподавать в университетах и колледжах. В своем послании президенту он написал: «Благосклонность правительства США к

этим лицам является оскорбительной для всех стран, воевавших вместе с США против нацистской Германии, для ученых, эмигрировавших в США из оккупированных стран, и для всех тех, кто пострадал от гитлеровских палачей, которым эти специалисты помогали ковать победу в кровавой войне, развязанной в Европе». Федерация американских ученых считала, что «массовый ввоз ученых из Германии не согласуется с государственными интересами и внешней политикой Соединенных Штатов».

Первого июня 1947 года «Эль-Пасо таймс» опубликовала статью с названием «Нападки на немецких ученых из Эль-Пасо». В ней сообщалось, что конгрессмен-демократ из Детройта, Джон Дингелл, выступая в Палате представителей, резко критиковал как сам проект «Пейперклип», так и тех, кто задумал осуществить его в Соединенных Штатах. Он сказал: «Я никогда не считал и не считаю, что мы, американцы, настолько глупы, что должны импортировать бывших нацистов для того, чтобы они помогли нам укрепить обороноспособность нашей страны. Немец — это нацист, а нацист — это немец. Эти слова являются синонимами».

Через полстолетия после окончания Второй мировой войны эти высказывания американского конгрессмена кажутся слишком резкими и несколько наивными. Однако за несколько лет до того, как были сказаны эти слова, подобное мнение преобладало среди американских политиков, и его разделяли миллионы простых американцев.

В этой статье после слов Дингелла были приведена и другая информация, выдержанная в том же духе:

В британской прессе сообщалось, что немецкие ракетчики создавали ракеты, которые убивали англий-

ских женщин и детей, и что некоторые из немецких ученых, работающих в послевоенные годы в США, были замешаны в преступлениях не менее серьезных, чем те, за которые многие из нацистов были отправлены на виселицу.

Однако никаких конкретных фактов в этой статье не приводилось и даже не назывались имена тех немецких ученых, которые являлись активными членами Национал-социалистской партии Германии.

Для того чтобы как-то смягчить резкость высказанных мнений, авторы статьи привели в конце точку зрения высших армейских чиновников США. Последние заявляли, что немецкие специалисты работают на оборону США уже более года и за все это время никаких нареканий со стороны военного министерства в отношении «технического либо морального уровня» этих людей не было. Это, по-видимому, является следствием того, что перед немецкими учеными в Америке открылись «более широкие перспективы для исследований», чем в военные годы в Германии.

Прочитав эту статью, военные тут же сделали для себя необходимые выводы: если они желают удержать в Соединенных Штатах своих талантливых немецких контрактников, то должны представить их как образцовых иммигрантов и добропорядочных отцов семейств и ни при каких обстоятельствах не упоминать публично о нацистском прошлом этих людей.

В 20-летнем возрасте я, честно признаться, был еще несмышленным юнцом и не осознавал значения смены политического руководства. Мой отец был, естественно, мудрее. При президенте Гинденбурге он занимал пост, соответствующий посту министра сельского хозяйства, но с приходом Гитлера к власти отец ушел в отставку. Он не раз говорил мне, что новая политика закончится трагедией не только для народа Германии, но и для многих других народов. Однако я был фанатично увлечен ракетостроением и пропускал его ужасающие прогнозы мимо ушей.

Вернер фон Браун

Подобно другим знаменитостям, Вернер фон Браун тщательно следил за тем, чтобы его прошлое не стало достоянием американской общественности. О его жизни можно было прочитать во множестве статей. Фон Браун всегда с готовностью сотрудничал с теми, кто описывал его жизнь, и почти всегда просматривал окончательные варианты своей биографии с тем, чтобы якобы устранить имевшиеся в рукописях неточности. Несколько раз он и сам поведал о своем прошлом. При необходимости он мог исказить

реальные факты, заменив их вымыслом. А почему бы и нет?

Когда он приехал в Америку, то все, что американцам удалось о нем узнать, исходило из уст самого фон Брауна, его друзей и коллег, а также следовало из официальных документов, которые американским спецслужбам удалось найти в Германии. Но многие, очень многие факты из жизни фон Брауна были сокрыты в тумане неизвестности, и причиной тому было то, что многие архивные документы сгорели во время пожаров в Германии либо были преднамеренно уничтожены нацистами. Если какие-либо документы еще и существовали, то, скорее всего, в советской зоне оккупации и поэтому были недоступны для американских армейских чиновников. Но самым интригующим в истории жизни Вернера фон Брауна до того, как он ступил на американскую землю, является, конечно же, не то, что он рассказал или сочинил о своем прошлом, а то, о чем фон Браун умолчал.

Иммигранты в подавляющем большинстве случаев были обычными людьми, приехавшими на заработки, крестьянами, мечтавшими ухватить приличный кусок земли, либо неграми, проданными в рабство. Лишь немногие из них были аристократами, которые, не выдержав ударов судьбы, отправились искать свое счастье за океан. Вернер фон Браун принадлежал именно к этой группе.

Родовое имя предков фон Брауна происходило от рыцаря Хенимануса Де Бруно, который жил в баварском городке Бранау в 1285 году. Впоследствии, на протяжении веков написание фамилии Бруно изменилось, и последняя писалась по-немецки как Brunowe, Bronav, de Bronne, Brawnaw и, наконец, превратилась в современную — Braun. Потомки рыцаря

Де Бруно на протяжении нескольких столетий были лендлордами и владели крупными поместьями в Силезии и в Восточной Пруссии. Отец Вернера фон Брауна, Магнус Александер Максимилиан фон Браун (1878—1972), носил титул барона и, продолжая семейные традиции, являлся крупным землевладельцем и имел поместья как в Восточной Пруссии, так и в Силезии.

Мать Вернера фон Брауна, урожденная Эмми фон Квисторп (1886—1959), не могла похвастаться столь древней родословной, как ее супруг. Тем не менее род Квисторпов был известен в Германии не меньше, чем род Браунов. Семейство Квисторпов происходило из Швеции, но в течение нескольких веков представители этого рода жили в Померании и в Мекленбурге. В Германии многие из Квисторпов были известны как священники лютеранской церкви, как университетские профессора, как банкиры и как крупные землевладельцы.

Барон Магнус фон Браун женился на Эмми фон Квисторп в 1910 году. Спустя год Эмми подарила супругу первого сына — Сигизмунда. Годом позже, 23 марта 1912 года, Эмми родила в Вирзице, в провинции Позен, второго сына — Вернера Магнуса Максимилиана фон Брауна. В 1919 году в семье Браунов появился третий сын — Магнус.

Вернер родился за два года до начала первой мировой войны. В то время барон фон Браун занимал высокий пост в ландрате* провинции Позен. Первая мировая война стала катастрофой как для Германии, так и для семейства фон Браун. Германия, потерпев поражение в войне, была вынуждена отдать территорию провинции Позен Польше, которой эта терри-

* Ландрат (Landrat) — орган местного самоуправления в Германии. — *Прим. ред.*

тория принадлежала раньше. Брауны же потеряли свои земли.

После войны семейство фон Браун обосновалось в своем поместье в графстве Лёвенберг в Силезии. Живя в отдалении от столицы Германии Берлина, Брауны были защищены от политических и экономических потрясений, обрушившихся на многие города Германии в 1920-е годы. В течение десятилетия, прошедшего после окончания первой мировой войны, барону фон Брауну удалось стать известным в политических кругах Германии и занять пост министра сельского хозяйства.

Интерес юного Вернера фон Брауна к науке и технике пробудился в день его конфирмации в лютеранской церкви. В этот день Эмми подарила сыну телескоп. Остальное, по словам самого Вернера, уже было неизбежным следствием этого дара. «Итак, я стал астрономом-любителем, и это вызвало во мне необычайный интерес ко Вселенной. Я начал мечтать о том, чтобы сконструировать устройство, которое доставило бы человека на Луну». Этим устройством, конечно же, могла быть только ракета.

В мир ракетостроения Вернер фон Браун попал благодаря двум своим соотечественникам — Макс Вальеру и Фритцу фон Опелю, которые мечтали о славе и были увлечены идеей покорения космоса. Вальер написал книгу о космических путешествиях и ракетах. Опель же занимался в то время конструированием автомобилей, но прославиться на этом поприще пока не успел. Вальер привлек Опеля в качестве партнера для того, чтобы тот профинансировал его эксперименты с ракетами. В середине 1920-х годов твердотопливные или «пороховые» ракеты уже использовались в качестве сигнальных на морских судах. Вальер и Опель купили несколько таких ракет

и начали устанавливать их на гоночных автомобилях и на мотосанях для движения по льду. Благодаря использованию ракет Опелю и Вальеру удалось побить существовавшие рекорды скорости. В результате им удалось сделать отличную рекламу для автомобилей Опеля и транспорта для будущих космических путешествий, о котором написал в своей книге Вальер.

Когда юный Вернер узнал об успехах Вальера и Опеля, он отправился в Берлин и купил там дюжины сигнальных ракет. Он привязал ракеты к небольшому фургончику, в котором семейство фон Браун иногда путешествовало по побережью, и отправился на этом транспорте к одной из главных берлинских улиц — к Тиргартен-Аллее. Там он поджег фитили, соединенные с находящимся в ракетах твердым топливом, а точнее с порохом, и модернизированный им автофургон рванул вперед по улице, оставляя за собой огненные языки пламени, вырывавшегося из ракет. Прохожие были в ужасе от увиденного и шарахались во все стороны. Сам Вернер успел только проводить свое детище взглядом. К счастью, никто из прохожих не пострадал, и полиция, вначале арестовавшая юного изобретателя, вскоре выпустила его, посоветовав министру сельского хозяйства подержать своего отпрыска под домашним арестом.

Благодаря богатству и знатности отца юный Вернер получил прекрасное образование. Родители отдали Брауна в престижную берлинскую гимназию, в которой преподавание велось на французском языке. Вернер быстро и легко овладел французским языком. По-видимому, он унаследовал способность к языкам от своей матери. Однако с математикой и физикой дела обстояли неважно. Барон фон Браун не скрывал своего недовольства плохими оценками сына по этим предметам и определил Вернера в школу-интернат

Германа Лейтца, расположенную неподалеку от Веймара. Это учебное заведение славилось своими передовыми методами обучения, почти дружескими отношениями между учащимися и педагогами и очень насыщенной программой обучения.

Находясь в этом необычном учебном заведении, Вернер часто просматривал научно-популярные астрономические журналы. В одном из них он увидел рекламу новой книги под названием «Путь к планетам». (Вернер фон Браун, вспоминая об этом, похоже, допустил неточность. На самом деле эта книга называлась «Путь к космическим путешествиям» и была издана в 1929 году.) Автором ее был соотечественник фон Брауна — некий Герман Оберт. Под рекламным текстом были помещены рисунки с изображением гигантской ракеты и Луны. Вернер заказал эту книгу, надеясь, что в ней он найдет массу интересных сведений о путешествиях в межпланетном пространстве. Когда же книга оказалась наконец в его руках, он с нетерпением начал переворачивать страницу за страницей, и то, что он увидел, его просто потрясло. Страницы книги были испещрены сложными математическими выкладками и заполнены множеством таблиц с цифрами. Вернер понял, что без серьезного изучения математики и физики ему никогда не понять, как можно покорить космос. И он с головой окунулся в изучение этих дисциплин. В результате он начал получать отличные оценки по физике и математике и успешно сдал выпускные экзамены.

Весной 1930 года Вернер стал студентом Политехнической школы в Шарлоттенбурге. В конце 1920-х годов по всей Германии, и в ее столице в особенности, многие молодые люди были увлечены идеей создания ракет для космических путешествий. Энтузиасты ракетостроения организовали «Общество космических

путешествий», которое, по их мнению, должно было помочь им осуществить свою мечту. В Берлине Вернер стал активным членом этого общества. Там он познакомился с молодым писателем Вилли Леем. Позже Лей стал первым автором истории германского ракетостроения. В одной из своих книг он довольно точно охарактеризовал Вернера фон Брауна, когда тот еще учился в Политехнической школе. «Внешне он представлял собой прекрасный образец того типа людей, который был назван позже нацистами “арийским нордическим” типом. У него были голубые глаза и светлые волосы, и одна из моих родственниц обнаружила удивительное сходство между Вернером фон Брауном и выдающимся английским писателем Оскаром Уайльдом, а точнее известным фотопортретом последнего, сделанным лордом Альфредом Дугласом. Манеры Вернера фон Брауна были безупречны и являлись, по-видимому, результатом строгого воспитания в семье».

Вилли Лей знал в Германии каждого, кто всерьез увлекался ракетостроением. Именно представил Вернера патриарху германского ракетостроения — Герману Оберту, автору той книги, которая произвела столь сильное впечатление на фон Брауна в последний год его обучения в школе-интернате. Оберт в те годы находился в Берлине, где собирался испытывать сконструированный им ракетный двигатель. Вернер, по всей видимости, был представлен Оберту по телефону, и фон Браун не преминул воспользоваться этой возможностью для того, чтобы приблизиться к осуществлению своей мечты.

«Я еще учусь в Политехнической школе, — скромно сказал Вернер Оберту, — и не могу предложить вам ничего, кроме своего свободного времени и эн-

тузиазма, но смогу ли я хоть чем-нибудь быть вам полезен?»

Деньги на реализацию своих идей и на испытания Оберт получал от своих единомышленников, добавляя к этим средствам свои сбережения, и поэтому он тоже решил не упускать этого случая. Энтузиаст-помощник ему, конечно, пригодился бы. «Ладно, заходи ко мне прямо сейчас», — сказал Оберт и с этого дня стал первым учителем фон Брауна в области ракетостроения.

Герман Оберт родился в 1894 году в Трансильвании, в отдаленном уголке Австро-Венгерской империи. Следуя по стопам своего отца, он сначала изучал медицину в Мюнхенском университете, но первая мировая война прервала его обучение, и он отправился с полевым госпиталем к линии фронта. После того, что Герману пришлось повидать на фронте, он навсегда потерял интерес к медицине. Кроме того, с окончанием войны Трансильвания перешла к Румынии — противнику Германии в этой войне, и Оберт автоматически превратился в недруга, конечно же не для германской культуры или науки, но для Германии в целом. Тем не менее он вернулся, чтобы продолжать свои исследования в области физики и математики. В качестве темы докторской диссертации Оберт выбрал теоретические исследования, касавшиеся ракет, как транспортных средств для космических путешествий. Эта тема увлекла его еще в раннем детстве. В Гейдельбергском университете диссертацию ему защитить не удалось, и, скорее всего, причиной тому был не только недостаток воображения у университетских профессоров, но и ошибочность некоторых выводов в диссертации Оберта.

Оберт, казалось бы, должен был очень огорчиться, не добившись желаемого признания в немецких науч-

ных кругах, но он не отказался от своих идей. За свой счет он издал диссертационную работу в виде книги с названием «Ракета в межпланетном пространстве». Эта небольшая книжка стала на удивление популярной, и вскоре у Оберта появилась целая группа учеников, которые были готовы создавать ракеты по проекту своего учителя. Эти люди и составили костяк «Общества космических путешествий». Внимание, которого Оберт наконец добился вне научных кругов, вдохновило его, и в 1929 году вышло дополненное и расширенное издание его книги уже под названием «Путь к космическим путешествиям». Именно эта книга и привлекла внимание юного фон Брауна.

В том же 1929 году Оберт попросил отпуск за свой счет у директора средней школы, в которой преподавал физику и математику, и отправился в Берлин, где нашел себе весьма странную компанию в лице одного из известнейших кинопродюсеров Германии — Фрица Ланга. Тот создавал фильм «Девушка на Луне» о путешествии на Луну в ракете. Чтобы сделать свой фильм более убедительным, Ланг привлек Оберта и Вилли Лея в качестве технических консультантов. Кроме того, режиссер уговорил Оберта сконструировать ракету и запустить ее 15 октября 1929 года — в день премьеры фильма. «Девушка на Луне» имела огромный успех, однако работу над созданием ракеты Оберт так и не завершил. Он был блестящим теоретиком, но практических знаний для создания космического аппарата ему явно не хватало.

В 1930 году Оберт вернулся в Берлин, чтобы попытаться создать и испытать ракету с двигателем, работающим на жидком топливе. Помощниками Оберта в этом деле были несколько членов «Общества космических путешествий», включая и Вернера фон Брауна. В эти годы Оберт вынашивал грандиозные

планы, родившиеся во время работы с Лангом. Он сконструировал простой ракетный двигатель и назвал свое детище «Кегельдуэзе» («Коническая струя»). Вместе со своими помощниками Оберт добился больших успехов и испытал новый двигатель на полигоне. Испытания финансировались Институтом химии и технологии (это учреждение занималось тем же, чем в Соединенных Штатах занималось Национальное бюро стандартов). Когда испытания завершились, Оберт получил сертификат, удостоверявший качество и эффективность его двигателя — первого двигателя на жидком топливе, созданного в Германии. Однако, несмотря на достигнутый успех, Оберт вскоре снова оказался без финансовой поддержки. Он вернулся в Румынию, где продолжил преподавательскую работу в школе. Дальнейшее усовершенствование своего детища конструктор предоставил своим ученикам из «Общества космических путешествий», и прежде всего он надеялся на талант Вернера фон Брауна.

Молодые энтузиасты ракетостроения приближались к осуществлению своей мечты уже под руководством военного летчика и участника первой мировой войны инженера Рудольфа Небеля. Небель снял в аренду помещение бывшего военного склада, расположенного в окрестностях Берлина, к северу от столицы. Этот склад должен был стать базой для конструирования и испытания ракет, создаваемых членами «Общества космических путешествий». В конце сентября 1930 года энтузиасты ракетостроения переселились в это здание и укрепили над входом вывеску «Берлинский ракетодром».

Вернер фон Браун, Рудольф Небель и Вилли Лей вместе с другими членами общества сконструировали несколько первых опытных образцов ракет и испытывали их на площадке, расположенной рядом с новым

производственным корпусом. Эти ракеты, собранные из металлолома, были просты по конструкции и далеки от совершенства. Лишь в нескольких случаях удалось добиться того, чтобы ракеты летели по намеченной траектории. Испытания ракет привлекли внимание не только жителей Берлина, местных пожарных служб и прессы, но и германских армейских чиновников.

Для германской армии, рейхсвера ракеты представляли огромный интерес еще и потому, что в Версальском мирном договоре, ограничивавшем количество германских вооружений, ракеты вообще не упоминались. Более того, боевые ракеты стали бы оружием более эффективным, чем обычная артиллерия.

Весной 1932 года несколько армейских офицеров в штатском посетили любительский ракетодром, чтобы посмотреть, чего добились юные конструкторы ракет. Посетители были поражены увиденным и еще более тем, что все работы по созданию ракет выполнялись практически без финансовой поддержки. Армейских чиновников разочаровало лишь легкомысленное отношение конструкторов к документации, касающейся как самих новых разработок, так и испытаний ракет. Для того чтобы убедиться в том, что любители-энтузиасты в состоянии сделать боевую ракету, представители рейхсвера пообещали заплатить конструкторам 1360 марок, если те смогут сделать опытный образец боевой ракеты и запустить ее с одного из артиллерийских полигонов. Кроме того, в договоре между армией и «Обществом» было сказано, что в случае успешного запуска боевой ракеты рейхсвер обещает оказывать финансовую поддержку «Обществу» и в дальнейших разработках.

Ранним августовским утром 1932 года Вернер фон Браун, Рудольф Небель и их коллега Клаус Ридель отправились со своими надеждами и новой ракетой на артиллерийский полигон, расположенный к югу от Берлина. Там их встретил капитан рейхсвера Вальтер Дорнбергер, которому было поручено курировать разработки ракет для германской армии. Двигатель новой ракеты помещался в ее носовой части, а задняя часть ракеты с узкими топливными цилиндрами напоминала длинную трость. После запуска ракета поднялась на высоту около 30 м, затем накренилась, резко снизила высоту до десятка метров и летела горизонтально, пока не врезалась в верхушки сосен ближайшего леса. Испытание новой ракеты разочаровало как ее конструкторов, так и представителей рейхсвера, присутствовавших на полигоне. Армейские чиновники не получили убедительных оснований для финансовой поддержки разработчиков.

Юный Вернер фон Браун не смирился с этой неудачей. Он собрал данные об испытаниях ракет и разработках, созданных членами «Общества», и отправился к полковнику Карлу Бекеру, возглавлявшему в те годы отдел баллистики и вооружений рейхсвера. Бекер встретил Брауна довольно тепло и, выслушав все предложения юного конструктора, предложил группе разработчиков новую сделку. Армия готова была оказать им финансовую поддержку в том случае, если они согласятся продолжить свои работы в условиях строгой секретности. Однако Рудольф Небель, наиболее влиятельный из членов «Общества», стал возражать против этого условия. Он явно не желал, чтобы их творческий коллектив превратился в чисто армейское подразделение.

Узнав об этом, Бекер предложил фон Брауну другой вариант: до получения степени бакалавра про-

должать научную работу в Берлинском университете за счет средств, выделенных рейхсвером. Сам Бекер был профессором этого университета. При этом темой научной работы фон Брауна должно было стать исследование ракетных двигателей на жидком топливе. Вера Бекера в возможности и способности Вернера фон Брауна подкреплялась еще и тем, что отец Вернера — барон фон Браун — был не только министром в Веймарской республике, но и другом Бекера.

Экспериментальные исследования по теме своей докторской диссертации Вернер фон Браун проводил в военно-исследовательской лаборатории в Куммерсдорф-Вест. О результатах этих исследований Вернер доложил 1 октября 1932 года. Тогда ему было всего 20 лет. После этого доклада он сразу же был удостоен степени бакалавра. Вскоре после этого события Вернер фон Браун сблизился с инженером-механиком Генрихом Гройновом и другим энтузиастом ракетостроения — Вальтером Риделем, однофамильцем Клауса Риделя. Эта тройка работала под руководством Вальтера Дорнбергера, который недавно получил звание полковника. Вскоре Дорнбергер возложил техническое руководство проектом на Вернера фон Брауна, оставив себе лишь чисто административные функции.

Уже находясь в США, Вернер фон Браун так объяснял причины того, что он и его соратники начали работать на нацистов:

Мы нуждались в деньгах для проведения наших экспериментов, а германская армия была готова нам помочь. Мы решили воспользоваться этой возможностью, совершенно не задумываясь о последствиях, к которым приведет наше сотрудничество с рейхсвером. Следует также отметить, что в 1932 году идея очерред-

ной мировой войны выглядела абсурдной. Нацисты еще не были у власти, и у нас не было каких-либо причин предполагать, что то, что мы делаем, в будущем будет использовано против человечества. Нас всех увлекало лишь одно — исследование космического пространства. И нашей главной заботой было получить как можно больше от Золотого Тельца, которым в те годы казалась нам германская армия.

Вальтер Дорнбергер был вторым и, возможно, наиболее влиятельным из учителей Вернера фон Брауна. Дорнбергер был кадровым армейским офицером. Он служил в германской артиллерии еще в годы первой мировой войны. Незадолго до перемирия, заключенного в 1918 году, он попал в плен и провел два года в лагере для военнопленных во Франции. После освобождения он временно оставил службу в армии, чтобы получить степень бакалавра и магистра. После этого он снова вернулся в рейхсвер. Его определили в отдел баллистики и поручили курировать разработку ракет для военных целей. Полковнику Дорнбергеру было тогда 37 лет. Этого человека среднего роста, всегда гладко выбритого, с аккуратно зачесанными темно-каштановыми волосами отличала уверенность в себе и своей правоте, а также решительность в действиях и поступках. Несомненно, именно эти качества помогли ему сделать военную карьеру.

Пока фон Браун, Дорнбергер и их небольшая группа разрабатывали первые и довольно примитивные, по нынешним оценкам, ракетные двигатели, германский политический ландшафт претерпел катастрофические изменения. Политический хаос и экономическая депрессия не выпускали Германию из своих цепких объятий еще с окончания первой мировой войны. Многие немцы считали, что их страна нуж-

дается в сильной власти, способной сплотить немецкую нацию и вернуть Германии былую славу. Тридцатого января 1933 года канцлером Германии стал Адольф Гитлер, и немцы получили власть. В марте народ Германии передал нацистам и контроль над Рейхстагом.

В последующие 12 лет, по словам друзей и коллег Вернера фон Брауна и согласно автобиографическим статьям, он занимался конструированием ракет с единственной целью — создавать космические корабли. Создание же боевых ракет фон Браун рассматривал лишь как средство для финансирования своих космических проектов. Из статей самого фон Брауна и опубликованных воспоминаний его друзей и соратников следует, что гениальный конструктор ракет был совершенно наивен в области политики, которая его мало интересовала. Лишь в последние годы Второй мировой войны фон Браун оказался втянутым в грязную политическую авантюру Третьего рейха.

На самом же деле интерес фон Брауна к космическим путешествиям и его работа на нацистов вовсе не являлись взаимоисключающими. В Германии начала 1930-х годов для того, чтобы финансировать свои космические проекты, фон Брауну не оставалось ничего другого, как создавать ракетное оружие. Более того, если нацисты и поддерживали космические проекты, то лишь потому, что считали запуск космического корабля с человеком на борту еще одним подтверждением исключительной роли Германии в истории человечества. Именно поэтому нацистские власти в гитлеровской Германии стали спонсором космических программ Вернера фон Брауна.

Все ракеты, созданные фон Брауном и Дорнбергером для германской армии, воплощали в себе всю сумму знаний о космических аппаратах и системах,

которые были накоплены немецкими учеными и инженерами к тому времени.

Боевые ракеты в документах назывались «агрегатами». К середине 1933 года группа, возглавляемая Дорнбергером и фон Брауном, начала работу над созданием «Агрегата-1» (или А-1). Ракета А-1 была похожа на артиллерийский снаряд. Ее диаметр не превышал 30 см, а длина составляла около полутора метров. У этой ракеты был двигатель на жидком топливе, который обеспечивал силу тяги в 260 кг. Стабильность траектории полета обеспечивалась с помощью гироскопа весом около 34 кг, помещенного в носовой части аппарата. Ракета А-1 была готова к запуску уже в конце 1933 года. Буквально через доли секунды после запуска двигателя ракета А-1 превратилась в огненный шар и груды металла. Это произошло по причине задержки момента зажигания в двигателе.

Фон Браун и Дорнбергер решили не испытывать судьбу и отказались от создания второй ракеты А-1. Вместо этого они начали работать над модернизированным вариантом А-1 — ракетой А-2. У нее были те же размеры и двигатель, что и у предшественницы, но гироскопическая система размещалась не в носовой части, а в середине корпуса ракеты, между емкостями с топливом и жидким кислородом.

Во время работы над созданием А-2 фон Браун закончил работу над докторской диссертацией и отправил ее рукопись в Берлинский университет. Его диссертационная работа «Конструкторские, теоретические и экспериментальные разработки для решения проблемы создания ракеты на жидком топливе» была одобрена ученым советом университета 27 июля 1934 года и сразу же была отмечена грифом «Совершенно секретно». Она была опубликована лишь после

окончания войны. Таким образом, Вернер фон Браун в возрасте 22 лет уже получил докторскую степень и известность в научных кругах Германии. Талант и целеустремленность ученого позволили ему стать лидером в области ракетостроения не только в Германии, но и во всем мире.

В декабре 1934 года фон Браун и Вальтер Дорнбергер, наконец, оправдали ожидания своих армейских спонсоров и осуществили успешный запуск сразу двух ракет А-2, названных именами «Макс» и «Мориц». Испытания ракет производились на островке Боркум в Северном море. Обе ракеты достигли заданной высоты около 2–3 км над уровнем моря.

В 1935 году пионер американского ракетостроения Роберт Годдард также занимался созданием и испытанием ракет с жидкотопливным двигателем. Годдард и фон Браун не были знакомы с работами друг друга, и поэтому Годдарду пришлось самостоятельно искать технические решения, уже найденные фон Брауном. Годдарду удалось сконструировать более легкие и длинные ракеты. Свою первую ракету американский конструктор запустил 31 мая 1935 года на полигоне Росвелл, в штате Нью-Мексико. Эта ракета достигла высоты около 3 км, превзойдя этим достижение фон Брауна.

Тем временем Вернер фон Браун начал работу над созданием ракеты А-3. Она имела несомненные преимущества по сравнению с предыдущими моделями фон Брауна и ракетами Годдарда. Ракета А-3 была намного крупнее своих предшественниц и казалась по тем временам огромной. Она имела диаметр около метра и длину свыше 8 м. Полностью заправленная топливом, она весила свыше 600 кг, а ее двигатель обеспечивал силу тяги около 1200 кг. Отличалась и система наведения этой ракеты на цель. Прежние

ракеты фон Брауна мчались к цели по неизменной, заранее рассчитанной траектории, тогда как А-3 имела сложную систему наведения, которая позволяла изменять траекторию во время полета. Это была первая управляемая ракета.

После того как фон Браун сообщил об устройстве ракеты А-3, армейские чиновники, слушавшие его доклад, тут же вспомнили, что успешными были и запуски ракет серии А-2, и поняли, что им придется выделить миллионы марок на новые разработки. Люфтваффе же хотела заключить контракт с фон Брауном на разработку реактивных двигателей для самолетов-истребителей. В результате Дорнбергер и фон Браун получили 6 миллионов марок от вермахта и на 5 миллионов марок больше от Люфтваффе на разработку ракет и реактивных двигателей, а также на строительство новых производственных корпусов и испытательного полигона в удаленном уголке мыса Пенемюнде на Балтийском море.

С получением средств осталось лишь составить план работ. Ракетная база на Пенемюнде должна была стать собственностью как армии, так и Люфтваффе, причем последняя должна была профинансировать все затраты на строительство коммуникаций и производственных корпусов. Вальтер Дорнбергер взялся за составление плана проекта в целом. Он прекрасно понимал, что армия не намерена финансировать разработки, которые найдут применение в отдаленном будущем, а ждет от его людей результатов, которые в ближайшее время обеспечат Германии тактическое превосходство над противником. Дорнбергер составил спецификацию и характеристику нового вида боевых ракет. Новая ракета должна была обладать достаточной мощностью для того, чтобы доставить тонну взрывчатого вещества на расстояние не менее трех

сотен километров. Она должна упасть менее чем в километре от намеченной цели. Такая точность в двадцать раз превосходила точность стрельбы из дальнебойных артиллерийских орудий. Размеры новой ракеты должны быть такими, чтобы ее можно было транспортировать по автомобильным дорогам, а также по железной дороге, и не только по открытой поверхности, но через различные тоннели.

Вернер фон Браун вместе с Вальтером Риделем, одним из наиболее талантливых и опытных разработчиков, подготовили эскизы основных узлов ракеты. По замыслу конструкторов она должна была иметь длину около 14 м и диаметр более полутора метров. Вместе со стабилизаторами, расположенными в хвостовой части ракеты, ее ширина должна была составлять почти 5 м. Ракете понадобится 12 т жидкого кислорода и топлива, и она должна оторваться от поверхности Земли благодаря реактивным двигателям, создающим силу тяги около 25 т. Новая ракета должна развить скорость около 6000 км/час и иметь радиус действия около 300 км. Военные назвали новую ракету А-4. Что касается А-3, которая также была включена в план разработок, то эта ракета должна была использоваться для испытания отдельных систем и компонентов, составляющих конструкцию А-4. Черновой вариант спецификации для А-4 включал также описание и чертежи производственных цехов, стартовых площадок и других строений на мысе Пенемюнде.

Строительство ракетной базы на Пенемюнде продвигалось значительно быстрее, чем создание ракет. Этот пустынный полуостров расположен в северной части острова Узедом, самого западного из двух крупных островов вблизи устья Одера, у берегов Балтийского моря. Благодаря удаленности от материка Пене-

мюнде был идеальным местом для секретной ракетной базы. Густые леса, которыми покрыт полуостров, обеспечивали прекрасную маскировку производственных корпусов и стартовых площадок. Армия заняла западную часть мыса, а Люфтваффе начала строить свои аэродромы на северо-западе. Обе части Пенемюнде находились в подчинении Генштаба и назывались «Армейской экспериментальной станцией Пенемюнде». Постройки, предназначавшиеся для штабных помещений, представляли собой одно-двухэтажные домики с остроконечными крышами с весьма скромным набором декоративных элементов как снаружи, так и изнутри. К маю 1937 года закончился первый этап строительства, и вскоре армейские офицеры и представители Люфтваффе начали переселяться в свои новые квартиры.

Вернер фон Браун был назначен техническим директором секретного объекта и занимал этот пост до тех пор, пока база на Пенемюнде не была превращена в груды развалин после бомбардировок мыса английской и американской авиацией.

А до этого момента Пенемюнде являлся прекрасной игровой площадкой для этого вундеркинда, увлеченного созданием ракет. Фон Браун со своими людьми создали там такое, о чем любители-энтузиасты из «Ракетодрома» могли только мечтать. В распоряжении фон Брауна был свой небольшой корпус, в котором он и его команда могли часами отдаваться любимому делу, которое им представлялось не более чем увлекательной игрой.

На Пенемюнде были прекрасные возможности для отдыха и восстановления сил после долгих месяцев упорного труда. В этих местах любил охотиться еще дед Вернера фон Брауна, и гениальный конструктор ракет также не отказывал себе в этом удовольствии.

Его напарником чаще всего был Вальтер Дорнбергер. В теплые дни можно было окунуться в волны Балтийского моря. А по вечерам, после работы, фон Браун с Дорнбергером и несколькими членами своей команды обычно отдыхали в офицерском клубе, слушая всевозможные невероятные истории в стиле историй барона Мюнхгаузена.

Четвертого декабря 1937 года, почти через три года после успешных запусков «Макса» и «Морица», близнецов серии А-2, Вернер фон Браун объявил о готовности к запуску новой ракеты А-3. В качестве стартовой площадки был выбран один из крошечных островков в десятке километров к северу от Пенемюнде — остров Грайфсвальдер-Ойе. Первый запуск оказался неудачным. Ракета оторвалась от стартовой площадки и сделала четверть оборота вокруг оси. Под напором сильного шквального ветра раскрылся парашют, который предназначался для того, чтобы вернуть аппарат на землю целым и невредимым. Но затем движение ракеты вышло из-под контроля, и она упала в море. Вернер фон Браун и Вальтер Дорнбергер несколько дней анализировали эту ситуацию и пришли к выводу, что ее причиной стало преждевременное раскрытие парашюта. Они удалили парашют со следующей ракеты и сделали еще одну попытку. Вторая ракета повторила трюк первой. Третью ракету уже запустили не только без парашюта, но и в безветренный день. Она достигла высоты около 800 м, а затем, потеряв управление, упала в море.

Было ясно, что какая-то часть конструкции имеет дефекты. После ее внимательного изучения фон Браун и его помощники поняли, что во всем повинна система наведения, которую какой-то крупный спец из военно-морских сил разработал на основе

гирокомпаса. Фон Браун решил создать вместо А-3 новую модель — А-5, которая отличалась бы от А-3 лишь более совершенной системой наведения.

В начале 1939 года Люфтваффе осознала, что ее участие в ракетной программе армии — довольно дорогое удовольствие, и решила пойти другим путем. Люфтваффе сохранила за собой лишь свои аэродромы, а всю остальную недвижимость и проблемы с ракетами уступила армии. То, что перешло под контроль армии, стало называться довольно скромно — «Армейское подразделение Пенемюнде».

День 23 марта 1939 года стал для Вернера фон Брауна поистине великим. В этот день ему исполнилось 27 лет, и он впервые лично встретился с фюрером — Адольфом Гитлером. Фюрер потребовал, чтобы ему доложили о выполнении ракетной программы. Советание состоялось, но не на полуострове, а в Куммерсдорф-Весте, всего в 30 км от рейхсканцелярии, расположенной в центре Берлина. А перед этим Вальтер Дорнбергер как офицер, осуществлявший руководство разработками ракет на жидком топливе, показал Гитлеру и сопровождавшим его лицам образцы ракетных двигателей, обеспечивающих силу тяги 250 и 800 кг. А затем Вернер фон Браун подробно рассказал фюреру об устройстве и системе управления ракет. В качестве наглядного пособия он использовал изображение ракеты А-3 в разрезе. После этой короткой лекции фюреру показали ракету А-5 изнутри. С этой целью предварительно был удален корпус ракеты и стабилизаторы. В заключение Дорнбергер рассказал Гитлеру о ракете А-4, которая должна стать самым мощным оружием Германии.

После знакомства с ракетами состоялся званый обед, по окончании которого фюрер воскликнул: «Все это великолепно!»

Вальтер Дорнбергер воспринял этот комментарий Гитлера как выражение гордости за достижения немецких ученых в области ракетостроения, но, возможно, Дорнбергер был слишком оптимистичен, думая так. Не исключено, что фюрер мог восхищаться вовсе не ракетами, а теми вегетарианскими блюдами, которыми его потчевали во время обеда.

Позже Дорнбергер выразил свое удивление тем, что Гитлера совершенно не впечатлили ревущие звуки ракетных двигателей, сложные конструкции ракет и грандиозные планы разработчиков нового германского оружия. Но скептицизм Гитлера был вполне обоснованным. Дорнбергер и фон Браун потратили десятки миллионов марок, но за время, прошедшее после запуска ракет А-2 в декабре 1934 года, они не осуществили ни одного успешного запуска созданных ими аппаратов.

Первого сентября 1939 года немецкие войска по приказу фюрера вторглись на территорию Польши. Началась Вторая мировая война. В течение нескольких недель Германия и ее временный союзник — СССР — поделили территорию Польши между собой. Англия и Франция объявили войну Германии, и вскоре в боевые действия оказались втянутыми и другие страны.

Дорнбергер, фон Браун и их команда продолжали свою работу и в октябре 1939 года. Через год после неудачного запуска А-3 была готова ракета А-5. Размеры ее не отличались от габаритов А-3: длина — около 6 м, диаметр — около 80 см. Ракета А-5 имела такой же двигатель с силой тяги около 130 кг, который работал на жидком топливе. Однако усовершенствование

системы наведения и некоторых других компонентов привело к увеличению ее веса до 800 кг.

Три прототипа ракеты А-5 были запущены с острова Грайфсвальдер-Ойе. Все три запуска были успешными. Ракеты вышли на заданную траекторию через 45 секунд, а затем на парашютах совершили мягкую посадку на море, где их подобрала военная корабль.

После этих впечатляющих успехов уже ничто не могло остановить германскую армию, Вернера фон Брауна и его команду. Теперь у них была конструкция, на базе которой можно было приступать к созданию ракеты А-4, а Третий рейх получил запланированную мировую войну. Теперь казалось, что финансирование создания новых ракет обеспечено.

Однако Гитлер думал иначе. Военные успехи Германии были очевидными, и фюрер считал, что обычных видов вооружений вполне хватит для успешного завершения войны. В феврале 1940 года он заморозил все те проекты по разработке новых видов вооружений, на осуществление которых требовалось более года. Германская армия продолжала разработки ракет на мысе Пенемюнде, задействовав средства с других, менее перспективных проектов. В этой программе принимало участие свыше 4 тысяч высококвалифицированных рабочих и инженеров.

Ракета А-4 была готова к пробному запуску лишь через два с половиной года. Первая управляемая ракета этого типа была запущена с 7-й стартовой площадки Пенемюнде 13 июня 1942 года. Поднявшись на высоту несколько тысяч метров, она довольно быстро вынырнула из густых облаков и упала на землю неподалеку от места старта.

Вторая ракета А-4 стартовала 16 августа. Она величественно набрала высоту, но там ее система на-

ведения отказала. Преодолев звуковой барьер, ракета 45 секунд двигалась по заданной траектории на высоте свыше 10 тысяч метров, а затем взорвалась в воздухе. Все надежды возлагались теперь на запуск третьего опытного образца.

Ракета А-4 длиной около 15 м и весом 14 т стояла в центре 7-й стартовой площадки, на самой северной оконечности Пенемюнде. Вальтер Дорнбергер, его подчиненные в военных мундирах, Вернер фон Браун со своими инженерами находились несколькими километрами южнее. Они видели, как их детище поднялось над верхушками сосен, и лишь через несколько секунд услышали рев двигателей. В течение 4,5 секунды ракета двигалась вертикально вверх, затем слегка повернула на восток. Через 22 секунды она преодолела звуковой барьер и продолжала ускорять движение. Двигаясь под углом 50 градусов к поверхности Земли, она набирала высоту, оставляя в небе белый шлейф сконденсированных выхлопных газов. Через 58 секунд полета по радио был перекрыт доступ топлива к двигателю. Ракета в этот момент двигалась со скоростью свыше 6000 км/час по заданной траектории к цели, расположенной в Балтийском море, в 200 км от Пенемюнде. Через 5 минут после старта ракета упала в море, оставив на поверхности воды пятно ярко-зеленого цвета, поскольку была заполнена красителем.

Вернер фон Браун и Вальтер Дорнбергер направились на автомобиле к месту старта, и там через несколько часов был устроен импровизированный банкет. На торжестве присутствовал и Герман Оберт — первый учитель фон Брауна в области ракетостроения. Оберту удалось снова вернуться в Германию, но, к сожалению, лишь для того, чтобы убедиться, что его бывший ученик и протеже превзошел его. Тем

не менее и Оберт получил свою долю поздравлений и лестных высказываний — высказываний в адрес человека, вдохновившего фон Брауна на великие свершения.

Вечером состоялось официальное торжество. Вальтер Дорнбергер обратился к своим подчиненным со следующими словами: «Мы вторглись в пространство с этой нашей ракетой и первыми использовали его в качестве моста между двумя точками на Земле. Мы доказали, что ракеты можно использовать для передвижения в пространстве. Теперь, кроме суши, моря и воздуха, мы имеем еще одну среду для передвижения — бесконечное пустое пространство — среду, в которой мы можем путешествовать от континента к континенту... Но пока продолжается война, наша самая главная задача заключается в быстром создании ракеты, как нового типа оружия».

За создание и успешные испытания ракеты А-4 Вернер фон Браун был награжден Железным крестом I степени.

Через несколько лет после поражения нацистской Германии фон Браун написал: «Завершение истории создания ракеты А-4 уже не было столь грандиозным, как начало этого выдающегося проекта. Более того, финал оказался трагическим не только для тех, кто управлял запуском этих ракет, нацеленных на Лондон и Антверпен, но и для их разработчиков».

Через полтора месяца после успешного запуска первой ракеты А-4 ход войны начал меняться явно не в пользу Германии. В ноябре 1942 года германская 6-я армия столкнулась с упорным сопротивлением советских войск под Сталинградом. Девятнадцатого ноября Красная Армия начала контрнаступление, которое к концу января 1943 года изменило ход войны. Из 330 тысяч солдат и офицеров 6-й армии уце-

лели лишь 100 тысяч. Все они оказались в плену. Из сибирских лагерей на родину вернулись лишь около 5 тысяч немецких солдат и офицеров. После столь огромных потерь, когда многие немецкие семьи лишились отцов, братьев, сыновей и мужей, народ Германии начал осознавать, что Третий рейх просуществоует недолго и вся Германия скоро подвергнется массированным бомбардировкам английской и американской авиаций с последующим вторжением войск противника на территорию страны.

К сожалению, триумф, которым завершился полет А-4 3 октября 1942 года, не привел к новым успехам в области немецкого ракетостроения. Этот тип ракеты оказался не очень надежным космическим аппаратом, и А-4 часто разбивались по возвращении на Землю. Фон Браун со своими коллегами пытался исправить эти недостатки. Вальтер Дорнбергер регулярно обивал пороги берлинских канцелярий в надежде увеличить финансирование для завершения работ по проекту. Наконец ему удалось привлечь внимание государственных чиновников к этой проблеме. В мае 1943 года Альберт Шпеер, занимавший важный пост в министерстве вооружения и военной промышленности, вместе со своими советниками стал свидетелем успешного запуска А-4 на мысе Пенемюнде. Через два дня после этого события Шпеер сообщил Дорнбергеру, что тому присвоено звание генерал-майора. Во время испытаний А-4 на Пенемюнде присутствовал и рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Именно он и предложил Гитлеру повысить приоритет разработок ракетного оружия.

Каждое очередное поражение немецкой армии вызывало у Гитлера приступ ярости, смешанной с отчаянием. Теперь ему не оставалось ничего иного, как

стать энтузиастом тех проектов, которые по его приказу были заморожены в начале 1940-х годов, когда он считал, что война уже практически выиграна. Седьмого июля 1943 года генерал-майор Дорнбергер получил приказ информировать фюрера о состоянии разработок ракет А-4. Вместе с фон Брауном и Эрнстом Штайнхоффом Дорнбергер отправился в Восточную Пруссию, в городок Растенбург, в окрестностях которого находилась ставка Гитлера, называемая «Волчье логово».

Эта троица с Пенемюнде встретила с фюрером в актовом зале «Волчьего логова». На встрече вместе с Гитлером присутствовали маршал Вильгельм Кейтель, начальник германского генштаба, генерал Вальтер Буле, начальник отдела вооружений немецкой армии, и Альберт Шпеер вместе со своими адъютантами и секретарями. Все они заняли места в первом ряду, а Вернер фон Браун поднялся на сцену. После того как в зале погасили свет, началась демонстрация фильма, в котором был запечатлен успешный запуск ракеты А-4 девять месяцев назад. Фильм сопровождался комментариями фон Брауна. Были показаны многие детали, касавшиеся производства и запуска ракеты, — здание на 7-м испытательном полигоне, в котором производилась сборка ракеты, транспортировка ее к месту запуска, статическое испытание двигателя, мобильная установка для запуска, установка ракеты на месте старта и заправка ее топливом. В случае если бы фюрера и сопровождавших его лиц фильм не впечатлил, Браун и его коллеги были готовы повторить запуск А-4 в небо Балтики.

Альберт Шпеер описал выступление фон Брауна и впечатление, произведенное на фюрера такими словами: «Фон Браун выступал уверенно, без тени робости. В его голосе совершенно отсутствовали нотки юноше-

ского энтузиазма. Свою теорию он изложил настолько четко и понятно, что начиная с этого дня Гитлер стал поклонником гениального ученого».

Когда фон Браун закончил презентацию нового вида оружия, Вальтер Дорнбергер дал некоторые пояснения по поводу его производства. Дискуссия между слушавшими и выступавшими свелась лишь к выяснению того, должна ли А-4 запускаться с передвижных установок или из стационарного подземного бункера. Дорнбергеру больше нравился первый вариант, но фюрер почему-то предпочитал второй. Понятно, что победу в этом споре одержал Гитлер, и он тут же распорядился начать строительство подземных шахт для ракет. А Вальтер Дорнбергер утешился тем, что получил то, о чем давно мечтал — высокое воинское звание.

После этой исторической встречи за заслуги перед Третьим рейхом был награжден и Вернер фон Браун. По подсказке Дорнбергера Альберт Шпеер обратился к фюреру с предложением присвоить фон Брауну звание титулярного профессора. Такое звание не было академическим и присуждалось как почетный титул главой государства. Гитлер, будучи еще под впечатлением от своего нового оружия, одобрил эту идею. Он подписал необходимые бумаги, а Шпееру предстояло лишь провести формальную церемонию награждения.

После того как ракетчики оказались под покровительством фюрера, ими тут же заинтересовались и разведки стран, воюющих с Германией, особенно британская разведка. Сотрудникам западных спецслужб удалось раздобыть весьма тревожную информацию о том, что в Германии, на военной базе у берегов Балтики, начаты испытания нового вида оружия. С помощью аэрофотосъемки, выполненной с борта бри-

танского разведывательного самолета «Москитос», удалось выяснить, что секретная база скрыта в лесу на мысе Пенемюнде. Удалось также сфотографировать и несколько боевых ракет, включая и ту, которая вскоре была использована для удара по Лондону. В ночь с 18 на 19 августа штаб ВВС Великобритании отправил к этому месту 497 «Стирлингов», «Галифаксов» и «Ланкастеров». Эта операция была санкционирована самим Уинстоном Черчиллем. В результате массовой бомбардировки предполагалось уничтожить не только саму ракетную базу, но и всех ученых, инженеров и рабочих, трудившихся над созданием ракет. И, конечно же, одной из главных целей были сами ракеты, угрожавшие прежде всего Англии. Воздушный налет продолжался 45 минут, и после того, как все бомбы были сброшены, мыс был полностью охвачен огнем. Однако выполнить боевую задачу до конца английским пилотам так и не удалось. Большинство немецких ученых и инженеров успели спрятаться в бомбоубежищах. Из 4 тысяч немецких граждан, проживавших на Пенемюнде, включая и членов семей ученых, конструкторов и других специалистов, погибли 178 человек. Погибли также 557 иностранных рабочих, в основном русских и поляков, которых германские власти использовали в основном на подсобных работах. Эти несчастные были заперты в своих бараках в специальном лагере, в южной части базы Пенемюнде.

Прицельное бомбометание англичанам осуществить не удалось, и разрушения оказались не столь сильными. Черчилль и командование британскими ВВС были крайне огорчены. Довольно много ракет «Фау-2», находившихся в процессе сборки, не получили каких-либо серьезных повреждений. Тем не менее налеты могли повториться, и Гитлер приказал

перевести производство ракет на секретный подземный завод в горах Гарц в Центральной Германии. Организацию прокладки тоннелей и строительства производственных корпусов Гитлер поручил Гиммлеру. Вскоре рейхсфюрер СС и шеф гестапо подключил к этому делу вермахт, а контролировать программу разработки ракет доверил Вальтеру Дорнбергеру.

Вернер фон Браун рассказывал о том, как торопил его рейхсфюрер. В феврале 1944 года Гиммлер позвонил фон Брауну и пригласил его в штаб-квартиру СС в Хохфельде, в Восточной Пруссии. Браун вспоминает, с каким трепетом он входил в кабинет Гиммлера. Там он увидел «гения зла с обаятельной внешностью и прекрасными манерами, но готового перерезать глотку каждому, кто осмелится встать на его пути». Эти слова фон Брауна довольно точно характеризуют рейхсфюрера. Гиммлер действительно был чрезвычайно вежлив с фон Брауном и напоминал скромного сельского учителя, но именно это и вызывало у ученого подсознательное чувство страха. «Я надеюсь, что вы понимаете, насколько важно для нас иметь ракету А-4,— сказал Гиммлер. — Весь немецкий народ надеется, что это чудесное оружие позволит вермахту защитить нашу страну от ее врагов... Что касается вас лично, то я представляю, как вам надоели штабные армейские крысы с их бюрократическими закорючками. Почему бы вам не перейти непосредственно под мое подчинение? Вы, несомненно, знаете, что никто не имеет такого влияния на фюрера, как я, и поэтому моя поддержка будет для вас более эффективна, чем усилия всех генералов вермахта вместе взятых».

«Господин рейхсфюрер,— тут же ответил Браун, — я не вижу для себя лучшего начальника, чем генерал Вальтер Дорнбергер. То, что мы не всегда укладываемся в сроки, связано скорее с техническими про-

блемами, чем с чиновничьей волокитой. Ракета А-4 подобна цветку, и для того, чтобы он распустился, необходим солнечный свет, правильно рассчитанная доза удобрений и добросовестный садовник. То средство, которое предлагаете вы, аналогично жидкому свежему навозу. Такое удобрение, конечно же, очень эффективно, но вполне может и погубить наше нежное растение».

Читая заметки фон Брауна о его встрече с Гиммлером, поражаешься дерзости выдающегося ученого при разговоре с нацистским главарем, одно имя которого вселяло ужас в сердца миллионов людей на нашей планете. Спустя много лет после рассказа фон Брауна об этой встрече стали известны факты, которые породили сомнения в правдивости рассказа фон Брауна (см. главу 3). Об этой аудиенции фон Браун не рассказал тогда никому, даже своему другу и начальнику Вальтеру Дорнбергеру.

Три недели спустя фон Браун был арестован агентами гестапо. Он и несколько его подчиненных, включая младшего брата Магнуса, обвинялись в измене государственным интересам. Гестапо заявило, что фон Браун и его люди мечту о космических полетах ставят выше важной работы по созданию ракеты «Фау-2» для рейха. Арестованных продержали в застенках в Штеттине в течение двух недель, до того момента, пока вмешательство Вальтера Дорнбергера и ходатайство Альберта Шпеера не открыли им путь на свободу.

Фон Браун невольно оказался втянутым в разборки между вермахтом и СС, и после ареста его репутация у нацистов пошатнулась. Даже после освобождения многие из высокопоставленных нацистов были уверены в том, что для него исследования космоса имеют более высокий приоритет, чем служение делу

национал-социализма. Но после окончания войны тот случай, когда гестапо объявило фон Брауна врагом Третьего рейха, стал для него спасательным кругом.

В истории с арестом фон Брауна и его коллег есть немало загадочного. Гестаповские палачи обычно не церемонились с арестованными, и даже с генералами вермахта. Обычно их пытали не только с целью выбить признание, но и для того, чтобы получить информацию о реальной подрывной деятельности в Третьем рейхе. Однако с Брауном и его людьми, если верить отчетам гестапо, в тюрьме обращались очень хорошо. В этих отчетах не было ни слова о том, что аресты офицеров вермахта или гражданских служащих, работавших на Пенемюнде, были следствием доносов, написанных фон Брауном или кем-либо из его коллег. Из всего этого можно сделать вывод, что фон Браун и его товарищи были пешками в хитроумной игре, которую Гиммлер вел против генералов вермахта, и он, конечно же, был заинтересован в том, чтобы защитить фон Брауна и его людей и использовать их при случае еще раз.

Прочные связи фон Брауна с немецкой армией и с его начальником и учителем Вальтером Дорнбергером были разорваны после акции, осуществленной подполковником вермахта графом Клаусом фон Штауфенбергом. Этот немецкий офицер служил в Тунисе, и там его автомобиль наехал на мину. Штауфенберг потерял левый глаз, правую руку и два пальца на левой руке. После выписки из госпиталя его назначили начальником штаба к генералу Фридриху Фромму, командующему резервной армией. Граф фон Штауфенберг давно разочаровался в политике нацистов и считал, что во всех неудачах вермахта повинен Гитлер. По должности он регулярно появлялся в ставке фюрера

«Волчье логово», где докладывал о пополнении армий, воевавших на восточном фронте. «Двадцатого июля 1944 года фон Штауфенберг вошел в зал, где Гитлер проводил совещание. Вскоре подполковник извинился и вышел, оставив свой кожаный портфель на полу возле стола. Через несколько секунд раздался сильнейший взрыв. В результате один из участников совещания погиб, а несколько были тяжело ранены, еще трое скончались от ран уже в госпитале. Адольф Гитлер — главная цель покушения — отделался ожогами, несколькими неглубокими ранами и ушибами. Кроме того, у фюрера лопнули перепонки и оказалась временно парализованной правая рука.

Сообщники Штауфенберга в Берлине, тоже офицеры вермахта, могли попытаться захватить власть, но в решающий момент у них сдали нервы. К концу этого дня офицеры СС арестовали всех заговорщиков, включая Штауфенберга, и казнили их во дворе тюрьмы.

Начальник Штауфенберга — генерал Фромм — клялся, что ничего не знал о готовящемся покушении, но ему никто не поверил, и он тоже был арестован. Выполнять обязанности Фромма Гитлер поручил Генриху Гиммлеру. В результате рейхсфюрер СС возглавил резервную армию и отдел вооружений, а вместе с этим отделом и программу разработок ракетного оружия, которой руководили Вальтер Дорнбергер и Вернер фон Браун.

Прежде чем Гиммлер успел разобраться со своими новыми обязанностями, вермахт вознамерился урвать себе лакомый кусок. С этой целью армейские чиновники решили прибрать к рукам военные предприятия на Пенемюнде, поскольку они не являлись собственностью армии, а принадлежали государству. Первого августа 1944 года заводы Пенемюнде были переимено-

ваны в компанию «Электромеханише Верке» (EKW). Генерал-майор Вальтер Дюрнбергер чувствовал, что теряет контроль над программой разработок ракет, которой отдал 12 лет жизни. Поэтому он стал на время главой промышленной компании. Дюрнбергер был человеком разумным и понимал, что одному ему не справиться. Ему нужны были надежные люди, которые знали бы толк в технике, менеджменте и производстве. Вскоре один из самых известных служащих EKW, Вернер фон Браун, стал де-факто руководителем всех работ, связанных с созданием ракет.

Гиммлеру не удалось подчинить своему ведомству заводы и исследовательские лаборатории Пенемюнде, но под его началом оставался завод «Миттельверк», на котором производились ракеты «Фау-2».

В начале сентября 1944 года Гиммлер сумел отстранить генералов вермахта от руководства испытаниями ракет «Фау-2», назначив главным режиссером этого действия своего заместителя генерал-лейтенанта СС Ганса Каммлера. Этот генерал совершенно не подходил на эту роль, поскольку был по профессии архитектором и прославился в Третьем рейхе проектированием и строительством зданий концлагеря Аушвиц-Биркенау (Освенцим). Каммлер не только строил. Именно он разработал проект, по которому сровняли с землей варшавское гетто после восстания его жителей. Ганс Каммлер руководил строительством подземного завода «Миттельверк», на котором производились ракеты «Фау-2». Итак, в сентябре 1944 года Каммлер руководил первым успешным запуском ракеты в сторону Лондона. Чуть позже огневая мощь ракет А-4 обрушилась не только на Англию, но и на другие страны Западной Европы.

На следующий день после обстрела Лондона одна из центральных газет рейха вышла со следующим

заголовком на первой полосе: «Оружие возмездия-2 в действии против Лондона». С подачи пропагандистского ведомства Пауля Геббельса с этого дня ракета А-4 получила новое имя — V-2 (от сокращенного немецкого слова *vergeltungswaffe*) или «Фау-2». Именно под таким названием эта баллистическая ракета вошла в историю.

Через несколько лет, когда фон Браун уже жил в США, но еще не получил американского гражданства, он рассказал о своей реакции на использование ракеты «Фау-2». «Вновь прибывшие на Пенемюнде не могли понять нашей неудовлетворенности и пессимизма. После целой серии поражений вермахта они восклицали: “Вы должны быть счастливы и гордиться своим детищем «Фау-2»”. Это единственное оружие, которое нашим противникам не остановить. Это успех. Ракеты громят Лондон каждый день».

«Это успех, — говорили мы, но не так восторженно и добавляли совсем тихо: — Но мы обстреливаем свою же планету».

Вернер фон Браун продолжал руководить конструкторским отделом на Пенемюнде, и однажды наступил день испытания новой ракеты — А-9. Эту ракету для того, чтобы придать ей значимость, не меньшую, чем имела ракета А-4, позже стали называть А-4b. Новая ракета имела такой же корпус, что и А-4, но больший размах стабилизаторов на хвосте. Эти стабилизаторы должны были позволить ракете приближаться к цели не сверху, а двигаясь горизонтально над поверхностью Земли. Новый аппарат имел вдвое большую дальность полета и время полета 17 минут. Двадцать четвертого января 1945 года ракета А-9 (А-4b), запущенная с Пенемюнде, набрала скорость 4320 км/час. И хотя ей не удалось благополучно при-

землиться, это был фактически первый, хотя и беспилотный, сверхзвуковой самолет.

Следующим шагом в ракетостроении должна была стать ракета А-10. По замыслу фон Брауна, это должна была быть ракета-носитель для ракеты А-9. После достижения скорости 4320 км/час А-9 должна была отделиться от А-10 и, продолжив полет самостоятельно, достичь скорости 10080 км/час, а затем вернуться и мягко приземлиться. За 40 минут полета двухступенчатая ракета А-9/А-10 могла перенести 454 кг груза на расстояние 4000 км, равное расстоянию от Северной Европы до Нью-Йорка. Однако ракета А-10 осталась только на чертежах, и ее производство так и не началось.

В голове фон Брауна уже рождались конструкции более мощных ракет — А-11 и А-12, которые могли доставить А-9 и даже тридцатитонную А-10 на околоземную орбиту. Но зимой 1944–45 года вся Германия уже была в руинах, и эти новые конструкции так и остались мечтами. Более того, могли быть уничтожены и ракеты А-4, причем вместе с теми, кто их создал.

К концу января 1945 года на Пенемюнде был отчетливо слышен гул канонады от выстрелов советских орудий, находившихся в 80 км от мыса. Все работавшие на ракетной базе уже знали, что эта территория вскоре достанется противнику. Вернер фон Браун срочно собрал конфиденциальное совещание, на которое пригласил лишь нескольких своих заместителей, тех, кому доверял как себе. Он собирался решить один-единственный вопрос — что предпринять в связи с приближением противника? Мнение присутствовавших было единым. Фон Браун и его люди не будут дожидаться, пока советские войска

захватят Пенемюнде, а должны отправиться на юг Германии и предложить свой опыт и знания американцам. Почему американцам? Да потому, что Соединенные Штаты были единственной страной из держав коалиции, которая имела достаточно средств и желания продолжить работы по созданию ракет. Решение сдаться американцам фон Браун и другие участники этого тайного совещания, конечно же, сохранили в секрете, поскольку такое решение было открытой изменой Третьему рейху.

В последний день января фон Браун собрал начальников секторов и отделов, а также своих заместителей у себя в кабинете и объявил, что он только что получил приказ от генерал-лейтенанта СС Ганса Каммлера о срочной эвакуации персонала и оборудования, используемых в наиболее важных проектах, на юг Германии. Фон Браун подчеркнул, что это приказ свыше, а не просто предложение. Позже он признался, что было несколько приказов из различных ведомств, и они противоречили друг другу. Фон Браун выбрал тот, который более всего совпадал с его планами.

Он и все его подчиненные удивительно быстро подготовились к отправке с Пенемюнде. Три тысячи человек, уникальное оборудование и тонны документации — чертежей, результатов испытаний и других бесценных документов — перемещались на юг страны по железной дороге, на грузовиках и даже на баржах. К началу марта 1945 года эвакуация из Пенемюнде практически была завершена. Фон Браун обосновался в городке Бляйхероде, а Вальтер Дорнбергер, оказывавший помощь в эвакуации, выбрал для своего офиса городок Бад-Захза в центре Германии. Оба эти городка находились довольно близко от подземного

завода «Миттельверк», где еще год назад собирались первые ракеты «Фау-2».

Возможности продолжать свои разработки у фон Брауна не было, как не было возможности у нацистской Германии уйти от поражения. Теперь главной задачей фон Брауна было сохранение своей команды.

Однажды ночью в середине марта фон Браун отправился на автомобиле в Берлин на совещание в министерстве вооружений. Он надеялся выпросить средства на строительство нового исследовательского центра. Шансов получить какие-либо деньги от правительства были мизерными. Единственным козырем фон Брауна было то, что он сумел сохранить команду высококлассных профессионалов. Однако он до Берлина не доехал. Его шофер задремал за рулем, и автомобиль свалился в кювет. Чудом уцелевший фон Браун выполз из-под обломков автомашины. Его левая рука была сломана в двух местах, а плечо пронзала сильнейшая боль. Следующие несколько месяцев он ходил с загипсованной рукой и был на грани физического и нервного истощения, делая отчаянные попытки сохранить целостность своей команды.

Рассказывая об этом периоде позже американским репортерам, фон Браун заметил: «Мы тогда оказались во власти локального тирана, который был самым жестоким из всех людей, которых я когда-либо встречал. Это был один из эсэсовских генералов по фамилии Каммлер».

Эти слова фон Брауна звучали более чем странно для тех, кто знал, что он работал бок о бок с Каммлером в течение полутора лет и прекрасно знал характер этого человека. Каммлер по долгу службы руководил испытаниями крылатых ракет «Фау-1» и любимого детища фон Брауна — баллистической ракеты «Фау-2». И именно приказ Каммлера — двигать-

ся на юг — фон Браун предпочел использовать как руководство к действию.

К началу апреля 1945 года американские танки уже находились в 19 км от Бляйхероде, и американские войска пытались овладеть всей территорией вокруг «Миттельверка». Каммлер приказал фон Брауну собрать 400 самых талантливых ученых и инженеров и отправиться еще южнее — в городок Обераммергау, к подножию Баварских Альп. Вальтер Дорнбергер и его небольшая группа получили такой же приказ. Что побудило Каммлера отдавать эти приказы, сказать трудно. Могло показаться, что он в глубине души еще надеялся на то, что в неприступных альпийских редутах удастся продолжить войну с американцами. Но, скорее всего, Каммлер уже подумывал о переговорах с американцами и продаже им немецкой ракетной технологии и специалистов в обмен на свою жизнь. Похожий план вынашивал и фон Браун. Неизвестно, знал ли он о тайных планах Каммлера, но он должен был в любом случае подчиниться приказу, поскольку имел звание штурмбаннфюрера СС.

Одиннадцатого апреля генерал Каммлер пригласил Вернера фон Брауна к себе и объявил, что вынужден по долгу службы покинуть Обераммергау, а фон Браун и его люди останутся под защитой заместителей генерала. На следующий день Каммлер действительно исчез, и если не считать короткого послания, отправленного им в ведомство Гимmlера, то о нем больше никто ничего не слышал. Этот человек исчез навсегда.

В последующие дни люди фон Брауна рассеялись по деревням, окружавшим Обераммергау. Они продолжали думать о том, как усовершенствовать созданные ими ракеты, и ждали кончины Третьего рейха. У склонов Альп они чувствовали себя в относительной безопасности. Здесь не было воздушных налетов

и эсэсовцев с их допросами и чистками. Фон Браун смог наконец серьезно заняться лечением раненого плеча и сломанной руки.

1 мая 1945 года германское радио сообщило потрясающую весть. Фюрер Адольф Гитлер героически погиб во время сражения с врагом в своей ставке в Берлине. На следующий день фон Браун и шесть членов его команды, включая младшего брата Магнуса фон Брауна и учителя Вальтера Дорнбергера, перебрались через Альпы в Австрию, где сдались американцам.

В первые дни фон Браун и остальные пленные усиленно соображали, что они должны сказать американцам. Семерых сдавшихся в плен членов команды фон Брауна вместе с самим фон Брауном американцы держали под арестом в Гармише. Пленные ракетчики рассказывали лишь то, что им было разрешено рассказывать фон Брауном, генералом Дорнбергером и начальником штаба Дорнбергера — подполковником Гербертом Акстером. Они не должны были выложить все, поскольку после этого их отправили бы назад в разрушенную Германию. Они хотели поторговаться, чтобы сделка оказалась для них очень выгодной. Эта сдержанность была замечена офицерами разведки Соединенных Штатов и вызвала у них неприязнь к допрашиваемым. Под руководством полковника Хольджера Тофтоя американские солдаты начали собирать в «Миттельверке» части ракеты «Фау-2». Из отобранных частей можно было собрать сотню баллистических ракет. Кроме того, американцы нашли 14 т документации, которую фон Браун в свое время приказал спрятать в надежном месте. И, наконец, к американцам попали те люди, которые создавали эти ракеты. С частями ракет, документацией и с немецкими учеными и инженерами Соединенные Штаты

могли приступать к осуществлению собственной ракетной программы.

Вернер фон Браун запомнил эти волнующие дни на всю жизнь: «Офицеры американской разведки допрашивали меня в течение нескольких недель. Наконец полковник Хольдджер Тофтой задал мне самый откровенный вопрос: «Считаете ли вы, что сможете стать гражданином Соединенных Штатов?»

«Я сказал, что попытаюсь», — вспоминал через много лет фон Браун.

Ричарда Портера, расследовавшего после войны прошлое фон Брауна, спросили через много лет, кому же принадлежала идея привезти фон Брауна и его людей в Соединенные Штаты, и он ответил, что, скорее всего, это была идея самого фон Брауна.

Странно, но почему-то Вернера фон Брауна мало беспокоили вопросами типа:

- Почему вы так быстро изменили своей стране после войны?
- Использовали ли вы нацистов, чтобы добиться своей цели или на самом деле были убежденным нацистом?
- Знали ли вы о концентрационных лагерях и о том, что в них происходило?
- Почему вы и ваши люди так быстро смогли переехать жить в Соединенные Штаты, тогда как выжившие узники концентрационных лагерей ждали этого момента годами?

Все эти вопросы можно объединить в один глобальный. О чем Вернер фон Браун умолчал в своей авторизованной биографии и в статьях, в которых рассказывал о своей жизни?

Скрывать их нацистское прошлое? С какой целью, черт побери? Даже если бы они были братьями Гитлера, об этом умолчали бы, поскольку их знания были очень ценны не только с точки зрения военных, но и общегосударственных интересов Соединенных Штатов.

Офицер армии США

Операция «Оверкаст» стала камнем преткновения в правительственных кругах США. Армейское руководство намеревалось продлить первоначальный короткий срок использования немецких специалистов и ученых, заключив с ними долговременные контракты. Более того, американские генералы собирались вывезти из Германии даже тех оставшихся там ученых и инженеров, которые вряд ли могли бы пригодиться для разработок ракетных вооружений. Причина этого была совершенно очевидна — военное министерство США не могло допустить, чтобы оставшиеся в Германии специалисты оказались в Советском Союзе и начали работать на потенциального противника. В результате проведения операции

«Оверкаст» сотни граждан разгромленного Третьего рейха оказались на американской земле. Вновь прибывшие не имели при себе ни паспортов, ни виз, и у Госдепартамента подобная операция вызывала протест, поскольку осуществлялась в нарушение конституции Соединенных Штатов.

В начале 1946 года Координационный комитет армии и флота США разработал специальный документ, легализирующий ввоз в страну немецких специалистов и заключение с ними долгосрочных контрактов. В марте 1946 года операция «Оверкаст» превратилась в более обширный проект под названием «Пейперклип». Этот проект был одобрен президентом Гарри Трумэном 6 сентября 1946 года.

Но даже после превращения проекта «Пейперклип» в государственную программу иммиграция немецких специалистов встречала неодобрение со стороны местных властей. Многие федеральные законы запрещали въезд в страну лиц, которые являлись членами нацистской партии либо воевали против Соединенных Штатов в годы войны. Одобрение данного проекта президентом США не разрешило проблем с иммиграцией, поскольку в тексте основного документа было написано следующее: «Никому из лиц, являвшихся членами нацистской партии Германии и активно участвовавших в деятельности этой партии либо связанных с нацистскими или милитаристскими кругами Германии, не позволено жить и работать в Соединенных Штатах». Тем не менее военные находили способ обойти эти строгие запреты. Далее в документе говорилось о том, что «ни высокий пост, ни награды за чисто научные или технические достижения, полученные тем либо иным специалистом в нацистской Германии» не являются препятствием для привлечения данного специалиста к работе в рамках

проекта «Пейперклип». Пояснение: такой кандидат для участия в проекте, как Вернер фон Браун, получивший похвалы и награды из рук самого Гитлера и занимавший довольно высокий пост при нацистском режиме, мог вполне претендовать на получение вида на жительство и работы по специальности в США.

Процесс легализации иммиграции немецких специалистов и ученых контролировался секретными спецслужбами США. На каждого из потенциальных участников проекта «Пейперклип» заводилось досье, которое поступало на одобрение в министерство юстиции и в Госдепартамент. Ключевым компонентом досье являлся подробный отчет, подготовленный военной администрацией США, действовавшей на территории Германии. В этот отчет включалась любая информация, обнаруженная на территории Германии, касавшаяся членства кандидата в нацистской партии или иных нацистских организациях, а также сведения о совершенных военных преступлениях, за которые данное лицо должно нести ответственность. В первых нескольких раундах обмена бумагами между военной администрацией и Госдепартаментом последний всегда занимал жесткую позицию в отношении кандидатов с нацистским прошлым, утверждая, что подобные лица ввиду их идеологии могут оказаться потенциально опасными для Соединенных Штатов.

Анализ переписки между Госдепартаментом и военной администрацией в случае с Вернером фон Брауном позволяет проследить, как армейские чиновники старались скрыть нелицеприятные факты о нацистском прошлом этого человека.

Двадцать третьего апреля 1947 года военная администрация США подготовила первый отчет с информацией о членстве фон Брауна в нацистских организациях. В этом документе мы читаем следующее:

- Военная служба в Люфтваффе: 1 мая 1936 — 15 июня 1938. (Фон Браун проходил подготовку в качестве пилота два раза и, очевидно, провел большую часть времени этих тренировок на базе Люфтваффе на Пенемюнде)
- Вступил в ряды нацистской партии: 1 мая 1937 года.
- Являлся членом СС и получал очередные звания в следующие годы:

<i>Унтерштурмфюрер СС</i> (второй лейтенант)	1 мая 1940 года
<i>Оберштурмфюрер СС</i> (лейтенант)	9 ноября 1941 года
<i>Гауптштурмфюрер СС</i> (капитан)	9 ноября 1942 года
<i>Штурмбаннфюрер СС</i> (майор)	28 июня 1943 года

Назначение фон Брауна штурмбаннфюрером было для него почетным вдвойне, поскольку из документов следует, что на получение этого звания его представил сам Генрих Гиммлер, и он же собственноручно приколот очередные знаки отличия к эсэсовскому мундиру фон Брауна. Этот факт, естественно, не украшал прошлое фон Брауна, поскольку всем была известна роль, которую сыграла СС в организации концентрационных лагерей и в уничтожении евреев. Более того, звание штурмбаннфюрера СС было довольно высоким. Достаточно заметить, что один из главных нацистских преступников, Адольф Эйхман, имел звание лишь на одну ступень выше, чем Вернер фон Браун.

Что же рассказывал о своем нацистском прошлом сам фон Браун? Восемнадцатого июня 1947 года в письменном показании под присягой фон Браун сообщал следующее:

Когда я был еще студентом Берлинского технологического института, то вступил в спортивный авиационный клуб для того, чтобы впоследствии поступить в авиашколу в Берлине. Свой первый диплом пилота я получил летом 1933 года... Летом 1934 года этот клуб стал составной частью авиационного корпуса, членом которого я был до лета 1935 года. (Фон Браун продолжил тренировочные полеты после того, как начал служить в Люфтваффе в следующем году. — *Прим. авт.*)

Осенью 1933 года я записался в школу верховой езды СС в Берлин-Халензее. Туда я наведывался два раза в неделю только для того, чтобы обучаться искусству верховой езды. В другой деятельности корпуса курсанты школы участия не принимали. Летом 1934 года я ушел из этой школы.

В 1939 году (в документах упоминается 1937 год. — *Прим. авт.*) мне официально предложили вступить в Национал-социалистскую партию. В то время я уже был техническим директором армейского ракетного центра на Пенемюнде... Если бы я отказался, мне пришлось бы расстаться с моим любимым делом. Поэтому я согласился. Мое членство в нацистской партии не было связано с какой-либо политической деятельностью.

Весной 1940 года штандартенфюрер СС Мюллер наведывался в мой кабинет и сказал, что рейхсфюрер СС Гиммлер попросил его уговорить меня вступить в ряды СС. Я тут же позвонил в военное министерство своему непосредственному армейскому начальнику — генерал-майору Дорнбергеру. Тот сказал, что если я хочу продолжать свои разработки, то должен принять это предложение, и добавил, что другой альтернативы у меня нет.

Вскоре после того, как я получил от Мюллера два письменных напоминания о нашем первом разговоре, я решил не испытывать судьбу и ответил согласием. Спустя две недели я получил уведомление о том, что

Гиммлер одобрил мое согласие и присвоил мне звание унтерштурмфюрера СС.

Начиная с этого момента меня повышали в звании каждый год. К концу войны я уже имел звание штурмбаннфюрера СС. Однако никто из руководства СС никогда не требовал от меня каких-либо отчетов или выполнения обязанностей, выходящих за рамки моей основной работы.

Кроме СС я был членом следующих организаций: Немецкого рабочего фронта (крупного немецкого профсоюза), Организации социального обеспечения, Общества охотников, Организации защиты от воздушных налетов.

В своих показаниях фон Браун утверждает: «Я являлся членом многих нацистских организаций, поскольку это помогало мне удержаться на работе и продолжать дело всей моей жизни. Я не был активистом нацистской партии или СС. Мое членство в этих организациях было чисто формальным». После войны, уже живя и работая в США, фон Браун, рассказывая о своем прошлом, неизменно добавлял, что его вступление в ряды нацистской партии было вынужденным. Он старался не вспоминать о том, что его первые контакты с СС начались в 1933 году, сразу же после прихода Гитлера к власти, и, конечно же, о том, что к концу войны он имел звание штурмбаннфюрера СС.

Объяснять этот факт тем, что в случае отказа он оказался бы в застенках гестапо, фон Браун не стал, поскольку всем было известно, что Гиммлер не различно награждал его и поддерживал проект фон Брауна, связанный с разработкой и массовым производством боевых ракет А-4 («Фау-2»). Рейхсфюрер, по-видимому, имел все основания верить не только

в гений Вернера фон Брауна, но и в его лояльность по отношению к нацистскому режиму.

Военная администрация США в Германии послала в Министерство юстиции США отчет, в котором о фон Брауне было написано следующее:

Из документов, имеющихся в нашем распоряжении, следует, что данное лицо не является военным преступником. В годы войны он был офицером СС, но никаких документов, свидетельствующих о его приверженности нацистским идеям, не обнаружено. По мнению военного губернатора и военной администрации, данного субъекта все же следует рассматривать как потенциально опасного для Соединенных Штатов. Исчерпывающее расследование прошлого этого человека провести невозможно, поскольку субъект был эвакуирован из советской оккупационной зоны.

Понятно, что этот неполный отчет не удовлетворил бы Госдепартамент и фон Брауну въезд в Соединенные Штаты был бы запрещен. У других кандидатов были такие же проблемы, и секретным службам необходимо было срочно принимать меры для того, чтобы склонить Госдепартамент к одобрению иммиграции немецких ученых и инженеров. Поэтому 4 декабря 1947 года директор разведывательного управления США Боскет Уэв обратился за помощью к руководству американской разведслужбы в Европе, сообщив следующее:

1. Военная администрация США в Германии недавно прислала отчет из вашей штаб-квартиры, из текста которого следует, что 14 выдающихся немецких ученых и инженеров (включая Вернера фон Брауна. — *Прим. авт.*) представляют угрозу для безопасности США...

3. Очень маловероятно, чтобы Госдепартамент и министерство юстиции дали согласие на иммиграцию в США лиц с подобной характеристикой. В результате этих лиц придется депортировать в Германию, а их опыт и знания не удастся использовать во благо американской нации.
4. Необходимо подготовить новые отчеты о лицах, перечисленных в прилагаемом ниже списке, и тексты этих отчетов должны соответствовать целям, о которых говорится в данном письме.

Таким образом, разведывательное управление США ясно дало понять, что немецкие специалисты, являвшиеся членами нацистской партии и представлявшие определенную угрозу для безопасности Соединенных Штатов, должны получить возможность иммигрировать в Соединенные Штаты в интересах все той же национальной безопасности.

Военная администрация США в Германии, естественно, начала подыгрывать желаниям военных кругов США, а не стремлению Госдепартаменту и министерства юстиции к конституционному решению вопроса об иммиграции. В новом переработанном отчете о Вернере фон Брауне, отчете, подписанном все тем же полковником Фритцше 26 февраля 1948 года, было написано следующее:

Провести исчерпывающее расследование деятельности данного субъекта в гитлеровской Германии не удалось, поскольку в последние годы войны он жил и работал на территории, оказавшейся после войны в советской зоне оккупации. Из документов, попавших в наши руки, удалось узнать лишь некоторые факты биографии этого человека, и в частности то, что он вступил в ряды Национал-социалистической партии Германии 1 мая 1937 года и к концу войны имел звание

штурмбаннфюрера СС. Это звание было, скорее всего, формальным знаком почета и не более. Насколько активно он участвовал в деятельности нацистской партии, выяснить так и не удалось. Скорее всего, он, как и многие другие рядовые члены партии, в душе был оппортунистом и не разделял идей нацистов. Этот человек прожил в Соединенных Штатах более двух лет, и поскольку в течение этого периода его поведение было безупречным и он не совершил ничего такого, что дало бы повод считать его опасным для нашей страны, то военный губернатор и военная администрация США в Германии считают, что данный субъект не представляет опасности для Соединенных Штатов.

Военная администрация США в Германии и американская разведка, естественно, не передали в Госдепартамент и в министерство юстиции своей страны имеющуюся у них информацию об участии фон Брауна в нацистских организациях.

Подобная практика сокрытия документов, хранящихся в секретных архивах, с тем, чтобы облегчить въезд в США немецким ученым и специалистам, имела место не только в случае с Вернером фон Брауном. Репортер Линда Хант, изучавшая документы проекта «Пейперклип», просмотрела 130 отчетов американских оккупационных властей о немецких специалистах, многие из которых работали в команде фон Брауна, и обнаружила, что во всех этих документах отсутствовали какие-либо факты, на основании которых этих людей можно было бы считать представляющими угрозу безопасности Соединенных Штатов. Содержание досье, заведенного на Вернера фон Брауна, выглядело, по меньшей мере, странно. Да разве членство фон Брауна в нацистских организациях не доказывало, что он, по сути дела, был сторонником идей наци?

В гитлеровской Германии граждане вступали в Национал-социалистическую партию для того, чтобы доказать свой патриотизм, удержаться на работе и избежать концлагеря. После войны многие из членов партии утверждали, что вступить в ее ряды их вынудила борьба за выживание, и неизменно добавляли, что о существовании концлагерей они не знали. К тому же, кто такие нацисты? — вопрошали некоторые немцы. Те, кто носил в кармане партийный билет и значок со свастикой на лацкане пиджака, или те, кто был приверженцем нацистских идей и активно участвовал в претворении этих идей в жизнь?

Главные нацистские преступники были справедливо наказаны за свои преступления на Нюрнбергском судебном процессе, длившемся с ноября 1945 по сентябрь 1946 года.

После этого громкого процесса мир вздохнул с облегчением, и многие довольно скоро начали забывать о более мелких и не столь ужасных преступлениях нацистов. Тем не менее судебные процессы над военными преступниками продолжались еще долго, и количество осужденных уже исчислялось тысячами. С 1945 по 1949 год американский военный трибунал в Германии, рассмотрев 489 дел, приговорил к разным срокам заключения 1672 обвиняемых. На процессе «Соединенные Штаты против Курта Андрэ» рассматривались преступления, совершенные на заводах по производству ракет «Фау-2» (А-4) в Нордхаузене. Этот процесс состоял из шести судебных слушаний военного трибунала, на них рассматривались преступления, совершенные на заводе «Миттельверк», в концентрационном лагере «Дора» и в других лагерях, имевших отношение к этому делу. Перед судом предстали 19 обвиняемых, а еще пятеро были осуждены

на отдельных, более коротких заседаниях трибунала. В названии этого судебного процесса фигурировало лишь имя первого обвиняемого из списка, составленного по алфавиту,— Курта Андрэ. Судебные заседания проходили на территории бывшего концлагеря Дахау с 7 августа по 30 декабря 1947 года.

Ужасающая история преступлений, совершенных на заводе «Миттельверк» и в концлагере «Дора», началась в сентябре 1943 года, после массированной бомбардировки Пенемюнде британской авиацией. Нацистские власти решили построить подземный завод, надежно защищенный от воздушных налетов противника, и производить на этом заводе новое оружие для Третьего рейха — боевые ракеты «Фау-1» и «Фау-2». Завод предполагалось построить в огромной шахте, у живописных склонов гор под названием Гарц в центре Германии. Владельцем этого завода была компания «Миттельверк». Фактически же эта компания была не частной, а государственной. Ее главный офис располагался в Берлине, и все свои финансовые операции она осуществляла через министра вооружений Альберта Шпеера. Контроль над заводом осуществлялся также и специальным отделом СС. Именно он обеспечивал подбор и проверку людей, которые строили завод или работали в его конструкторских отделах и цехах.

Рытье целой системы подземных тоннелей, в которых должно было располагаться это предприятие, строительство заводских корпусов и создание самих ракет — все это было делом рук наемных рабочих из самой Германии и военнопленных. Все работы и люди, выполнявшие эти работы, находились под жестким контролем СС. Военнопленные и лица, вывезенные в Германию из оккупированных стран, работали и жили, если их существование можно назвать жизнью, под землей. Это огромное подземелье вскоре

превратилось в галерею смерти, в которой все эти люди были обречены либо на медленное мучительное умирание от голода и болезней, либо на быструю гибель от рук эсэсовских палачей.

Альберт Шпеер, осуществлявший финансирование работ по созданию ракет, посетил этот подземный завод 10 декабря 1943 года. Прогулявшись по подземным тоннелям около часа, он поделился своими впечатлениями об увиденном:

Невыразительные бледные лица, отсутствие каких-либо эмоций, в том числе и ненависти во взгляде, изможденные тела в грязных серо-голубых комбинезонах. При нашем приближении они останавливались и, сняв кепки, ждали следующих команд начальства. Похоже, они уже потеряли способность рассуждать и действовать без приказа... Заключенные были явно истощены от недоедания и едва не падали с ног от усталости. Воздух под землей был влажным, холодным и затхлым, наполненным запахами экскрементов. Из-за этих запахов и недостатка кислорода меня начало подташнивать. Руки и ноги заоченели от холода.

Позже Шпеер утверждал, что для улучшения условий жизни тех, кто работал под землей, он распорядился начать строительство концентрационного лагеря на поверхности. Этот лагерь был вскоре построен и получил название «Дора». Он поставлял рабочую силу для «Миттельверка» и связанных с ним заводов, на которых создавались бомбы с реактивными двигателями «Фау-1» и баллистические ракеты «Фау-2».

Правительства стран, воевавших с Германией, узнали о существовании «Доры» и подземного производства 11 апреля 1945 года, после того, как эту часть Германии заняли американские войска. Войска СС уничтожили практически всех, кто работал под землей или находился в концлагере. Эта акция была

осуществлена еще и по причине разразившегося в Германии в последние недели войны экономического кризиса. Американские войска нашли в этом районе множество трупов. Несколько сотен узников были расстреляны на площадке, примыкавшей к крематорию. За несколько недель до появления американских солдат тысячи узников концлагеря умерли от истощения и холеры. Их тела сжигались в печах крематория днем и ночью, но количество жертв увеличивалось слишком быстро, и сжечь все трупы эсэсовцы не успели. В близлежащем городке Нордхаузен нацисты также построили концлагерь, в котором находились те, кто должен был пополнить ряды рабочих подземного завода. Вся территория этого лагеря была также усеяна трупами. По приблизительным оценкам, здесь было найдено около шести тысяч тел. В течение двух лет через ад «Миттельверка», «Доры» и близлежащих концлагерей прошли свыше 60 тысяч человек. Двадцать пять тысяч из этих несчастных так и не дождались дня освобождения.

Все 24 обвиняемых по делу «Военные преступления в Доре-Нордхаузене» были осуждены за «нарушение законов и правил ведения войны».

Кроме того, всех этих лиц обвиняли в преступных действиях, совершенных в концлагерях и на подземном заводе, в результате которых люди были обречены на голод, подвергались жестоким наказаниям и пыткам, а многие были казнены по приказу свыше либо просто убиты охранниками. Никто из подсудимых так и не признал своей вины в отношении предъявленных им обвинений.

Подсудимыми на этом процессе были офицеры СС невысокого звания, солдаты эсэсовских частей и «капо» — бывшие уголовники, привлеченные эсэсовцами для охраны и наведения порядка и дисциплины в

лагерях. «Капо» обычно отличались жестокостью и свои преступления — от издевательств до убийств узников — совершали при множестве свидетелей. Поэтому вину этих подонков можно было легко доказать. Высшим офицерским чином среди подсудимых был штурмфюрер СС. Единственным гражданским лицом среди обвиняемых был Георг Рике, генеральный директор завода «Миттельверк». Рике был вывезен в Соединенные Штаты 4 июля 1946 года. Американские военные чиновники решили использовать знания и опыт этого человека при осуществлении проекта «Пейперклип». Однако спустя четыре месяца один из соотечественников Рике, также участвовавший в этом проекте, заявил, что Рике в годы войны отдавал приказы о массовых казнях заключенных. Обвинение было слишком серьезным, и Рике доставили в Германию с тем, чтобы там его отдать под суд.

Адвокатом Георга Рике был назначен майор американской разведки Леон Пуллада. Он требовал, чтобы Вернер фон Браун и другие немецкие специалисты также отправились в Дахау с тем, чтобы выступить на суде в качестве свидетелей защиты. Требование адвоката было вполне разумным. Ведь Рике за его преступления грозила смертная казнь, и без свидетельств тех, кто работал рядом с подсудимым в Германии, спасти жизнь этому человеку не удалось бы. Однако армейское руководство решительно отклонило требование защитника, не позволив фон Брауну или кому-либо из его коллег отправиться в Дахау. Оно опасалось того, что тщательно отобранная команда немецких специалистов может неожиданно распасться. Поэтому Пулладе не осталось ничего иного, как получить письменные показания от соотечественников Рике. Вопросы адвоката к фон Брауну и его людям были построены так, что сразу было понятно, каких

ответов ждет майор от допрашиваемых свидетелей. Ожидаемые ответы должны были свидетельствовать о невинности Рике и не содержать фактов, на основании которых можно было привлечь к суду фон Брауна либо кого-нибудь из его команды.

Вернер фон Браун дал показания 14 октября 1947 года. (Вопросы были пронумерованы и задавались в определенном порядке. Ниже приведены лишь некоторые из них.)

1. *Вопрос:* Ваше полное имя?

Ответ: Вернер фон Браун.

2. *Вопрос:* Ваше нынешнее место жительства?

Ответ: Форт-Блисс, штат Техас.

3. *Вопрос:* Кем вы работаете?

Ответ: Я руководитель проекта.

4. *Вопрос:* Ваше образование?

Ответ: Доктор философии (в области физики), окончил Берлинский университет и являюсь почетным профессором этого университета.

5. *Вопрос:* Расскажите кратко о своем профессиональном опыте и квалификации.

Ответ: Я руководил центром научных разработок на Пенемюнде (позже в компании «Электромеханише верке»), отвечал за разработку ракеты А-4 («Фау-2»)...

10. *Вопрос:* Работали ли вы непосредственно на заводе «Миттельверк» в Нордхаузене? Если да, то назовите даты начала и конца вашей работы на этом предприятии.

Ответ: Нет.

11. *Вопрос:* Если вы не работали на этом заводе, то, может, вы бывали на нем? Если да, то назовите, когда и с какой целью.

Ответ: Да, я бывал на этом предприятии. В первый раз я был там в сентябре или в октябре 1943 года... Позже, когда там было налажено производство ракет, я приезжал туда раз 15–20 с целью обсуждения технических проблем, связанных с усовершенствованием узлов ракеты А-4. В последний раз я побывал на «Миттельверке» в феврале 1945 года.

12. *Вопрос:* Во время ваших визитов на завод замечали ли вы каковы были условия труда в период с мая 1944 по апрель 1945 года?

Ответ: Условия труда на «Миттельверке» постоянно улучшались, начиная с конца 1943 года и до моего последнего появления на этом предприятии. В первые годы работы завода условия труда, конечно же, были довольно плохими, поскольку подземные тоннели еще не были окончательно оборудованы для производства и обеспечения нормальных условий труда для тысяч работающих. Поскольку специальный лагерь для рабочих еще не был построен, им приходилось жить под землей, в сырости и холоде. Но с лета 1944 года условия труда начали быстро улучшаться благодаря дополнительным усовершенствованиям производственных корпусов и оборудования рабочих мест...

18. *Вопрос:* Правильно ли, что Рике являлся директором завода лишь по документам, а реально предприятием руководил Завацки?

Ответ: Да. Именно Завацки решал все вопросы, связанные с управлением предприятием...

20. *Вопрос:* Правильно ли, что все производственные планы разрабатывались в министерствах про-

мышленности и вооружений и что за выполнение этих планов отвечал Завацки?

Ответ: Производственные планы для «Миттельверка» утверждались председателями компетентных производственных комиссий, созданных в министерстве Шпеера. Завацки являлся членом этих комиссий и докладывал председателям о ходе выполнения производственных программ на заводе.

21. *Вопрос:* Правда ли, что Завацки имел столь большую власть и влияние на заводе потому, что был в приятельских отношениях с генералом СС Каммлером, а также потому, что являлся членом специальной правительственной комиссии по ракетным вооружениям?

Ответ: Осенью 1943 года генерал СС Каммлер получил от Гимmlера приказ построить подземный завод и наладить на нем производство ракет «Фау-1» и «Фау-2», используя в качестве рабочей силы узников концлагерей. После 20 июля 1944 года (день покушения на фюрера) Каммлер был назначен командующим артиллерийскими подразделениями, на вооружении у которых имелись боевые ракеты... Поэтому он был очень заинтересован в расширении производства ракет. Генерал полностью игнорировал Рике и передавал свои приказы непосредственно Завацки, который умело руководил производством, но при этом был необычайно жестоким не только по отношению к восточным рабочим-узникам, но и к немецким инженерам и квалифицированным рабочим...

33. *Вопрос:* Правда ли, что многие немцы работали на «Миттельверке» в тех же условиях, что и узники

концлагерей, то есть при такой же температуре воздуха, влажности и т. д.?

Ответ: Именно так. Немецких инженеров и квалифицированных рабочих на заводе было не менее тысячи. Следует также заметить, что даже немецкие женщины, работавшие в администрации, проводили под землей в среднем около 12 часов в сутки. Они трудились в деревянных бараках, сколоченных из досок и находившихся в тех же сырых тоннелях...

40. *Вопрос:* Правда ли, что дисциплину и порядок на заводе обеспечивали охранники из частей СС?

Ответ: Насколько мне известно, да.

41. *Вопрос:* Правда ли, что в связи с тем, что «Миттельверк» был заводом секретным, все случаи саботажа, шпионажа, подрывной деятельности рассматривались службой безопасности или гестапо, и именно эти организации принимали решения о строгом наказании либо казни провинившихся узников?

Ответ: Если я не ошибаюсь, то этими проблемами занималась исключительно СД.

Для человека, не работавшего непосредственно на «Миттельверке», Вернер фон Браун знал достаточно много о работе этого завода. Его показания свидетельствовали о непричастности Георга Рике к военным преступлениям, совершавшимся в «Миттельверке». Никогда не вставал вопрос и о причастности к этим преступлениям самого фон Брауна. Однако нельзя не заметить, что он носил погоны офицера СС, а именно эта нацистская организация была инициатором создания концентрационных лагерей, таких как «Дора», Дахау и другие, и именно СС отвечала

за производство ракет, сконструированных фон Брауном, и за проведение испытаний этого смертоносного оружия. В связи с этим фон Браун всегда испытывал некоторую неловкость и смущение, когда речь вдруг заходила о его офицерском звании штурмбанифюрера СС. Фон Браун в своих показаниях решительно изобличал злодеев — начальника производства «Фау-2» Альбина Завацки и генерала СС Ганса Каммлера, руководившего строительством подземного завода и осуществлявшего контроль за производством и полевыми испытаниями ракет «Фау-2». Завацки и Каммлер, конечно же, были повинны во многих злодеяниях, а поскольку найти этих двоих в 1947 году еще не удалось, они были идеальными «козлами отпущения» в деле Георга Рике.

Альбин Завацки был арестован 14 апреля 1945 года. На допросе он подробно рассказал о своей работе на «Миттельверке», сообщив, что сначала занимал должность технического директора этого завода и лишь за четыре недели до ареста был назначен директором. Во всех преступлениях, совершенных на заводе и в концлагере «Дора», Завацки обвинял только СС. Его как гражданское лицо выпустили и вскоре он исчез из виду. Сведения о его возможном местонахождении так и не подтвердились. Что касается Ганса Каммлера, то он исчез еще раньше, и во множестве историй об этом эсэсовском главаре утверждалось, что он либо героически погиб, защищая Третий рейх, либо покончил с собой после поражения Германии.

Некоторые другие участники проекта «Пейперклип» также дали показания, которые свидетельствовали о невиновности Георга Рике. Коллегам фон Брауна задавались те же вопросы, и понятно, что их ответы мало отличались от ответов фон Брауна. По иронии судьбы во время слушания дела Георга

Рике ответственность за злодеяния на «Миттельверке» странным образом вдруг обрушилась на коллегу Рике, также участника проекта «Пейперклип». Во время защиты Рике один из свидетелей обвинил Артура Рудольфа — начальника производства ракет «Фау-2», заявив, что тот сообщил в СД фамилии тех, кто организовал саботаж на заводе. Когда Рудольф давал свои показания в пользу Рике, он жил и работал в Форт-Блиссе, штат Техас.

Военный трибунал, рассматривавший дело «Соединенные Штаты против Курта Андрэ и других», объявил о своем вердикте 30 декабря 1947 года. Четырнадцать обвиняемых были признаны виновными и приговорены к разным срокам заключения, вплоть до 25 лет. Однако фактически ни один из осужденных не провел за решеткой более 11 лет. Один из обвиняемых был приговорен к смерти через повешение, четверо других, включая Георга Рике, были признаны невиновными. Тем не менее оправданный Рике уже не вернулся в Соединенные Штаты, чтобы продолжать работу по проекту «Пейперклип».

После того как проект «Пейперклип» был завершен, досье Вернера фон Брауна, составленное еще в 1947 году, было отпечатано и сохранялось в папке с грифом «Совершенно секретно» вплоть до ноября 1984 года. Фон Браун скончался шестью годами раньше. После окончания судебного процесса по делу о преступлениях в «Доре» и после вынесения приговоров протоколы этого процесса были спрятаны в военном архиве США и перекочевали оттуда в государственные архивы лишь в 1981 году.

Армейские чиновники запрятали все «жареные» факты, касавшиеся Брауна и его людей, в свой секретный архив. Официально они объявили о том, что Вернер фон Браун не сделал ничего дурного в годы

правления нацистов в Германии. Позже, когда фон Браун и его коллеги начали писать свои биографии, они старались не упоминать о «Миттельверке» и тем более о концлагере «Дора» и совершенных в нем убийствах и зверствах. Авторы в основном излагали историю создания ракеты «Фау-2». Единственными людьми, которые не могли забыть того, что происходило в «Доре» и других концлагерях, были оставшиеся в живых узники этих концлагерей. Однако и они хранили молчание в течение многих лет, до тех пор, пока Вернер фон Браун и его коллеги не стали национальными героями страны, освободившей узников всех концлагерей и одержавшей победу над нацистами.

Через 50 лет после этих событий невольно задаешь себе вопросы: «А кто же был инициатором сокрытия фактов о преступлениях нацистов? Кто приказал игнорировать или прятать в папках секретных архивов сведения, которые пролили бы свет на нацистское прошлое фон Брауна и других немецких специалистов, вывезенных в США в соответствии с проектом «Пейперклип»? Кто создавал помехи проведению детального расследования преступлений, совершенных в концлагере «Дора», и скрывал протоколы военных трибуналов? В сохранившихся документах мы видим лишь подписи небольшого числа армейских чиновников невысоких званий и гражданских лиц с ничего не говорящими нам именами. Задача всех этих людей была одна — сделать легитимными работу и жизнь фон Брауна и его коллег в Соединенных Штатах. В момент написания этих документов (1947–1948 гг.) Вернер фон Браун и его коллеги уже находились в Форт-Блиссе и в Уайт-Сэндз, где отдавали весь свой опыт и знания стране, некогда воевавшей против их родины — Германии.

Когда Вернер фон Браун и шестеро его коллег оказались в конце войны в плену у американцев, совсем еще юного американского лейтенанта, охранявшего их, предупредили: «Если вдруг выяснится, что некоторые из этих людей были нацистами, никому об этом не сообщать». «Скрывать, что они нацисты? — с удивлением спросил он. — Да ради чего, черт возьми?» «Да потому, — пояснили люди из военной разведки США, — что опыт и знания этих немцев нужны нашей армии и нашей стране. К тому же никто из них не является близким родственником Гитлера. Случись так, с ними поступили бы иначе». Подобная точка зрения преобладала среди высших армейских чинов США и позже стала неофициальной позицией государственных мужей этой страны.

Часто говорят, что историю пишут победители. Что касается германского ракетостроения, то его история была написана побежденными. В 1947 году армейское руководство США предпочитало знать лишь то, о чем фон Браун и его соратники поведали во время допросов. Офицерам военной разведки было приказано не копать глубже. Было решено, что если что-нибудь и всплывет, то пусть оно станет достоянием общественности лишь через пару десятилетий.

Вернер фон Браун подробно писал о своей жизни в нацистской Германии во множестве статей и книг как автор либо соавтор. И только в одной из публикаций он упомянул о подземном заводе «Миттельверк». Немецкий гений ни разу не вспомнил о «Доре», об использовании узников концлагерей в производстве ракет «Фау-2» и о преступлениях, связанных с производством этого оружия.

За преступления, совершенные в годы правления нацистов в Германии, по мнению фон Брауна, должны были отвечать лишь Адольф Гитлер, Генрих Гиммлер

и высшие чины СС, такие как Ганс Каммлер. Германская армия была не виновна, и тем более были не виновны сам фон Браун и его коллеги, которые мечтали лишь о том, чтобы создать ракету для путешествия в космос. Вернер фон Браун всегда забывал написать о том, что он носил звание штурмбаннфюрера СС, или хоть словом обмолвиться о своей ответственности за кровавые преступления, совершенные при производстве его детища — баллистической ракеты «Фау-2».

4

Ракетчик возрождается

Подобно Моисею, фон Браун вел тех, кто покинул вместе с ним родину, через пустыню к далекой Земле обетованной.

Томас Пейн

С даваясь американцам, Вернер фон Браун и его команда вынашивали далеко идущие планы, которые не разделялись их новыми хозяевами. Это была группа самых сведущих в мире специалистов по конструированию, постройке и запуску больших ракет. Они сами это понимали. Это понимали и американские военные, и русские, и британцы, и французы, но правительство Соединенных Штатов, за исключением небольшой группы военных, не придавало этому значения. Война против Германии и Японии закончилась, и не было нужды в радикально новых системах вооружений и связанных с ними затратах. Фон Брауна и его людей поселили в пустыне, чтобы они были под рукой, если возникнет необходимость. Они описывали свое положение выражениями типа

«мирнопленные» и «замороженные в пустыне». Эйфория от осознания себя в авангарде развития ракетной техники прошла.

Жизнь в Форт-Блиссе была ссылкой с сопутствующими ей отчаянием и скукой. Фон Браун с командой ютились в «крысиных будках» — щитовых бараках, окруженных бесплодными холмами, песком, гремучими змеями и стервятниками. Эль-Пасо был остатком старой границы, лишенным былой романтики. За ним, по ту сторону реки находился Сьюдад-Хуарес, ничий и порочный. Стартовая площадка в Уайт-Сэндз, расположенная дальше вглубь пустыни, была местом еще худшим, чем Форт-Блисс. Пустыня Техаса и Нью-Мексико не была домом для фон Брауна и его группы и никогда им не стала бы. В лучшем случае это было убежище, где они могли продержаться до тех пор, пока военным не понадобится новое оружие или пока они не заинтересуются космическими исследованиями.

Как военные ценили Вернера фон Брауна и его людей, было видно по тому, кого им назначали в руководители. На Пенемюнде они работали под командованием генерал-майора Вальтера Дорнбергера; в Эль-Пасо они работали на майора Джеймса Хэмилла. Хотя никто не был настолько бестактен, чтобы упоминать об этом, но чин фон Брауна в исчезнувшем СС соответствовал чину Хэмилла.

Хэмилл был двадцатилетним уроженцем Нью-Йорка. Он учился в Университете Фордхема, где специализировался на физике и входил в состав Корпуса подготовки офицеров запаса. Завершив учебу в 1940 году, он вступил в армию, где получил назначение в техническую разведку по вооружению. В последние дни войны его непосредственный начальник полковник Хольдджер Тофтой поручил ему вывезти

100 ракет «Фау-2» из «Миттельверка» и доставить их для исследований в Уайт-Сэндз. В Форт-Блиссе у майора Хэмилла была горстка младших офицеров, помогавших ему вести дела ракетного отдела в Управлении артиллерийско-технической службы и руководить работой более ста немецких инженеров и ученых. Майор Хэмилл подчинялся полковнику Тофтою из Вашингтона — руководителю ракетной программы сухопутных войск.

Командовал в Уайт-Сэндз полковник Гарольд Тернер. Все операции проводились подчиненными ему офицерами и рядовыми, а также служащими компании «Дженерал электрик», иногда при участии флотского состава.

Когда новизна Америки потускнела, надвинулась реальность. Фон Браун честно признавался, что был разочарован тем, с чем ему довелось столкнуться в Форт-Блиссе. На Пенемюнде он и его группа были баловнями немецкой армии и опирались на огромные ресурсы Третьего рейха. В Америке, которая проводила демобилизацию вооруженных сил и сокращала военные расходы, они должны были развивать ракетную программу на скудные подачки военных.

Задания часто казались бессмысленными, а военные ожидали результатов, не платя за них. Значительную часть работы составляли сборка и запуски ракет «Фау-2» и обучение американцев обращению с ними. Ракеты, привезенные из «Миттельверка» в разобранном виде, со временем приходили в негодность. Фон Браун и его подчиненные часто должны были выпрашивать материалы и изготавливать новые комплектующие, чтобы собрать исправные снаряды. Артур Рудольф сокрушался по поводу дефицита гачных ключей, изготовленных в соответствии с мет-

рической системой мер. Фон Браун ощущал, помимо прочего, что его авторитет в группе подрывается авторитарным стилем командования майора Хэмилла в отношениях с немецким персоналом.

Фон Браун понимал, что он и его группа пропадают в пустыне, не имея никакой перспективы. Он сохранил свою ракетную команду и привел ее к американцам, а те не предоставили взамен ни должных условий, ни поддержки, необходимой для развития ракетной науки. Фон Браун регулярно с негодованием отказывался от дальнейшей работы. Майор Хэмилл получал его заявления об отставке при личных встречах, по телефону и в письменном виде. Позиция Хэмилла состояла в том, что фон Браун и каждый немецкий ученый ракетной группы связаны с армией контрактом. Ни один из них не мог свободно располагать собой. Хэмилл игнорировал заявления фон Брауна об отставке.

Хотя армия держала свою ракетную группу в Форт-Блиссе на скудном пайке, там гордились их достижениями в ракетной технике. Форт-Блисс, который был создан для утверждения территориальных интересов Соединенных Штатов, праздновал свое столетие в ноябре 1948 года. Хотя на протяжении большей части своего существования это была сонная пограничная застава, столетие праздновалось с прицелом на новые рубежи. В ознаменование этого события почтовое ведомство Соединенных Штатов выпустило марку достоинством в три цента с изображением стартующей ракеты. Формой и размерами ракета была удивительно похожа на «Фау-2». По иронии судьбы, «Фау-2» взлетали из Уайт-Сэндз, а не из Форт-Блисса, а на марке не было и намека на фон Брауна и его соотечественников.

В то время как карьера фон Брауна застопорилась и его мечты о космических путешествиях таяли, на его плечи легла ответственность главы большой семьи. В Германии он был холостяком, отвечал только за себя и мог наслаждаться всем, что предлагала жизнь в Третьем рейхе. В Америке он должен был содержать молодую жену и имел на иждивении пожилых родителей, живших вместе с ними. Хотя его младший брат Магнус был взрослым и формально самостоятельным, Вернер привез его в Соединенные Штаты в качестве участника ракетной группы и заботился, чтобы он имел хотя бы средства к существованию, если не перспективу в армии. Кроме того, фон Браун заявил в качестве иждивенцев Ирмгард и Генрику Ридель, вдову и дочь Клауса Риделя, своего близкого друга и коллеги с начала 1930-х годов. Ридель погиб в авткатастрофе в июле 1944 года, и щедрость фон Брауна позволила жене и дочери Риделя жить в хороших условиях в организованном военными лагере для иждивенцев в Ландсхуте, в Германии. Фон Браун был окончательно привязан к домашнему очагу узами личной ответственности после 9 декабря 1948 года, когда его жена Мария родила первенца — дочь Айрис Карин.

Вернер фон Браун родился в лютеранской семье и в Германии считал себя номинально лютеранином. Религия и мораль не имели большого значения ни для Третьего рейха, ни для фон Брауна. Его жизнь была наполненной, с долгими часами работы, а в конце с лихорадочной, разрушающей здоровье активностью. В Америке, казалось, все будет наоборот: продвижение в ракетной технике незначительное, зато появилось больше времени для семьи. Учитывая, что Третий рейх стал отдаленным во времени и в пространстве, и документы о жизни фон Брауна в

Германии были либо уничтожены, либо засекречены его работодателем, армией США, грехи его были если не прощены, то забыты. Он мог сделать переоценку ценностей, создать себя заново, возродиться в вере в Бога, стать сторонником демократии и провидцем будущих достижений человечества в исследовании космического пространства.

О своих первых годах пребывания в Америке он писал:

В Эль-Пасо я видел много небольших церквей, помещавшихся во временных бараках. Я видел пасторов, собирающих свою паству в автобусах и грузовиках. Для меня это было выражением замечательного духа первопроходцев.

Я, по правде, никогда не считал себя хорошим прихожанином до того, как попал в Америку, и сомневался в необходимости любой организованной религии. Но в американских городках, где я бывал, я невольно восхищался работой церквей, делавших христианство по-настоящему живым, и проникся благодарностью за то, что они делали, чтобы помочь нашим немецким семьям, включая мою, почувствовать себя дома.

Фон Браун утверждал, что службу в церкви он посещал регулярно.

О науке и технике он говорил так: «Наше обуздание природы приносит только зло, если оно служит лишь для превращения человека в раба машины или политической организации, управляющей машинами. По моему мнению, сегодня мир больше всего нуждается в людях, которые возвысили бы голос в защиту свободы и прав личности».

Он повторял как молитву, что после поражения нацистской Германии врагами свободы были коммунизм и Советский Союз.

После женитьбы и до того, как появились дети, после работы и до отхода ко сну, после конца Третьего рейха и до возникновения телевидения у Вернера фон Брауна было время, которое нужно было заполнить, и была заветная цель. Его мечтам о космических полетах не было простора, пока армия США, его новый босс, не оценила космос. Пока этого не произошло, он заполнял время упражнениями в технике, которые превратились в «Марсианский проект». В юности он с воодушевлением прочел книгу Жюль Верна «С Земли на Луну» (1865) и начал писать роман о космическом путешествии на Марс. Подобно Верну, он давал строгое обоснование материала книги на основе современной науки и техники. Его главная идея заключалась в том, что космическое путешествие не только возможно, но и неизбежно.

Во введении к «Марсианскому проекту», в его окончательном, опубликованном виде, он писал:

Исследование будет вести флотилия из десяти космических кораблей с командой не менее 70 человек. Каждый из кораблей флотилии будет находиться на орбите с двухчасовым периодом облета Земли. Трехступенчатые ракеты-паромы доставят на орбиту все необходимое: горючее, оборудование и персонал. Когда корабли будут собраны, заправлены и во всех отношениях готовы для космоса, они покинут эту «орбиту отправления» и начнут путь, который выведет их из поля тяготения Земли и приведет на эллиптическую орбиту вокруг Солнца.

В максимально удаленной от Солнца точке этого, касательного к орбите Марса, эллипса десять кораблей будут притянуты гравитационным полем Марса, их ракетные двигатели замедлят их движение и забросят на лунную орбиту вокруг Марса.

Далее фон Браун описал посадку исследовательской экспедиции на поверхность «красной» планеты и возвращение экспедиции на Землю. Весь сценарий был крайне амбициозным, детализированным и фантастическим. Чтобы придать правдоподобие порожденному богатым воображением сюжету, фон Браун написал техническое приложение на восьмидесяти страницах, где разработал технические условия для кораблей с ракетными силовыми установками, выполнение которых делало путешествие возможным.

Тогда, в 1948 году, завершив рукопись, он послал «Марсианский проект» нью-йоркскому издателю. Через шесть недель рукопись вернулась с вежливым отказом. После еще семнадцати отказов от семнадцати издательств фон Браун принял как факт, что по каким-то причинам никто не был заинтересован в публикации его рукописи.

Неоднократные отказы должны были быть вдвойне обидными для фон Брауна после публикации в 1949 году «Завоевания космоса», чрезвычайно популярной книги Вилли Лея, его прежнего коллеги по «Обществу космических путешествий» и человека, представившего его Герману Оберту. Книга Лея была щедро снабжена иллюстрациями Чесли Боунстелла, среди которых были изображения ракетных кораблей, поразительно похожих на А-4 и «Фау-2» конструкции фон Брауна. Хотя автор и иллюстратор были апостолами веры в космос, ни один из них не был ее пророком. Ни один из них не сконструировал и не построил корабль, способный выйти в космос, как это сделали фон Браун и его люди во время службы в нацистской Германии. И все-таки книга Лея и Боунстелла поддерживала идеи, выдвинутые фон Брауном. Еще один писатель, Артур Кларк, спустя десятилетия напишет об этом: «“Завоевание космоса” сделала больше любой

другой книги своего времени — выразила для целого поколения ощущение чуда, романтики и совершенной красоты космического полета».

В то время как фон Браун планировал большие приключения в космосе, его сотрудничество с военными становилось все теснее. Запуски «Фау-2» стали в той же или даже в большей мере делом американцев, а не работой группы фон Брауна. Армия вместе со своим подрядчиком, компанией «Дженерал электрик», в рамках программы «Гермес» испытывала новые конструкции компонентов ракет, запускавшихся из Уайт-Сэндз. Эти компоненты нашли применение в нескольких пробных ракетах «Гермес», хотя последние никогда не были доведены до рабочего состояния. Военно-морской флот заинтересовался запусками тяжелого ракетного оружия со своих кораблей и произвел пробный запуск «Фау-2» с палубы авианосца «Мидуэй» в сентябре 1947 года. Впоследствии флот вел собственную ракетную программу, отдельную от армии.

Наиболее впечатляющие и, возможно, самые важные полеты «Фау-2» в Америке состоялись в рамках армейского проекта «Бампер», который был задуман для отработки методов запуска двухступенчатых ракет и доставки грузов на сверхбольшие высоты. Корабль проекта «Бампер» состоял из «Фау-2» в качестве первой ступени и ракеты «Вак Корпорал» в качестве второй ступени. В то время «Вак Корпорал» была самой совершенной ракетой, разработанной в Соединенных Штатах. Она была создана группой из лаборатории реактивного движения Калифорнийского технологического института для службы артиллерийско-технического снабжения. В заправленном состоянии она весила лишь 297 кг, по сравнению с 12 700 кг у «Фау-2». Двадцать шестого сентября 1945 года, в том

же месяце, когда фон Браун и первая группа немцев прибыли в США, «Вак Корпорал» развила максимальную скорость приблизительно 4480 км/час и достигла внушительной высоты около 40 морских миль (70 км).

С 13 мая 1948 года по 29 июля 1950 года в рамках проекта «Бампер» было произведено восемь запусков, шесть из Уайт-Сэндз и два последних с испытательной площадки для ракет дальнего радиуса действия на мысе Канаверал во Флориде. Согласно мнению Вернера фон Брауна, единственный вполне успешный запуск состоялся в Уайт-Сэндз 24 февраля 1949 года. Вторая ступень достигла скорости 8540 км/час и высоты 390 км. Проект «Бампер» использовал весь потенциал существовавшей ракетной техники. Более высокие полеты требовали создания нового поколения ракет.

Хотя фон Браун и члены его группы работали в Форт-Блиссе, они много ездили, консультируясь с подрядчиками и давая им советы. Вначале они передвигались с охраной, но, доказав свою надежность, получили разрешение путешествовать самостоятельно. Разумеется, военные держали фон Брауна и его людей под не слишком строгим наблюдением, и в случае поездок ему приходилось отчитываться о своем местопребывании.

Федеральное бюро расследований, отвечавшее за выявление шпионов, подрывных элементов и угрозы для безопасности Соединенных Штатов, обратило внимание и на немцев, работавших в Форт-Блиссе в соответствии с проектом «Пейперклип». Тринадцатого сентября 1947 года директор ФБР Эдгар Гувер обратился к руководителю разведки армии США генерал-лейтенанту Стивену Чемберлену, рекомендуя ему, чтобы никакая секретная информация не была доступна для немцев. Рекомендации Гувера были невыполни-

мыми и абсурдными, поскольку немцы сами создавали много секретной информации. Генерал-лейтенант Чемберлен воспользовался непрошеным советом Гувера как поводом для легитимизации пребывания фон Брауна и его группы в США. Он объяснил Гуверу, что немцы были союзниками в борьбе против коммунистической угрозы. Гувер, до безумия ненавидевший коммунизм, принял аргументы Чемберлена. Он согласился поддержать немцев в их усилиях получить визы и стать легально проживающими иностранцами.

Чемберлен не сообщил Гуверу, что в то самое время, когда он отстаивал точку зрения, что фон Браун и его группа не представляют угрозы для безопасности, его ведомство расследовало заявление о том, что фон Браун, будучи в отпуске в Германии, раскрыл планы американцев относительно «Фау-2» своему другу по фамилии Левальд. В ответ на обвинения против фон Брауна его начальник, майор Джеймс Хэмилл, признал, что фон Браун был в Германии в указанное время и знал человека по фамилии Левальд, но он защитил своего подчиненного, дав заключение: «По нашему мнению, доктор фон Браун, упомянутый в цитированном письме, и профессор фон Браун из нашего отдела не являются одним и тем же лицом». Ясно, что военные решили защищать фон Брауна, хотя, судя по наблюдению за ним и по содержанию их отчетов, не доверяли ему.

ФБР завело дело на фон Брауна тремя месяцами позже, 16 августа 1948 года, с целью оценки «связанных с внутренней безопасностью аспектов иммиграции фон Брауна в Соединенные Штаты для постоянного проживания». ФБР начало свое расследование с изучения досье на фон Брауна, составленного Объединенным управлением разведывательных целей. Документ содержал неприятную информацию о членстве

фон Брауна в нацистских организациях и в СС, но все, что могло бы намекнуть на то, что фон Браун представляет возможную угрозу безопасности страны, было тщательно вычищено. Хотя некоторые отчеты и содержали негативные высказывания о личности фон Брауна, ФБР сделало окончательный вывод об отсутствии доказательств того, что он представляет собой угрозу для безопасности США, и не возражало против его легальной иммиграции в Соединенные Штаты.

Второго ноября 1949 года, через четыре года после того, как он прибыл в Соединенные Штаты, фон Браун покинул Форт-Блисс в сопровождении военной охраны. Он пересек границу с Мексикой возле Эль-Пасо и направился прямо в консульство США в городе Сьюдад-Хуарес, где получил визу на въезд в Соединенные Штаты. Спустя несколько часов Вернер фон Браун вернулся в Соединенные Штаты в качестве легального иммигранта. Весной следующего года большинство членов его ракетной группы дважды пересекли Рио-Гранде и стали людьми, легально проживающими в США.

Однажды, спустя пять лет после приезда в пустыню на западе Техаса, прогуливаясь вместе со своим коллегой Адольфом Тилем, Вернер фон Браун размышлял о недостаточно успешной работе своей группы, в особенности в области исследования космоса. «Мы можем мечтать о ракетах и Луне до скончания века, — произнес он. — Пока не поймет народ, а вслед за ним те, кто платит по счетам, все совершенно бесполезно. Ты побеспокойся о расчетах, а я обращусь к людям».

В последующие годы фон Браун через головы генералов и бюрократов обратится прямо к людям, платящим им жалованье. Он продаст им Луну.

Сегодня я живу в типичном американском городе. Наверно, вы слышали о нем. Это Хантсвилл, штат Алабама, 128 км на север от Бирмингема. Рядом находится обширное хозяйство Редстоунского арсенала. Я являюсь техническим директором группы разработки управляемых снарядов.

Здесь, в Америке, даже являясь бывшим врагом, я могу идти, куда хочу, и жить, где хочу. Я только что построил собственный дом из кедрового дерева с тремя спальнями и террасой на прелестном холме близ Хантсвилла.

Для постройки дома я взял ссуду в Федеральном жилищном агентстве. Месячный взнос на ее погашение составляет 61 доллар, включая закладную и налоги. Я считаю, что это удачная сделка.

Вернер фон Браун

Поражение нацистской Германии привело к короткому антракту в глобальной драме XX столетия. Вместо трех главных идеологий оставалось лишь две. В следующем акте западная демократия будет противостоять коммунизму на востоке. Уинстон Черчилль осознал этот раскол в 1946 году, когда заявил, что «железный занавес» не только разделил две идеологии, но и отделил Советский Союз и находящиеся

под его влиянием страны от остальной Европы. Последовавшее затем идеологическое противоборство достигло апогея 24 июня 1948 года, когда Сталин установил блокаду Западного Берлина, бывшего островком западной идеологии к востоку от «железного занавеса». Союзники ответили не военной конфронтацией, а установлением воздушного моста для снабжения контролируемых ими западных секторов Берлина. Через несколько месяцев, в сентябре 1948 года, Советский Союз взорвал свою атомную бомбу, тем самым существенно выровняв поле возможной будущей битвы.

На противоположной стороне земного шара, после продолжительной гражданской войны, коммунисты взяли власть в континентальном Китае. Первого октября 1949 года Мао Цзэдун объявил, что бывший союзник западных держав стал теперь Китайской Народной Республикой.

Если Соединенные Штаты хотят успешно противостоять коммунизму, полагали лидеры страны, они должны быть могущественными в военном отношении и обладать самым ужасающим на Земле оружием. Тридцать первого января президент Трумэн отдал распоряжение о создании водородной бомбы. В то время военные уже потихоньку планировали доставку ядерных зарядов с помощью ракет. Эти планы расчистили путь для фон Брауна и его ракетной команды из пустыни на плодородные земли Хантсвилла, штат Алабама.

В 1805 году Джон Хант построил свой дом вблизи источника у подножия Монте-Сано, севернее реки Теннесси. Вокруг его дома вырос город, носящий теперь его имя. Хантсвилл был первым англоязычным поселением и местом конституционного собрания в регионе, ставшем в 1919 году штатом Алабама. Город

процветал благодаря дешевизне земли и труду черных рабов, собиравших хлопок. Гражданская война покончила с рабством, но хлопок остался важнейшей культурой. Экономика Хантсвилла базировалась на хлопке, и перерабатывающие фабрики были главными работодателями в городе, насчитывавшем к началу Второй мировой войны 16 тысяч жителей.

В 1941 году, когда вступление в войну против Германии стало очевидным, химическая служба армии приобрела около 120 км² земли на юго-западной окраине Хантсвилла, на реке Теннесси. Этот участок земли превратился в Хантсвиллский арсенал. Вслед за тем служба артиллерийско-технического снабжения приобрела прилегающий участок земли 16 км², который в итоге получил название Редстоунский арсенал. Двадцать тысяч человек были заняты производством отравляющих газов (никогда не использовавшихся в бою) и снарядов в Хантсвиллском и Редстоунском арсеналах, а Хантсвилл стал городом экономического бума. Часть Хантсвиллского арсенала была построена немецкими военнопленными. В 1944 году около 1100 военнопленных были привезены на зеленые холмы Северной Алабамы, где они выполняли тяжелые работы под присмотром американских военных. Они строили собственный лагерь, в то время как ракеты, созданные их соотечественниками, разрушали здания в Лондоне и Антверпене.

Когда закончилась война, производство амуниции прекратилось, работавшие в арсеналах были уволены, и Хантсвиллский арсенал был закрыт и выставлен для продажи. В октябре 1948 года значительно меньший по размерам Редстоунский арсенал, принадлежавший артиллерийско-технической службе сухопутных войск, стал центром исследований и разработок по ракетной технике.

Хольджер Тофтой, уже генерал-майор, но по-прежнему возглавлявший ракетную программу армии, прибыл в Редстоунский арсенал 14 августа 1944 года. Он с тревогой обнаружил, что выбранное для развертывания ракетной программы место не удовлетворяет необходимым требованиям. Однако он узнал, что прилегающий участок, где расположен Хантсвиллский арсенал, продается, и решил заполучить его. Ему предстояло выдержать борьбу, так как местный бизнес имел свои виды на Хантсвиллский арсенал, надеясь использовать его в целях оживления местной экономики. Более того, секретарь по делам армии Гордон Грей был против передачи имущества для возглавляемой Тофтотем программы, так как боялся обязательств по значительному расширению ракетной программы армии. Тофтой обратился к начальнику штаба армии. Единственная показывавшая и Редстоунский и Хантсвиллский арсеналы карта, которую он смог найти, не помещалась ни на одну стену. Поэтому, делая свой доклад, он расстелил ее на полу и, ползая на четвереньках, объяснял, как будут использоваться оба участка. Завершив свое выступление перед генералом Мэтью Риджуэем, который должен был принять окончательное решение, он сказал: «Я здесь буквально и фигурально на коленях вымаливаю это место. Есть еще вопросы?»

Принимая во внимание победу коммунистов в Китае, армия чувствовала необходимость расширения программ разработки вооружений, и Тофтой получил участок Хантсвиллского арсенала, который он присоединил к Редстоунскому, создав таким образом армейский центр разработки ракетной техники.

Переезд из Эль-Пасо и Уайт-Сэндз в Хантсвилл начался в апреле 1950 года и завершился в ноябре. В число переехавших входили 130 немцев из группы

фон Брауна (из 118 человек ее первоначального состава некоторые вернулись в Германию, другие перешли на работу в американские компании, но было и пополнение из Германии в рамках проекта «Пейперклип»). Кроме того, переехали также 500 военных, 120 гражданских государственных служащих и несколько сот работников компании «Дженерал электрик» — главного ракетного подрядчика армии.

Новая организация называлась Центр управляемых снарядов артиллерийско-технической службы. Тофтой сохранил за собой руководство и управлял работой центра из ракетного сектора отделения артиллерийско-технических исследований и разработок в Пентагоне. Полковник Хэмилл был его представителем, ответственным за разработку ракет в Редстоуне. Редстоунский арсенал и его повседневная деятельность находились под командованием генерала Томаса Винсента. Вернер фон Браун имел должность технического директора группы разработки управляемых снарядов. Структура организации в Редстоуне и должность фон Брауна поразительно напоминали Пенемюнде времен Третьего рейха.

Окрестности Хантсвилла и север Алабамы, хоть и отличались в географическом и культурном отношении от Германии, все же больше напоминали дом, чем сухая, пыльная пустыня, где фон Браун и его коллеги прожили четыре года. Кроме того, война и ее последствия привели к тому, что Германия уже не была домом, который они помнили и любили.

Они отправили детей в школы, начали строить дома, вступали в общественные организации, совершали походы по лесистым холмам на север от реки Теннесси. В Хантсвилле не было лютеранской церкви, и они организовали общину, пригласив пастора из Флориды. Фон Браун, однако, воспринимая культуру

страны, в которой он заново обрел свой дом, и, более тонко ощущая социальные, политические и экономические последствия принадлежности к той или иной церкви, присоединился к евангелической общине.

Как раз в то время, когда фон Браун и ракетная группа армии покидали свои базы в Эль-Пасо и Уайт-Сэндз, коммунистическая Северная Корея дала немецким ракетчикам лучший шанс со времени их приезда в Америку. Двадцать пятого июня 1950 года войска Северной Кореи, которую поддерживали Китайская Народная Республика и Советский Союз, вторглись в номинально демократическую Южную Корею. Для отражения вторжения президент Трумэн послал в Корею американские войска в рамках воинского контингента ООН. В июле артиллерийско-техническая служба поручила группе из Редстоунского арсенала изучить возможность создания баллистической ракеты класса «земля—земля» с радиусом действия 800 км. По ходу войны и по мере того, как продвигалась работа группы фон Брауна, приоритет новой ракеты возрастал. Формально ответственность за ее разработку была возложена на Редстоунский арсенал 10 июля 1951 года. Артиллерийско-техническая служба решила также удовлетвориться дальностью 320 км вместо первоначально планировавшихся 800. Зато теперь груз мог быть увеличен до 3 т, чтобы разместить ядерную боеголовку. Незначительно превосходя «Фау-2» по дальности полета, новая ракета несла заряд такой разрушительной силы, что предшественница выглядела по сравнению с ней детской игрушкой. Ракета несколько раз получала новые названия, среди которых было «Урса Мэйджор» («Большая Медведица»), пока наконец 8 апреля 1952 года не была названа «Редстоун».

Почти одновременно с прибытием в Хантсвилл Вернер фон Браун ознакомился с трудами Роберта Годдарда, пионера американского ракетостроения, чья работа послужила стимулом для Германа Оберта и для самого фон Брауна. Главные достижения Годдарда состояли в том, что он, наряду с Циолковским и Обертом, установил потребность в энергии жидкого топлива для подъема ракеты в космос, а также построил и запустил в 1926 году первую в мире ракету на жидком топливе. С 1930 по 1941 год Годдард построил и запустил большое количество ракет близ Розуэлла в штате Нью-Мексико, в пределах дальности полета «Фау-2» от Уайт-Сэндз.

Из-за насмешек прессы над его ранними работами Годдард почти ничего не сообщал о своей деятельности. Он старательно патентовал каждую разработку, а правительство США засекречивало их из-за возможных военных применений. В 1941 году, когда приближалась война, Годдард стал научным директором расположенной в Аннаполисе, штат Мэриленд, станции технического эксперимента при Бюро по аэронавтике военно-морского флота. Там он разрабатывал вспомогательные ракетные двигатели для взлета самолетов морской авиации. Роберт Годдард умер в Балтиморе 10 августа 1945 года, в то самое время, когда военные вели переговоры с фон Брауном о переезде в Соединенные Штаты.

В 1950 году Джеймс Хэмилл, теперь уже подполковник, принес фон Брауну кипу бумаг и поставил перед ним сложную задачу. Бумаги включали более 200 все еще секретных патентов, полученных Годдардом. Наследники Годдарда, при поддержке Фонда Гуггенхайма, предъявили правительству США иск за нарушение патентных прав. Они утверждали, что ракеты «Фау-2», запускавшиеся военными в Уайт-Сэндз,

а также новые ракеты, разработанные и построенные в Соединенных Штатах, нарушали авторские права Годдарда. Хэмилл попросил фон Брауна просмотреть патенты и оценить ситуацию с технической точки зрения, оставляя в стороне юридический вопрос о праве на военные трофеи.

Фон Браун был, по-видимому, первым из работавших на правительство Соединенных Штатов, кто читал патенты после того, как их подписали патентоведы. В Германии их никто не видел, и они не были основой для конструкции «Фау-2». Однако, как обнаружил фон Браун, нарушений было очень много, хотя немцы изобрели запатентованные устройства независимо от Годдарда. В своем отчете фон Браун упомянул в качестве возможных нарушений использование газовых рулей для управления траекторией полета, турбонасосов для подачи жидкого топлива в двигатель, гироскопического управления и многое другое.

В 1960 году, спустя десять лет после предъявления иска, правительство удовлетворило требования истца. Фонд Гуггенхайма и вдова Годдарда разделили между собой миллион долларов, а правительство США получило права на использование изобретений, описанных более чем в 200 патентах. Такое решение было, по-видимому, неизбежным, так как к тому времени НАСА признало заслуги Годдарда, назвав 1 мая 1954 года его именем Центр космических полетов в Гринбелте, штат Мэриленд.

Просмотрев патенты Годдарда, фон Браун высоко оценил его блестящий ум. Сам он мало интересовался патентами. Перед приездом в Соединенные Штаты во время допроса он сказал, что получил в Германии десять патентов на изобретения, связанные с ракетами. Он заявил, что права на них были переданы рейху.

Существовали ли эти патенты на самом деле, остается неясным. Биография фон Брауна 1966 года упоминает только один патент «Снаряд с ракетным двигателем», выданный ему Патентным бюро Соединенных Штатов 23 января 1961 года.

Доходы, которые фон Браун получал, работая на армию США, обеспечивали ему уровень жизни представителя среднего класса. Теперь у него не было таких привилегий, как при Гитлере, но не было и давления с требованием обеспечить немедленную победу. Он жил в своем новом доме, построенном на ссуду Федерального жилищного агентства. В его семье произошло прибавление: 8 мая 1952 года родилась вторая дочь Вернера и Марии — Маргрит Сесиль. С двумя детьми, имевшими гражданство США, и хорошей работой в Америке фон Браун сам был на пути к получению гражданства. Он также стал несколько свободнее в связи с возвращением в 1953 году его родителей в Германию, где они могли жить на пенсию отца, заработанную на государственной службе.

Оставив пустыню позади, законно проживая в Соединенных Штатах и имея приличный доход (по контракту с военными в 1951 году он получил 10 500 долларов — неплохие деньги по тому времени), фон Браун мог позволить себе некоторый досуг. Он плавал на лодке и катался на водных лыжах по реке Теннесси, получил права на управление легким самолетом, а летом 1954 года под влиянием Артура Кларка начал плавать под водой с аквалангом.

Наконец, к фон Брауну пришло и профессиональное признание. В конце концов, теперь он был членом команды, защищавшей свободный мир от коммунистической угрозы, и ведущим теоретиком в области космических полетов. Благодаря последнему качеству

он был принят в члены Британского межпланетного общества, Американского ракетного общества и клуба исследователей в Нью-Йорке.

В сентябре 1951 года Британское межпланетное общество провело Второй международный конгресс по астронавтике, темой которого стал искусственный спутник Земли. Шестьдесят три делегата из десяти стран собрались, чтобы обсудить возможность выведения первого искусственного спутника на орбиту вокруг Земли.

Артур Кларк, председатель общества, напыщенно провозгласил: «Исследование космоса станет, по-видимому, следующим важнейшим техническим достижением человечества». Вернер фон Браун не присутствовал на конференции, но его доклад был прочитан. Он рассматривал искусственный спутник как нечто само собой разумеющееся и представил план экспедиции на Марс, взятый из неопубликованной книги «Марсианский проект» и содержащий расчеты, придававшие ему правдоподобие.

В то время как другие пытались решить, как забросить жестянку на орбиту, фон Браун рассказал им, как слетать на Марс, исследовать его поверхность и вернуться обратно. Не покидая свой дом в Хантсвилле, фон Браун занял место главного провидца в немногочисленном сообществе энтузиастов космоса.

В следующем, 1952, году фон Браун навестил в Хантсвилле немецкий издатель Рихард Бехтле. Фон Браун показал ему рукопись «Марсианского проекта», и Бехтле согласился опубликовать научное приложение в виде небольшой монографии. Немецкое издание появилось в 1952 году. Издательство университета штата Иллинойс приобрело права на издание книги на английском языке и опубликовало «Марсианский проект» в 1953 году. Бехтле также уговаривал фон

Брауна пригласить профессионального литератора, некоего Неера, чтобы переделать «Марсианский проект» в научно-фантастический роман, придав сюжету необходимую для коммерческого успеха напряженность. Однако Неер так вольно обращался с законами физики, что фон Браун отказался от соавторства.

В дополнение к частичному успеху «Марсианского проекта», журнал «Кольерс» пригласил фон Брауна участвовать в написании серии статей об исследовании космоса.

Семейная жизнь фон Брауна была безоблачной. Успешно шла его работа в качестве технического директора ракетной программы в Редстоунском арсенале. Ему удалось ознакомить людей со своими планами космических полетов. В 1952 году, через семь лет после прибытия в Соединенные Штаты под охраной, сорокалетний Вернер фон Браун имел все основания полагать, что жизнь в Америке хороша.

6

Продавец космоса: статьи в «Кольерс»

Этот человек мог уговорить любого. Он настолько убедителен, что мог бы продавать кому угодно, что угодно, даже подержанные автомобили.

Корнелиус Райан

В середине XX столетия космос был вотчиной писателей-фантастов. Космические путешествия были занятием Флэша Гордона, Бака Роджерса и многих других. Наука сделала первые шаги в космос в 1920-е и в начале 1930-х годов благодаря идеям Роберта Годдарда и Германа Оберта, а затем уступила фантастике — в то время, когда мир рухнул в пучину Второй мировой войны.

По иронии судьбы, один из продуктов этой войны, ракета «Фау-2», вновь разожгла интерес к научному освоению космоса. Вернер фон Браун и его группа показали, что большие ракеты могут выйти в космос, по крайней мере, на короткое время. Проект «Бампер» продемонстрировал, что вторая ступень, разогнанная

с помощью «Фау-2», может подняться в космос на сотни километров. Человечество было готово проникнуть в космос. Ему требовался только план.

Серьезное научное планирование исследования космоса началось с симпозиума по космическим полетам, состоявшегося в Хейденском планетарии в Нью-Йорке 12 октября 1951 года.

Координатором симпозиума был Вилли Лей, автор многочисленных публикаций на научно-популярные темы, в том числе и о космосе. Как и фон Браун, Лей был членом Общества космических путешествий и группы «Ракетодром» в конце 1920-х — начале 1930-х годов в Германии. Он был знаком с фон Брауном, но, по-видимому, они не были большими друзьями. После того, как фон Браун начал сотрудничать с немецкой армией, и после прихода к власти нацистов Лей ушел в длительный отпуск, во время которого попал в Соединенные Штаты, и больше в Германию не вернулся.

Приглашения на симпозиум по космическим путешествиям были разосланы в университеты, исследовательские группы и профессиональные сообщества, то есть людям, всерьез рассматривавшим возможность космических полетов и способным претворить ее в реальность. Были приглашены и журналисты. В 9 утра в пятницу 12 октября свыше 200 человек собрались в Хейденском планетарии, включая Артура Кларка и многих военных. Присутствовали также два журналиста из «Кольерс» — одного из наиболее популярных американских журналов того времени. Собранным были представлены разные доклады: «Конструирование и приложения космических аппаратов» (Р. Хэвиленд), «Космическая медицина» (Х. Хабер), «Юридические аспекты передвижения в космосе» (О. Шахтер) и др.

Журналисты из «Кольерс» доложили своему редактору, что тема космических путешествий может заинтересовать читателей, и журналу следует осветить ее на своих страницах. Корнелиус Райан, недавно пришедший на должность помощника редактора «Кольерс», был послан на конференцию по космической медицине, проходившую с 6 по 9 ноября в Сан-Антонио, штат Техас, с целью проследить за развитием космического сюжета. (Впоследствии Райан напишет бестселлер «Самый длинный день», рассказывающий о высадке войск союзников в Нормандии, и станет редактором «Кольерс».) Организаторами конференции стали Фонд Лавлейса для содействия медицинскому образованию и науке и Школа авиационной медицины военно-воздушных сил. Вернер фон Браун был в числе лиц, приглашенных на конференцию, но не делал доклада.

До приезда в Сан-Антонио Корнелиус Райан мало интересовался космическими полетами и питал здоровый скептицизм относительно этого предмета. По окончании первого дня работы конференции в столовой его плотно окружили Фред Уиппл, заведовавший кафедрой на факультете астрономии в Гарвардском университете, Джозеф Каплан, профессор физики из университета штата Калифорния и Вернер фон Браун. Они знали, как существенно Райан может помочь им в пропаганде космических полетов, и принялись старательно обрабатывать попавшего в ловушку журналиста. Аргументы подкреплялись коктейлями, объяснения — ужином с дополнительной выпивкой. В полночь, когда все закончилось, Райан почувствовал себя смертельно уставшим, но новообращенным в веру в исследование космоса.

Вернувшись в Нью-Йорк, Райан разработал план освещения космической темы в своем журнале. Он

решил начать с публикации подборки статей специалистов, выступивших с докладами на конференциях в Хейденском планетарии и в Сан-Антонио, а также материалов Вернера фон Брауна, который мог лучше других показать товар лицом. Он пригласил также трех лучших иллюстраторов для передачи идей специалистов с помощью образов, которые должны были привлечь внимание читателей. Скоро стало ясно, что материал заслуживает нескольких публикаций. В конечном итоге «Кольерс» восемь раз в течение двух лет публиковал материалы, посвященные космосу.

Вернер фон Браун в течение 25 лет конструировал ракеты и прокладывал пути в астронавтике, но первые 20 лет он сам и его идеи были под жестким контролем сначала немецких, а затем американских военных. Теперь, поскольку он в качестве участника группы экспертов лишь рассуждал об отдаленном будущем, ему было позволено предстать со своими идеями перед широкой аудиторией. Писать для «Кольерс» было для него не работой, а развлечением.

После изматывающего дня работы над редстоунским проектом так приятно расслабиться, переместившись на поверхность Луны, и приступить к красочному описанию волнующих приключений. Я смешиваю «Мартини», ставлю пластинку с Бранденбургским концертом и пишу, пишу, пока не встанет Мария и не напомнит, что через два часа я должен быть на службе.

Писать для «Кольерс» фон Брауну было вдвойне приятно из-за гонорара в 1000 долларов за статью в пять тысяч слов. Это было неплохим подспорьем для государственного служащего, платившего по закладной, содержавшего семью и помогавшего пожилым родителям, и все на 10 500 долларов в год.

Специалисты сдали готовые статьи в редакцию в конце 1951 года. Затем Райан и Вилли Лей тщательно отредактировали их, приведя в соответствие со стилем журнала и сделав более доступными для непрофессиональной аудитории. Кроме того, Райан направил статьи в Вашингтон для получения разрешения на публикацию, так как двое авторов, Вернер фон Браун и Хайнц Хабер, работали на федеральное правительство.

Первые статьи о космических полетах появились в номере «Кольерс» от 22 марта 1952 года, который поступил в продажу на неделю раньше этой даты. Одновременно с выходом номера издательство устроило молниеносную рекламную кампанию, в центре внимания которой был Вернер фон Браун. Он участвовал в семи телевизионных интервью с ведущими журналистами того времени Джоном Камероном Суэйзом, Дэйвом Гэрроуэем и Гарри Муром. По данным самого журнала «Кольерс», его тираж составлял три миллиона экземпляров, и каждый номер читали четыре-пять человек. Хотя это могло быть некоторым преувеличением, широкое распространение журнала и появление на телевидении открывали для фон Брауна возможность стать если не влиятельной, то признанной в масштабах всей страны фигурой.

Обложка «Кольерс» от 22 марта 1952 года представляла впечатляющее изображение отделения третьей, последней ступени ракеты при выходе на орбиту. Текст на обложке гласил: «Человек скоро завоеует пространство. Ведущие ученые на пятнадцати потрясающих страницах рассказывают, как это будет». На 23-й странице представлялись авторы статей: доктор Вернер фон Браун, технический директор группы управляемых снарядов артиллерийско-технической службы; доктор Фред Уиппл, заведующий кафедрой

факультета астрономии Гарвардского университета; доктор Джозеф Каплан, профессор физики; доктор Хайнц Хабер из отдела космической медицины Военно-воздушных сил США; Вилли Лей, самый известный научный журналист в Соединенных Штатах; Оскар Шахтер, заместитель директора юридического отдела ООН, а также иллюстраторы статей Чесли Бунстелл, Фред Фриман и Рольф Клеп. Статус авторов показывал, что журнал рассчитывает на серьезное отношение к публикации.

Вводный редакционный комментарий под заголовком «Чего мы ждем?» обозначал приоритеты и задавал тон всему повествованию.

На последующих страницах «Кольерс» представляет научные материалы, относящиеся, возможно, к числу наиболее важных из когда-либо опубликованных в американских журналах. Речь идет о неизбежности завоевания космоса человеком.

То, что вы прочитаете здесь, не фантастика, а факт. Более того, это настоятельное предупреждение, что Соединенные Штаты должны незамедлительно приступить к разработке долгосрочной программы, призванной обеспечить превосходство Запада в космосе. Если мы не сделаем этого, сделает кто-то другой. Весьма вероятно, что это будет Советский Союз.

До конца вводной статьи продолжалась та же тема: Соединенные Штаты должны закрепить свое присутствие в космосе, опередив Советский Союз, чтобы установить военное превосходство и обеспечить свою безопасность. Космическая политика развивалась не в вакууме, а как одна из реальностей «холодной войны».

Статья Вернера фон Брауна «Пересекая последний рубеж» была центральной в подборке статей о кос-

мосе. Она давала понять, что у автора есть хорошо продуманный план:

В ближайшие 10–15 лет у Земли появится созданный человеком спутник, который может стать либо величайшей силой, предназначенной для поддержания мира, либо самым ужасным оружием, в зависимости от того, кто его создаст, и кто будет им управлять.

К счастью, фон Браун скоро оставляет в стороне современную международную политику и переходит к ракетам, спутникам и космическим полетам. Хотя его предложения могли показаться читателям «Колльерс» революционными, они не были совершенно новыми. Основные концепции и многие детали уже были представлены в его первом публичном выступлении в Америке, состоявшемся пять лет назад в клубе «Ротари» в Эль-Пасо.

Бросок в космос начнется с ракеты, большей по размерам и более мощной, чем любая задуманная ранее. Она состоит из трех ступеней, ее высота составляет около 81 м и вес равен 7000 т. Первая ступень имеет блок из 51 двигателя, при одновременной работе которых создается тяга в 14 000 т. (Для сравнения: ракета «Сатурн-5», доставившая астронавтов на Луну, имела меньший стартовый вес — в 3000 т и тягу в 3750 т. Тем не менее, благодаря более совершенной технологии, она могла вывести на орбиту груз в 125 метрических тонн.) Первая и вторая ступени после сгорания топлива опускаются на парашютах в океан и восстанавливаются для повторного использования. Третья, последняя, ступень несет на себе 36 т полезной нагрузки, включая команду. Она достигает орбиты с удалением в 1720 км и делает оборот вокруг Земли за два часа. Третья ступень имеет крылья, и

после выполнения поставленной задачи она спускается на Землю, подобно тому, как это будет делать космический челнок в конце XX века.

Многочисленные ракеты доставляют на орбиту новых людей и компоненты космической станции, изготовленные из нейлона и пластмассы. Сборка производится людьми, работающими в вакууме в состоянии невесомости. После окончания сборки в космическую станцию закачивается воздух, придавая ей задуманную форму.

Космическая станция имеет форму автомобильной шины диаметром 76 м, и, подобно шине, она вращается, совершая оборот за 12,3 секунды. Целью вращения является создание искусственной силы тяжести, позволяющей команде спутника работать в нормальных условиях. (В 1952 году большинство специалистов по космической медицине не принимали в расчет возможность серьезного отрицательного воздействия невесомости на человека.) Концепция использования такой формы станции для создания искусственной силы тяжести была впервые выдвинута капитаном австрийской армии Поточником, писавшим под псевдонимом Герман Нордунг. Фон Браун, использовавший хорошие идеи, где бы он их ни находил, включил эту концепцию в свой план космической станции.

Вернеру фон Брауну представлялось, что станцию будет сопровождать в космосе находящийся в свободном полете телескоп с дистанционным управлением. Реальный космический телескоп имени Э. Хаббла был выведен на орбиту спустя десятилетия.

В своей статье фон Браун дал краткое описание использования космической станции в качестве ступеньки для более глубокого проникновения в космос, в частности для путешествия вокруг Луны. В его представлении это выглядело очень просто: нужно

было только сконструировать подходящий корабль, чтобы разместить команду на время десятидневного пути, направить его в нужную сторону и включить на пару минут ракетный двигатель.

Помимо исследования дальнего космоса, космическая станция может быть использована для метеорологических наблюдений, военной разведки, а также для ведения ядерной войны. Фон Браун пишет:

Небольшие крылатые ракеты с ядерными боеголовками могут быть запущены со станции таким образом, что они будут атаковать цели на сверхзвуковых скоростях. С помощью одновременного ведения радаром снаряда и цели, эти ракеты могут быть точно направлены в любую точку земли. Благодаря тому, что станция может пролетать над всеми обитаемыми регионами Земли, такой метод атомного бомбометания предоставит стране, способной строить спутники, самые важные тактические и стратегические преимущества в истории войн.

В 1952 году, когда на карту было поставлено выживание нации, предложения фон Брауна казались вполне разумными. В случае необходимости Соединенные Штаты могли бы разрушить Москву так же, как они испепелили Хиросиму и Нагасаки, но вместо того, чтобы сбрасывать бомбу с самолета с высоты 7 км, это можно было бы сделать с расстояния в 1600 км, не подвергая себя опасности. Разве коммунисты не поступили бы так же с Соединенными Штатами, будь у них такая возможность?

Другие статьи в выпуске «Кольерс» от 22 марта 1952 года дополняли космическую тему деталями. Статья «Станция в космосе» Вилли Лея описывала подробности конструкции станции и жизни на ней. В статье «Открытые небеса» Фред Уиппл объяснял,

каких успехов может достичь астрономия, используя обсерваторию в космосе. Статья «По эту сторону бесконечности» Джозефа Каплана рассказывала, что было известно об области пространства, расположенной между земной поверхностью и космосом. Вопрос «Можем ли мы выжить в космосе?» получал утвердительный ответ в статье под таким же названием, написанной Хайнцем Хабером. Оскар Шахтер в своей статье спрашивал: «Кому принадлежит космос?» — и отвечал, что этот юридический вопрос пока открыт. Был еще раздел вопросов и ответов «Космическая викторина». В нем Вернеру фон Брауну принадлежало первое и последнее слово. Заканчивался он таким диалогом:

Вопрос: Есть ли у Советской России какие-либо преимущества в гонке за первенство в космосе?

Фон Браун: Пока известно только одно преимущество. Благодаря тому, что страна так огромна и скрыта за железным занавесом, сохранять в тайне начальные фазы космической программы гораздо легче в Советском Союзе, чем в западном мире... Преимущество в соревновании останется за нами, если мы поторопимся.

Что делало статьи в «Кольерс», и фон Браун в особенности, такими убедительными, так это количественные данные, представленные авторами. Вычисления являются важной составной частью научной работы, и приводимые авторами цифры придавали умозрительным рассуждениям убедительность научного факта. Выводы, сделанные на основе законов физики, не могли быть подвергнуты сомнению. Оценки же стоимости, сделанные фон Брауном, были произвольными. Он оценивал полную стоимость запуска

космической станции, включая в ее проектирование постройку ракетного флота и заводов для производства топлива, приблизительно в 4 миллиарда долларов. Он считал, что при постановке производства космических кораблей на поток стоимость каждого из них упадет до 1 миллиона долларов, что в начале 1950-х годов приблизительно равнялось стоимости большого авиалайнера. Правда, при этом было неясно, имелся ли в виду весь корабль или только третья ступень.

Своим номером от 22 марта 1952 года журнал «Кольерс» сделал заявку на роль авторитетного источника новейшей информации о космических исследованиях. Многие читатели журнала с энтузиазмом восприняли первую публикацию о космосе, и «Кольерс» подготовил целую серию выпусков, посвященных этой теме.

Второй «космический» выпуск «Кольерс» вышел 18 октября 1952 года. На его обложке было изображение построенного без учета требований аэродинамики космического корабля, опускающегося на поверхность Луны. Текст на обложке гласил: «Человек на Луне: ученые говорят, как можно туда попасть еще при нашей жизни». Центральное место в выпуске принадлежало богато иллюстрированной статье фон Брауна, называвшейся «Человек на Луне: путешествие». Тему дополняли две другие небольшие статьи.

Статья фон Брауна начиналась словами: «Вот как мы полетим на Луну». Это предложение странным образом напоминало строку из стихотворения Томаса Элиота «Полые люди»: «Вот как кончается мир, не взрыв, но всхлип»*. Был ли автором первого предложения фон Браун, или его вставил Корнелиус Райан, споря с поэтом-пессимистом, но оно выражает полную

* Перевод А. Сергеева. — *Прим. перев.*

уверенность в успехе, в нем нет и намека на «если». Кто, читая эти слова в 1952 году, когда такое путешествие было лишь мечтой, не захотел бы полететь на Луну?

Экспедиция на Луну начинается на высоте 1720 км над Землей с орбиты космической станции. Ракеты доставляют с Земли изготовленные заранее компоненты, из которых собираются три лунных корабля. Они довольно громоздкие — 48,7 м в длину и 37 м в ширину — и представляют собой открытые строительные леса, на которые навешиваются помещения для команды, топливные баки и ракетные двигатели. В двух кораблях размещаются команды по 20 человек каждая. Команда третьего грузового корабля составляет только 10 человек. Корабли не имеют обтекаемой формы, в этом нет необходимости, так как на их пути не будет создающей трение атмосферы.

Путешествие начнется, когда будут включены на несколько минут ракетные двигатели, чтобы увеличить скорость кораблей относительно Земли на 5856 км/час. (Скорость их на орбите вокруг Земли составляет, как и скорость станции, 15 840 миль в час.) Этого относительно небольшого увеличения скорости достаточно, чтобы корабли покинули орбиту и направились в сторону Луны. После пяти дней пути корабли приближаются к цели. Автоматическая система включает двигатели, которые медленно опускают три корабля на поверхность Луны (посадка лунного корабля слишком сложна, чтобы ее можно было доверить человеку). Паучьи ноги корабля касаются мягкого вулканического грунта. Экспедиция прилунилась, и начинается исследование.

Читая статью фон Брауна, интересно отметить расхождения между предсказаниями 1952 года и реальным полетом «Аполлона-11» спустя 17 лет. Во-первых,

во введении к статье говорилось, что путешествие к Луне не будет простым безостановочным полетом с Земли. Для этого потребовался бы слишком большой и дорогой ракетный корабль. На самом деле в качестве корабля была выбрана именно многоступенчатая ракета, потому что это был самый простой и дешевый вариант. Во-вторых, экспедиции программы «Аполлон» использовали относительно небольшие лунные модули с экипажем из двух человек. Помимо снижения стоимости, такой подход уменьшал риск для людей. В-третьих, посадкой на лунную поверхность вручную управляли пилоты-астронавты. Быстрота их реакции и способность оценить ситуацию оказались необходимыми, чтобы провести корабли, избегая опасных валунов и небольших кратеров.

Через неделю после появления выпуска «Кольерс» с «Человеком на Луне» новый выпуск от 25 октября поместил статью фон Брауна «Исследование Луны».

После посадки команды разгружают продовольствие и оборудование с грузового корабля. Груз включает три вездехода для исследования поверхности Луны на больших расстояниях от места посадки. Грузовой отсек состоит из двух продольных частей, которые после разгрузки разделяются и закапываются. Одна половина превращается в лабораторию, другая в жилище. Лунная почва над ними дает защиту от метеоритов и радиации. После шести недель исследования лунной поверхности команды готовятся к возвращению на Землю. На каждый из двух пассажирских кораблей поднимаются по 25 человек для полета обратно. Грузовой корабль и все, что он вез, оставляются.

Первые три выпуска космической серии «Кольерс» были встречены с энтузиазмом не только подписчиками, но и корпорацией «Парамаунт пикчерз» в Гол-

ливуде. В конце ноября 1952 года у студии был сценарий, который фон Браун оценил как «подходящий в качестве основы для дальнейшего обсуждения». Фон Браун встречался с руководством «Парамаунт» и собирался привлечь Вилли Лея в качестве технического консультанта будущего фильма. Однако первая попытка участия фон Брауна в создании кинофильма оказалась неудачной. Права на статьи об исследовании космоса принадлежали «Кольерс», и журнал хотел продать все права, включая право на перепечатку статей и на создание фильма, в одном пакете. Студия потеряла интерес, и фильм, основанный на статьях в «Кольерс», никогда не появился.

После публикации трех первых выпусков о космосе «Кольерс» был засыпан вопросами, касавшимися человеческого фактора в исследовании космоса. Читатели хотели знать, как будут отбираться и готовиться команды космических кораблей. Журнал ответил еще тремя выпусками, освещавшими тему под общей рубрикой «Выживание человека в космосе». Материалы были представлены всеми авторами самой первой подборки, но писал в основном Корнелиус Райан.

Выпуск от 28 февраля 1953 года содержал статью, называвшуюся «Выбираются мужчины». В нем признавалось, что женщины «могут быть приняты на некоторые должности в команды космических кораблей», но не в качестве пилотов. В статье уделялось много места, включая фотографию на обложке, высотному костюму, разработанному для Военно-морского флота.

В выпуске от 7 марта 1953 года появилась статья, содержание которой было в сжатой форме изложено в ее заглавии «Испытываются мужчины». В статье, после многословного описания режима испытаний, следовал раздел, обосновывавший ограничения на

участие женщин в космических полетах. В нем утверждалось, что «женщины не будут участвовать в межпланетных путешествиях, где в течение долгого времени невозможно уединение. Поэтому они будут проходить испытания отдельно и по сокращенной программе в рамках подготовки к непродолжительным полетам, в которых они будут участвовать». Социальные и культурные предубеждения были неотъемлемой частью планирования.

В выпуске от 14 марта 1953 года была помещена статья, озаглавленная «Авария!». В ней ставился вопрос: «Что будет, если в космосе случится несчастье? Сумеет ли команда корабля, движущегося со скоростью 24 000 км/час, покинуть его или посадить в случае серьезной неисправности?» Утвердительный ответ, данный в статье, порождает чувство горечи у каждого, кто видел, как 33 года спустя погиб «Челленджер». Авторы статьи, с фон Брауном во главе, описывали индивидуальные катапульты для каждого из членов команды, которые позволят им благополучно спуститься на Землю с помощью парашюта. Катапульты могли бы и не помочь, но они дали бы шанс экипажу «Челленджера».

Седьмой выпуск «Кольерс» на космическую тему вышел 27 июня 1953 года. На его обложке был изображен конусообразный спутник на орбите, а под ним — слева Нью-Йорк, а справа мыс Код в штате Массачусетс. Статья Вернера фон Брауна и Корнелиуса Райана, помещенная в этом номере, называлась «Маленькая космическая станция». В ней описывался небольшой спутник, обращающийся вокруг Земли по орбите с высотой 320 км и периодом обращения 91 минута. Спутник собирает данные о космическом излучении, метеоритной пыли и невесомости. Его пассажирами являются три макаки-резуса, заменя-

ющие человека в этом первом продолжительном пребывании в космосе. После приблизительно 60 дней на орбите трение в верхних слоях атмосферы замедляет спутник, и он сходит с орбиты. Обезьяны получают дозу смертельного газа, прежде чем спутник сгорает при входе в плотные слои атмосферы.

Маленькая космическая станция могла быть запущена на орбиту в сравнительно короткие сроки и за сравнительно небольшие деньги и принести большую отдачу в виде технической информации. Фон Браун рассматривал ее как первый шаг в осуществлении проекта космической станции, который, по его предсказанию, мог быть завершен за пять-семь лет. Ученый был готов приступить к делу.

Восьмой, последний выпуск «Кольерс», посвященный космическим полетам, вышел 30 апреля 1954 года и представлял собой достойное завершение серии. Иллюстрация на обложке изображала восемь космических кораблей, похожих по конструкции на представленный полтора года назад лунный корабль, которые приближались к красной планете. Над иллюстрацией были помещены вопросы: «Можем ли мы попасть на Марс?» и «Есть ли жизнь на Марсе?»

Сначала Фред Уиппл в небольшой статье обратился к вопросу о жизни на Марсе. Он завершил свой анализ словами: «Есть только один способ точно узнать, что есть на Марсе — отправиться туда».

В статье «Можем ли мы попасть на Марс?» Вернер фон Браун и Корнелиус Райан сделали вывод, что путешествие на Марс неизбежно, но они предсказывали, что в течение ближайшего столетия это путешествие не состоится. Тогда зачем же планировать его сейчас? А почему бы и нет? Это дерзкая цель, она разжигает воображение, заставляет размышлять о космосе и способствует продаже журналов.

Фон Браун ранее уже описал марсианскую экспедицию и математически продемонстрировал ее возможность в книге «Марсианский проект», изданной в 1952 году в Германии и в 1953 году в США. Сотрудничество с Корнелиусом Райаном и великолепные иллюстрации сделали статью в «Кольерс» о путешествии на Марс доступной и захватывающей для неспециалистов.

Прежде чем отправиться на Марс, флот из десяти кораблей, каждый из которых весит около 4000 т, собирается на орбите вокруг Земли. Семь кораблей являются грузовыми и пассажирскими. Они понесут запасы пищи и снаряжения для 70 человек, участвующих в экспедиции. Три корабля предназначены специально для посадки и будут окончательно собраны после перелета к Марсу.

Путешествие начинается, когда корабли включают ракетные двигатели и увеличивают скорость, чтобы покинуть орбиту вокруг Земли и выйти на траекторию, которая через 568 миллионов километров приведет их к Марсу.

После восьми месяцев полета корабли опять включают двигатели, на этот раз чтобы уменьшить скорость и выйти на орбиту с высотой 960 км над поверхностью Марса. Затем исследователи собирают свой первый посадочный аппарат, который оказывается огромным планером со скошенными назад крыльями, а ширина его в пять раз превышает длину. В 1954 году полагали, что марсианская атмосфера является достаточно плотной, чтобы поддерживать летательный аппарат подобной конструкции. Передовая группа летит на первом аппарате к месту посадки, расположенному на покрытой снегом полярной шапке планеты. По предположениям исследователей, это единственная область, где поверхность достаточно

ровная для посадки. Команда разгружает запасы и тягачи, на которых она отправляется за 6400 км в сторону экватора. Затем передовая группа готовит посадочную полосу для аппаратов с крыльями меньших размеров, на которых спустятся на марсианскую поверхность остальные члены команды вместе с дополнительными запасами.

Команда из 70 человек проведет на Марсе 15 месяцев, исследуя поверхность планеты и проводя эксперименты. Когда расположение Земли и Марса на их орбитах окажется благоприятным для обратного путешествия, два посадочных аппарата будут подготовлены для взлета. Их крылья, являющиеся теперь лишним грузом, снимаются, а фюзеляжи ставятся на хвост. Ракетные двигатели поднимают аппараты и их команды на орбиту вокруг Марса, откуда они направляются домой. Аппарат, опустившийся на полярную шапку, и большая часть оборудования остаются на Марсе.

После публикации в «Кольерс» статьи Вернера фон Брауна были переизданы в расширенном книжном варианте. Книга «За космический рубеж», основанная на первых статьях в «Кольерс» и вышедшая под редакцией Корнелиуса Райана, появилась в книжных магазинах в сентябре 1952 года. Книга «Завоевание Луны», основанная на двух выпусках, рассказывавших об исследовании Луны, также редактировалась Райаном и вышла годом позже. Вилли Лей и Вернер фон Браун дополнили последние статьи серии, превратив их в книгу «Исследование Марса», опубликованную в 1956 году. После публикации статей в «Кольерс» и их переиздания в более долговечной форме, в виде книг, Вернер фон Браун стал для общественного мнения видным авторитетом в области

исследования космоса. Однако он понимал разницу между планами космических полетов и наличием ресурсов для их осуществления.

Работая над статьями для «Кольерс», Вернер фон Браун по-прежнему числился в платежных списках армии в качестве руководителя Отдела разработки управляемых снарядов в Редстоунском арсенале, и он отработывал свое жалованье. За это время его группа разработала баллистическую ракету «Редстоун». Хотя эту ракету называли «Фау-2» второго поколения, в ее конструкцию было внесено много усовершенствований. Она была сделана из алюминия, и ее топливные баки были частью общей монолитной конструкции, так что их стенки были внешними стенками ракеты. У ракеты «Редстоун» была совершенно новая внутренняя система управления, и, разумеется, она могла нести ядерную боеголовку.

Первая ракета «Редстоун» была запущена с мыса Канаверал 20 августа 1953 года. Однако потребовались еще годы, чтобы завершить испытания и довести ее до рабочего состояния. Сама ракета была простой по сравнению с условиями обеспечения ее боеготовности. Обслуживать ее должна была ракетная группа полевой артиллерии численностью 600 человек, в распоряжении которой было большое количество транспортных средств и передвижная фабрика по производству жидкого кислорода.

Я придумал прогулку на Луну и попросил Вернера фон Брауна помочь мне спланировать ее. Конечно, мы летали на Луну задолго до спутника. Уже потом появился спутник, а потом наша большая космическая программа.

Уолт Дисней

В начале 1950-х годов Уолт Дисней, работавший себе имя и состояние благодаря тому, что поднял мультфильмы до уровня художественных полнометражных фильмов, задумал то, что он называл парком отдыха. Он хотел создать место, где дети могли бы развлекаться вместе с родителями, во многом напомилавшее сад Тиволи в Копенгагене, который произвел на него большое впечатление.

Брат и партнер Уолта Рой, управляющий делами «Уолт Дисней компани», считал, что идея парка отдыха приведет к катастрофе, и не допустил финансового участия компании в ее реализации. Уолт, будучи уверенным в своей правоте, учредил новую компанию «УЭД Энтерпрайзиз» (в соответствии с инициалами Уолтер Элиас Дисней). Он вложил большую часть

личных средств в планирование, но не смог привлечь инвесторов, в которых он нуждался, чтобы претворить план «Диснейленда» в жизнь.

Тогда Дисней решил начать сотрудничество с молодым и быстро растущим телевидением. В то время, по молчаливому согласию, ни одна студия не давала разрешения на показ своих фильмов по телевидению. Дисней предложил создать ряд программ специально для телевидения, а не для показа в кинотеатрах, в обмен на финансовую поддержку своего парка отдыха. Идея понравилась брату Уолта Рою, и они вместе стали работать над проектом.

Весной 1953 года Дисней достиг соглашения с Американской радиовещательной компанией «Эй-би-си», тогда самой меньшей из трех телевизионных сетей, по которому «Эй-би-си» выделяла 250 тысяч долларов наличными и гарантировала займы до 4500 тысяч долларов. Строительство Диснейленда началось летом 1954 года, когда бульдозеры стали выкорчевывать апельсиновые деревья на участке более 600 м² в Анахайме, в Калифорнии.

Начиная сотрудничество с телевидением, Дисней не думал о художественной стороне, но он хорошо осознавал большие возможности нового средства массовой информации в области рекламы. Поэтому одним из первых проектов Диснея на «Эй-би-си» была часовая передача, выходившая по воскресным вечерам и называвшаяся «Диснейленд». Это была реклама парка под тем же названием и других проектов Диснея, длившаяся в течение часа лучшего телевизионного времени. Поскольку телекомпания выступала инвестором парка, она была рада получить эту программу.

Первый выпуск программы «Диснейленд» 27 октября 1954 года описывал аттракционы парка в Анахай-

ме. Второй выпуск рассказывал о работе над фильмом Диснея «20 000 лье под водой», показ которого вскоре должен был начаться в кинотеатрах.

В своем парке Дисней выделил участки, которые назвал «Фэнтэзиленд» («Страна фантазии»), «Фронтирленд» («Страна пограничья»), «Адвенчерленд» («Страна приключений») и «Туморроуленд» («Страна будущего»). Первые три из них были населены персонажами из фильмов Диснея. «Туморроуленд», однако, была неисследованной территорией. Дисней попросил одного из своих ведущих художников-мультипликаторов и режиссеров Уорда Кимбалла создать программу, посвященную «стране будущего», и заодно предложить идеи для парка.

Кимбалл работал с Диснеем с 1934 года над классическими теперь мультфильмами «Белоснежка и семь гномов», «Пиноккио» и «Фантазия». Он не был футуристом, но следил за публикациями в «Кольерс» о космосе и полагал, что ракеты и исследование космоса могли бы представить картину будущего, способную увлечь Диснея. Семнадцатого апреля 1954 года Кимбалл показал Диснею эскизы и сценарий телевизионного фильма на тему исследования космоса. Дисней был в восторге. Обычно прижимистый, он протянул Кимбаллу чистый лист бумаги со словами: «Напишите сами, сколько вам нужно».

Пользуясь случаем, Кимбалл сделал три одночасовых телевизионных программы общей стоимостью один миллион долларов — беспрецедентная сумма для затрат на телепрограммы в 1950-е годы.

Дисней требовал, чтобы его программа о «стране будущего» основывалась на научных фактах, а не на фантастике.

Имея под рукой номера «Кольерс» со статьями о космосе, Кимбалл знал, к кому он может обратиться

за помощью. Сначала он пригласил Вилли Лея. Своими энциклопедическими познаниями и увлекательным стилем изложения Лей произвел сильное впечатление на Кимбалла и его группу. Затем Кимбалл предложил стать консультантами физиологу Хайнцу Хаберу и конструктору ракет Вернеру фон Брауну. Оба дали согласие, и теперь команда была в полном составе.

Расстояние не было проблемой для фон Брауна, который постоянно ездил из Хантсвилла в Лос-Анджелес для консультаций с подрядчиками по постройке ракет «Редстоун» и «Юпитер». Днем он занимался делами армии, а, освободившись, шел в студию Диснея, где его ждала ночная смена. По рассказам, Дисней назначил очень красивую женщину-художника из своей группы готовить кофе, подавать печенье и включать записи классической музыки на магнитофоне. Обстановка для работы была идеальной.

Подход фон Брауна к научным фактам, которых требовал Дисней, был творческим и, одновременно, количественным. Он делал эскизы конструкций космических кораблей и спутников и рассчитывал их размеры. Дисней хотел, чтобы модели космических аппаратов были точными, и фон Браун предоставил изготовителям моделей техническую информацию, начиная со способов заправки топливом на орбите и до приготовления пищи в условиях невесомости.

Работа часто шла до поздней ночи. Однажды после долгого рабочего дня в студии Диснея один из сценаристов, занятых в проекте «Туморроуленд», Чарльз Шоуз, предложил подвезти фон Брауна до его отеля. Фон Браун согласился. По дороге они разговорились. Как обычно, говорил в основном фон Браун: о своем увлечении космическими полетами, о работе на

нацистов во время войны и о жизни в Соединенных Штатах. Шоуз спросил фон Брауна, было ли в Америке что-то, что ему не нравилось.

— Да, — резко ответил фон Браун. — Мне не нравится, что со мной обращаются как с иностранным шпионом. Куда бы я ни шел, за мной следит ФБР. Я не могу даже пойти в ванную без хвоста из ФБР.

Пораженный Шоуз молчал.

Фон Браун сказал:

— Посмотрите назад.

Шоуз оглянулся.

— Вон та машина следует за нами с тех пор, как мы отъехали от студии. Это люди из ФБР, они здесь везде. Мой телефон прослушивается, и ФБР читает мою почту внимательнее, чем я сам. Я надеюсь, однажды они станут доверять мне и оставят меня в покое.

Фон Браун мог ошибаться в отношении того, кто следил за ним, и воспоминания Шоуза о том, что фон Браун винил в этом ФБР, могли быть неточны, но ученый действительно был под постоянным наблюдением. Хотя ФБР и собрало обширное досье на фон Брауна, в основном оно касалось проверки благонадежности и его личной безопасности; в нем не было упоминаний о наблюдении за фон Брауном, прослушивании его телефона или чтении его почты. С другой стороны, материалы армейской разведки содержат многочисленные упоминания о наблюдении за фон Брауном и проверке его корреспонденции. Похоже, что военные, на которых работал фон Браун, не верили ему. Впрочем, он знал способы найти уединение.

На Чарльза Шоуза физическая энергия фон Брауна произвела столь же сильное впечатление, как и его техническая одаренность. Он писал:

Бывало, он 12 часов непрерывно работал в студии, затем брал такси из Голливуда до Лонг-Бич, найдя примерно в 50 милях* отсюда. Там он брал напрокат катер и гнал его 22 мили до острова Каталины. Всю ночь фон Браун нырял там без акваланга, затем на рассвете вел катер обратно в Лонг-Бич. Он ехал на такси в отель, принимал душ и возвращался в студию, где опять целый день работал над космическими проектами.

Можно себе представить, как доволен был фон Браун, когда садился в лодку и исчезал в темноте, окутывавшей океан, оставив команду наблюдателей стоять на пирсе. Можно себе представить, как приятно ему было плавать среди водорослей в глубине прозрачных вод у острова Санта-Каталины, где никто не мог следить за ним.

Когда многочисленные идеи были воплощены в материал программ, первоначальная концепция шоу «Ракеты и космос» превратилась в два шоу, называвшихся «Человек в космосе» и «Человек и Луна». Потом группа Диснея добавила третий фильм «Марс и другие».

Здесь необходимо уточнить терминологию. Говоря «Человек в космосе», Дисней и фон Браун имели в виду «Мужчина в космосе». Работой женщины в начале 1950-х годов, если она работала, было готовить кофе, подавать печенье и включать музыку для создания необходимых условий для мужчин, которые занимались настоящим делом. Место женщин было дома. Так проводили свое время, воспитывая детей, Лилиан Дисней и Мария фон Браун. Место женщин было дома, где они должны были терпеливо и стойко ждать своих мужей, отправлявшихся навстречу самым захватывающим приключениям XX столетия.

* 50 миль = 80 км, 22 мили = 35 км. — *Прим. ред.*

За несколько месяцев со дня первого показа «Диснейленд» стала самой популярной передачей на телевидении. Поэтому 9 марта 1955 года, когда появился сюжет «Человек в космосе», десятки миллионов американцев уселись перед двенадцатидюймовыми черно-белыми экранами, чтобы получить недельный рацион развлечений.

И вот на экране появляется Уолт Дисней, представляющий программу. «Задачей сегодняшнего вечернего шоу, — говорит он, — является объединение средств нашей профессии с научными знаниями с целью представить планы нового смелого шага, предпринимаемого человечеством». По ходу действия Дисней представляет Уорда Кимбалла, режиссера программы, который, в свою очередь, представляет замечательных знатоков космоса Вилли Лея, Хайнца Хабера и Вернера фон Брауна. Остальная часть программы приобретает ярко выраженный немецкий акцент, когда они начинают объяснять, иногда с помощью мультфильмов, как человек завоюет космос.

Начинает Вилли Лей, рассказывающий об истории ракетостроения. Затем Хайнц Хабер обсуждает физические проблемы, с которыми человек столкнется в космосе, например, невесомость. Когда наступает очередь фон Брауна, он берет командование в свои руки. Он говорит уверенным голосом. Его английский четок, а легкий немецкий акцент звучит на удивление мелодично для американского уха. Он излагает свои планы полета человека в космос: «Если бы мы начали работу сейчас, следуя организованной, хорошо финансируемой программе, полагаю, что практичная пассажирская ракета могла бы быть построена и испытана в течение десяти лет». Затем, давая всем понять, что он является ведущим в мире авторитетом по ракетам и исследованию космоса, фон Браун

переходит к деталям: «Теперь я покажу свой проект четырехступенчатого орбитального ракетного корабля».

Ракета Диснея — фон Брауна похожа по конструкции на ракету из журнала «Кольерс», хотя есть несколько существенных отличий. В статьях в «Кольерс» предлагалась трехступенчатая ракета, но, чтобы избежать возможных проблем с нарушением прав на использование материалов статей, фон Браун и Дисней добавили ненужную четвертую ступень. Кроме того, первая ступень носителя снабжена широкими стабилизаторами, а у четвертой ступени, которая возвратит пассажиров на Землю, имеется широкое дельтообразное крыло.

«Вначале, — говорит Вернер фон Браун, — мы бы спроектировали и построили четвертую ступень, а затем подняли бы ее в воздух на буксире, чтобы испытать ее способность к планированию. Это та часть, которая должна в конечном итоге безопасно доставить людей на Землю».

Программу завершают художники-мультипликаторы Диснея. Диктор описывает место действия, небольшой коралловый атолл в Тихом океане, где люди посвятили себя одному делу — завоеванию космоса. На фоне предрассветного неба видна освещенная прожекторами четырехступенчатая ракета, готовая к пуску. Предупреждающий вой сирен. Специалисты за пультами, отсчет последних секунд перед зажиганием (сцена, ставшая привычной в 1960–1970-е годы). Диктор продолжает: «Теперь человек вступает в рискованный спор с неизведанными опасностями космоса». Сообщалось, что почти 100 миллионов человек смотрели «Человека в космосе» во время первой трансляции программы, хотя более умеренная оценка составляла 42 миллиона. Те, кто пропустил передачу

или хотел вновь посмотреть ее, получили еще один шанс во время повтора 15 июня 1955 года.

Воздействие первого показа «Человека в космосе» на зрителей можно проиллюстрировать часто повторяемой историей. Согласно ей, утром после демонстрации «Человека в космосе» по национальному телевидению Уолту Диснею позвонил президент Эйзенхауэр, который поздравил его с удачным шоу и попросил копию пленки с передачей. Президент хотел показать «надутым генералам из Пентагона», что и как они должны планировать в отношении космоса. Была такая просьба или нет, но Эйзенхауэр действительно проявлял некоторый интерес к исследованию космоса, хотя и ограниченный определенными рамками. Двадцать девятого июля 1955 года он объявил, что Соединенные Штаты запустят искусственный спутник Земли во время Международного геофизического года, который должен был начаться в июле 1957 года (см. главу 8).

Вскоре после того, как Эйзенхауэр объявил о намерении запустить спутник, Уорд Кимбалл написал фон Брауну, что Дисней собирается разрекламировать вторую передачу «Диснейленд», посвященную космосу, объявив, что первая передача из этой серии подтолкнула президента к принятию этого решения. Фон Браун был в ужасе. «Ради Бога, не говорите, что это шоу вызвало заявление президента». Он мог себе представить, как недовольство Эйзенхауэра будет передаваться вниз по инстанциям, пока не ляжет тяжким грузом на его плечи.

Весть о программе «Человек в космосе» дошла и до Советского Союза, где ее по телевидению не показывали. Профессор Леонид Седов, впоследствии ставший председателем советской комиссии по космическим полетам, обратился к Фредерику Дюранту,

президенту Международной астронавтической федерации, с просьбой помочь достать копию фильма. Он писал: «Если студия Дисней снабдит нас копией этого фильма на любых условиях, это будет существенно способствовать развитию наших контактов». Вряд ли пожелание Седова было исполнено, поскольку кинокомпания Дисней всегда ревниво оберегала свои творения и поскольку сам Уолт Дисней был ярким антикоммунистом.

Вторая передача программы «Диснейленд» о космосе — «Человек и Луна» — вышла на телеэкраны 28 декабря 1955 года. В ней фон Браун представил свой план полета до Луны в два этапа. Первым этапом было строительство орбитальной космической станции, а вторым — полет до Луны и обратно.

Члены команды (термин «астронавт» тогда еще не прижился) работают в космосе в «костюмах-бутылках» конструкции фон Брауна. Это маленькие, на одного человека, космические аппараты с семью манипуляторами, предназначенными для сборки станции. Космическая станция Дисней — фон Брауна имеет ту же форму, что и станция, описанная в журнале «Кольерс» три года назад, и движется по такой же орбите.

«Наша космическая станция, — сообщил фон Браун миллионам телезрителей, — будет иметь форму колеса размером 76 м в поперечнике. Вдоль внешнего обода колеса будут располагаться жилые и рабочие помещения для 50 человек. Прямо под радиоантенной находится атомный реактор. Он будет приводить в действие турбогенератор, снабжающий станцию электричеством».

После того как космическая станция построена и ее функция промежуточной стадии выполнена, внимание переключается на Луну. Полет на Луну изобраа-

жается пятью актерами с использованием реквизита, придуманного фон Брауном. Во время полета станция сталкивается с метеоритом, и один из членов команды использует «костюм-бутылку», чтобы произвести срочный ремонт. Лунный корабль Диснея — фон Брауна облетает вокруг Луны, но не делает посадки. Никто не знает, можно ли найти подходящее место для посадки, если поверхность Луны покрыта скалами и валунами или же космической пылью, которая, подобно зыбучим пескам, поглотит корабль. Притяжение Луны разворачивает корабль, и он возвращается на Землю.

Третья передача из серии, посвященной исследованию космоса, которая называлась «Марс и другие», состоялась 4 декабря 1957 года. Ее техническими советниками были Вернер фон Браун, Эрл Слайфер, астроном из обсерватории имени Лоуэлла в Аризоне, и Эрнст Штулингер, сотрудник из группы фон Брауна в Хантсвилле. С одобрения Уолта Диснея фон Браун рассказал телезрителям о воображаемом путешествии к «красной» планете на кораблях с совершенно новыми и необычайно эффективными атомными двигателями. Штулингер был специалистом по этим еще не построенным двигателям. В передаче «Марс и другие» использовалась, как обычно у Диснея, мультипликация в сочетании с моделями космических аппаратов.

В сопровождение объяснений фон Брауна и Штулингера было показано, как на околоземной орбите происходит сборка шести похожих на зонтики кораблей. На некоторых из них размещаются аппараты для посадки и для исследования марсианской поверхности. Путешествие на Марс и обратно занимает тринадцать месяцев и шесть дней, что существенно лучше шестнадцати месяцев, которые требовались для

экспедиции, предложенной фон Брауном в журнале «Кольерс» четырьмя годами ранее.

«Диснейленд» распахнул свои двери в воскресенье 17 июля 1955 года, через год и один день после начала строительства. Дисней пригласил на открытие 11 тысяч человек, а пришло 28 154. Это случилось из-за подделки пригласительных билетов. Многие аттракционы были еще не готовы. Телекомпания «Эй-би-си» показала первый день «Диснейленда» тем, у кого не было билетов. Телевизионные знаменитости Арт Линклеттер, Боб Каммингс и Рональд Рейган провели для зрителей импровизированную экскурсию по парку, который одни называли сущим бедствием, а другие — окном в увлекательный мир будущего.

Вернер фон Браун и Уорд Кимбалл внесли основной творческий вклад в создание «Туморроуленда» — «Страны будущего». Ее главной достопримечательностью была ракета высотой 23 м, стоявшая на трех амортизирующих опорах. Ракета имела плавные очертания «Фау-2». Она была ослепительно белой, с красной отделкой, и вверху, у самого носа, имела надпись наклонными буквами TWA. Компания «Всемирные авиалинии» оплатила часть стоимости аттракциона за право представить себя в качестве самой дальновидной авиакомпании в мире.

Аттракцион «Ракета к Луне» занимал здание, расположенное за ракетой TWA. Наружные контуры здания были округлыми и плавными. Это была версия архитектуры будущего, какой она представлялась в 1950-е годы.

Пассажиры «Ракеты к Луне» входят в круглый кинозал, как внутрь большого космического корабля. Вокруг центра пассажирского отделения расположены три концентрических яруса обращенных к центру

кресел. На полу находится экран, показывающий, откуда летит корабль. Вверху, на потолке, другой экран показывает, куда он летит.

Включаются ракетные двигатели, и пламя заполняет экран на полу. Воздушные подушки сидений выпускают воздух, и пассажиры погружаются в них, будто их прижимает сила, связанная с ускорением корабля. Затем экран на полу показывает вид сверху «Туморроуленда», Анахайма, остальной Калифорнии. По мере удаления Земля становится все меньше. На экране вверху синее небо Калифорнии, постепенно темнея, переходит в черноту космоса с редкими светящимися точками звезд. Появляется Луна, которая увеличивается по мере приближения к ней корабля. Во время путешествия диктор рассказывает о Луне и планетах.

Космический корабль не садится на Луну по той же причине, по которой не садился корабль в передаче «Человек и Луна»: неизвестно, возможна ли благополучная посадка. Корабль облетает невидимую сторону Луны и возвращается на Землю. Обратное путешествие проходит быстро, и вот на экране внизу появляется взлетно-посадочная площадка.

Записанный на пленку голос благодарит пассажиров за участие в путешествии и просит не забывать свои вещи при выходе из космического корабля.

«Туморроуленд» со своей ракетой и аттракционом «Ракета к Луне» около пяти лет был единственным космическим портом в стране до тех пор, пока астронавты не взлетели с мыса Канаверал на ракете «Редстоун». Он был также большим подспорьем для тех, кто хотел исследовать космос и полететь на Луну. Каждый день тысячи людей входили в «Ракету к Луне». Скоро число ее пассажиров исчислялось миллионами. Увидев космос в образах, созданных для

них Вернером фон Брауном и Уолтом Диснеем, люди были подготовлены к реальной встрече с ним.

На протяжении всего времени сотрудничества с Диснеем фон Браун оставался гражданским служащим американской армии, он все еще не был гражданином Соединенных Штатов. Он отвечал за разработку ракеты «Редстоун» и других ракет для сухопутных войск. Военные напоминали ему о его положении, дергая время от времени за поводок. Он по-прежнему был под наблюдением. Сам фон Браун рассматривал это как проявление недоверия, но военные беспокоились также, что он может быть похищен, а потом может оказаться по ту сторону «железного занавеса».

В начале 1954 года фон Браун запросил разрешение на участие в пятом конгрессе Международной астронавтической федерации в Инсбруке, в Австрии, в качестве официального представителя артиллерийско-технической службы сухопутных войск. Его запрос, включая обязательства по оплате расходов, был одобрен на низшем уровне, но бригадный генерал Хольджер Тофтой, командовавший Редстоунским арсеналом, отклонил запрос из-за риска для личной безопасности фон Брауна во время путешествия, включавшего остановки в Англии, Германии и Австрии.

Проверки благонадежности также создавали проблемы. Фон Брауна подвергали проверкам начиная с 1947 года, когда он работал на военных в рамках проекта «Пейперклип».

Пятнадцатого октября 1954 года фон Браун обратился за возобновлением допуска на уровне «секретно». Через шесть недель он оказался в кресле для испытания на полиграфе, с датчиками на теле. В отчете об испытании, датированном 3 декабря 1954 года, утверждалось, что реакций, указывавших на ложь,

обнаружено не было. Однако в нем отмечалось также, что тесть фон Брауна, Александр фон Квисторп, все еще был в лагере в руках у коммунистов. Это был намек на то, что фон Браун мог подвергнуться шантажу.

Четырнадцатого апреля 1955 года, вскоре после первого показа сюжета «Человек в космосе» в телешоу «Диснейленд», Вернер фон Браун стал гражданином Соединенных Штатов. Сорок немецких специалистов по ракетам, их жены и дети, всего 103 человека, принесли клятву гражданина США в аудитории Хантсвиллской средней школы. На церемонии присутствовало 1200 человек, и мэр Хантсвилла объявил этот день Днем новых граждан. Обращаясь к новым гражданам Хантсвилла, он сказал: «Я рад, что вы выбрали нас. Никого мы не принимали в наше сообщество с большей радостью». Председатель Совета округа Мэдисон заявил: «Это событие придает нашему сообществу новые жизненные силы».

Во время праздника Вернер фон Браун оставался задумчивым. «Это самый счастливый и самый значительный день в моей жизни, — сказал он. — Сердцем мы давно уже стали гражданами. Я никогда не жалел, что решил приехать в эту страну. Со временем я все яснее вижу, что решение, принятое нами в тот день на Пенемюнде, было верным».

Гонка за первое место в космосе

Президент Эйзенхауэр объявил, что были одобрены планы запусков небольших, обращающихся вокруг Земли спутников, которые должны стать частью вклада Америки в Международный геофизический год.

Почти сразу все пошло не так, как надо.

Вернер фон Браун

До середины 1954 года искусственный спутник Земли появлялся только на страницах журналов или на телеэкране. В конце июня 1954 года Вернер фон Браун включился в реальное планирование запуска небольшого контейнера с научными приборами на орбиту вокруг Земли. Проект был организован и профинансирован правительством Соединенных Штатов.

Первые пробные шаги в направлении космоса были сделаны в Америке военно-морским флотом. В октябре 1945 года, в том же месяце, когда Вернер фон Браун прибыл в Форт-Блисс, ВМФ учредил в рамках своего Бюро по авиации Комитет по оцен-

ке возможности создания космических ракет. Комитет рекомендовал флоту начать разработку спутника для доставки научных приборов на околоземную орбиту, а затем заключил контракт с Лабораторией аэронавтики имени Гуггенхайма Калифорнийского технологического института для оценки основных характеристик ракеты-носителя, размеров спутника и высоты орбиты.

Примерно в то же время Управление военно-морских исследований и Военно-морская исследовательская лаборатория изучали возможность реализации ракетной программы исследований больших высот. В результате этого изучения возник проект «Викинг», и были заключены контракты на постройку двенадцати ракет.

В начале 1946 года Лаборатория аэронавтики представила флоту результаты анализа, которые показывали, что его финансовые, если не технические, возможности не позволяют запустить спутник. Седьмого марта 1946 года флот обратился к авиации сухопутных войск с предложением о сотрудничестве, но получил уклончивый ответ. Представители авиации не сообщили, что они уже заключили контракт на исследование возможности создания искусственного спутника с подразделением авиастроительной компании «Дуглас», носившим название «Рэнд проджект» (позднее превратившимся в «Рэнд корпорэйшн»), и поэтому не собирались сотрудничать с флотом.

Двенадцатого мая 1946 года «Рэнд» представило руководству авиации предложение о запуске спутника весом почти 230 кг с помощью ракеты типа «Фау-2». «Рэнд» также предложило разместить на спутнике приборы для метеорологических исследований, связи и разведки. Стоимость проекта составляла немислимую сумму — 150 миллионов долларов. По-

лучив отказ, «Рэнд» переработало проект и через год вышло с предложением спутника меньших размеров, который мог быть запущен на орбиту за 82 миллиона долларов.

В конце 1947 года министерство обороны в лице Комитета по управляемым снарядам Объединенного совета по исследованиям и разработкам заново рассмотрело возможность реализации предложений военно-морского флота и военно-воздушных сил, созданных на основе авиации сухопутных войск в июле 1947 года. Главный упор в дискуссии был сделан на идею запуска искусственного спутника на орбиту вокруг Земли. Никто не думал о том, что он там будет делать. Для оправдания огромных затрат создание искусственного спутника должно было иметь определенную цель. Заместитель начальника штаба поместил спутники в должную перспективу, заявив, что их следует разработать в надлежащее время. Но у Соединенных Штатов не было ни ракеты, способной выполнить задачу, ни плана ее создания.

Очевидно, ни военно-морской флот, ни недавно созданные военно-воздушные силы не собирались сотрудничать с сухопутными войсками, которые имели в своем распоряжении ведущих в мире специалистов по проектированию, изготовлению и запуску ракет, способных выйти в космос. Чтобы не оказаться вытесненной из области, где у нее был наибольший опыт, артиллерийско-техническая служба сухопутных войск подала в Комитет по управляемым снарядам министерства обороны предложение о продолжении исследований возможности запуска спутника на основе работ группы Вернера фон Брауна.

В конце 1948 года министр обороны Джеймс Форрестал написал в отчете о деятельности своего министерства:

Программа запуска спутника Земли, выполнявшаяся независимо каждым из родов войск, была направлена для координации в Комитет по управляемым снарядам. Для создания объединенной программы и исключения дублирования Комитет рекомендовал ограничить текущие работы в данном направлении исследованиями и проектированием компонент. Четко определенные области таких исследований доведены до каждого из трех военных министерств.

Комментарий Форрестола выглядел осторожным, но обнадеживающим. Однако больше пяти лет ничего не было слышно о создании спутника военными США.

В то время как военные предали программу запуска спутника Земли забвению, Вернер фон Браун отказывался сдаваться. В то же самое время, когда он рисовал картины мирного исследования космоса в своих провидческих статьях в «Кольерс», он написал статью для журнала «Орднанс», которая более точно отражала политический климат «холодной войны». В статье «Превосходство в космосе» Вернер фон Браун показал себя ястребом в противоположность роли голубя в статьях в «Кольерс»:

Атомная бомба могла быть «абсолютным оружием» до сих пор, но долго это не продлится.

Наступило время перевести стратегические бомбардировщики на вторые роли и искать новое «абсолютное оружие», которое не только вернет нам решающее превосходство над красными агрессорами, но и будет менее обременительно для налогоплательщика.

Мы не должны опасаться непреодолимых препятствий на пути совершенствования большой жидкостной ракеты, потому что принципиальные трудности уже побеждены. Где-то на этом пути, на вполне достижимом расстоянии находится многоступенчатый орби-

тальный ракетный корабль, поднимающий команду за пределы стратосферы.

Страна, которая первой запустит такой ракетный корабль, будет обладать, по моему мнению, тем, что является «абсолютным оружием», которое так долго искали.

Кульминацией программы фон Брауна было создание спутника Земли с постоянным экипажем, то есть космической станции:

Первые и очевидные применения такой станции — разведка и наблюдение.

На станции будет иметься усовершенствованное радиолокационное оборудование, которое позволит вести наблюдение сквозь самую густую облачность.

Орбитальная разведывательная станция поднимет «железный занавес»!

Разведка была весьма мягкой мерой по сравнению со следующим предложением фон Брауна:

В случае военных действий станция будет стартовой площадкой для орбитальных снарядов, против которых невозможны контрмеры. Если мы запустим крылатую ракету с атомным зарядом назад, таким образом, что ее тяга уменьшит ее орбитальную скорость на 1712 км/час, то под действием гравитации она станет приближаться к Земле по эллиптической траектории.

Апокалиптическая развязка здесь очевидна сразу, хотя фон Браун описывает спуск ядерного снаряда на Землю в деталях.

Фон Браун признавал, что создание военной космической станции будет крайне трудной задачей. Тем не менее он утверждал, что она могла быть введена

в действие за десять лет с затратами менее 4 миллиардов долларов. Хотя фон Браун был способен к фантастическому предвидению, он был также и реалистом. Он завершал статью рекламой небольшого спутника в качестве средства решения практических задач, возникающих в процессе создания военной космической станции.

Практическое планирование первого в США искусственного спутника началось в июне 1954 года, когда Вернеру фон Брауну позвонил его друг Фредерик Дюрант, в прошлом президент Американского ракетного общества, а в 1954 году президент Международной астронавтической федерации. Дюрант только что имел разговор с человеком из Управления военно-морских исследований, желающим начать строить спутник, и Дюрант спросил, не согласится ли фон Браун поговорить с этим человеком.

Дюрант организовал встречу небольшой группы специалистов, считавших, что время искусственных спутников пришло. Встреча состоялась 25 июня 1954 года в Вашингтоне. Присутствовали Фредерик Дюрант, капитан первого ранга Джордж Гувер из военно-морского флота, бывший инициатором встречи, Александр Сатин, инженер из Управления военно-морских исследований, Фред Сингер, физик из университета Мэриленда, Фред Уиппл, астроном из Гарвардского университета, Дэвид Янг из «Аэроджет-Дженерал корпорэйшн» и Вернер фон Браун. После того как Дюрант представил всех присутствующих, слово взял Джордж Гувер, предложивший послать небольшой спутник на орбиту, используя комбинацию уже существующих ракет.

Участники встречи, верившие в необходимость создания искусственного спутника, быстро набросали

проект ступеней ракеты и спутника. Поскольку Гуввер предлагал использовать имевшиеся в наличии компоненты, конструкция в значительной мере была predetermined. Самой большой ракетой, подходившей на роль первой ступени, была в то время ракета сухопутных войск «Редстоун», созданная группой фон Брауна. Последующие ступени для простоты предполагалось построить, собирая в блоки небольшие твердотопливные ракеты, также из арсенала сухопутных войск. В зависимости от выбора ракет для высших ступеней, можно было бы запустить спутник с весом минимум 2,3 кг, или же 7–9 кг.

Капитан первого ранга Гуввер доложил о проекте начальнику Управления военно-морских исследований, который одобрил концепцию проекта и санкционировал дальнейшие переговоры с группой разработки ракет Редстоунского арсенала. Так появился проект «Орбитер», и, казалось, что кооперация между родами войск поможет, наконец, поднять спутник.

Третьего августа представители флота прибыли в Хантсвилл для встречи с Вернером фон Брауном и Хольджером Тофтоем и для учреждения совместного предприятия флота и сухопутных войск. Фон Брауну и, что было более важно, Тофтою идея понравилась. Тофтой получил одобрение вышестоящих чинов на том условии, что проект спутника не помешает другим ракетным программам армии.

Фон Браун взял оформление предложения по проекту спутника на себя. Его секретный отчет от 15 сентября 1954 года назывался «Малый корабль-спутник на основе компонентов, разработанных артиллерийско-технической службой сухопутных войск». Он оценил затраты сухопутных войск в сумму 100 тысяч долларов. Предложение содержало не только техни-

ческое описание проекта, но и свидетельство возрастающего политического чутья фон Брауна. Он писал:

Запуск искусственного спутника, сколь угодно маленького, был бы научным достижением огромной важности. Поскольку это проект, который при имеющемся опыте создания ракет может быть реализован за несколько лет, логично предположить, что и другие страны могут сделать то же самое. Если мы не сделаем это первыми, это нанесет удар по престижу США (подчеркнуто фон Брауном. — *Прим. авт.*).

Чтобы представить в министерство обороны объединенную программу и увеличить шансы на ее одобрение, сухопутные войска и флот пригласили в январе 1955 года для участия в проекте «Орбитер» также и военно-воздушные силы. Кроме того, в качестве первого шага для получения одобрения министра обороны и президента они представили свои предложения по плану проекта заместителю министра обороны.

В то время как армия и флот Соединенных Штатов планировали запуск спутника, аналогичные планы были у ученых из других стран. Несколько международных научных обществ начали подготовку того, что получило название Международный геофизический год (МГГ). Этот год фактически длился 18 месяцев, с 1 июля 1957 года по 31 декабря 1958 года. В целом в мероприятиях года, посвященных исследованию Земли и Солнца, приняли участие 67 организаций. На заседании специального комитета МГГ 4 октября 1954 года в Риме было рекомендовано обсудить возможность запуска искусственного спутника во время МГГ. Был даже одобрен знак МГГ, появившийся в 1955 году, с изображением спутника на орбите вокруг Земли.

Четырнадцатого марта Национальный комитет Соединенных Штатов по проведению МГТ одобрил концепцию спутника. Министерство обороны приняло во внимание заявления гражданских организаций и создало в мае 1955 года Консультативную группу по изучению возможности запуска спутника.

Двадцать девятого июля 1955 года Национальная академия наук США и Национальный научный фонд объявили, что Соединенные Штаты планируют запустить спутник во время Международного геофизического года, и в тот же день к ним присоединился президент Дуайт Эйзенхауэр, заявивший, что искусственный спутник станет частью американской программы МГТ. На следующий день, 30 июля, Академия наук СССР также объявила о намерении запустить искусственный спутник.

Следует заметить, что различные организации могли давать рекомендации, но лишь у президента Эйзенхауэра были ресурсы и власть, чтобы санкционировать изготовление и запуск спутника.

К этому времени попытка сотрудничества родов войск провалилась, и Консультативная группа по специальным возможностям министерства обороны должна была выбирать из трех систем.

Сухопутные войска предложили концепцию проекта «Орбитер» с ракетой «Редстоун» конструкции фон Брауна в качестве первой ступени и последующими ступенями, выполненными в виде блоков твердотопливных ракет. Фон Браун заверил консультативную группу, что сухопутные войска могут запустить спутник весом 6,8 кг к середине 1956 года.

Военно-морской флот представил проект, для которого требовалась новая ракета, названная «Авангард». Первой ступенью «Авангарда» была усовершенствованная ракета «Викинг», первоначально созданная

для исследования верхних слоев атмосферы. Второй ступенью должна была стать модифицированная ракета-зонд «Аэробихай», а третья представляла собой совершенно новую конструкцию.

Флот заявил, что он может запустить на орбиту спутник весом 18 кг в тех же временных рамках, что и проект «Орбитер».

Чтобы не отставать, военно-воздушные силы подали заявку на запуск большого спутника с помощью своей межконтинентальной баллистической ракеты «Атлас». Однако «Атлас» столкнулся с трудностями в процессе разработки и не рассматривался в качестве серьезного претендента.

Девятого сентября 1955 года Консультативная группа по специальным возможностям вынесла решение, и в то время, как члены группы не давали подробных обоснований своего выбора, в спекуляциях не было недостатка. Президент настаивал, чтобы проект спутника был научным, а не военным. Кто знал, какова будет реакция других стран на полет баллистических снарядов над их территориями, хотя бы и несущих на орбиту безобидный спутник? Это обстоятельство сразу ставило проекты сухопутных войск и военно-воздушных сил в невыгодное положение. Выражалось также пожелание, чтобы спутник был запущен в рамках американского проекта, а не проекта, финансируемого правительством США и выполняемого немецкой группой. Кроме того, были разговоры о том, что проект «Орбитер» представляет собой решение, лишенное элегантности, так как базируется на военном снаряжении, технически эффективном, но имеющем изъяны с эстетической точки зрения. Консультативная группа министерства обороны проголосовала семью голосами против двух за запуск спутника с помощью ракеты «Авангард»

военно-морских сил, а министерство обороны и правительство США одобрили ее рекомендации.

Хотя сухопутные войска не участвовали в программе «Авангард», министерство обороны не исключало их участия в космической инициативе в форме, которую еще предстояло определить. Такое участие имело место, по крайней мере, в области информации и рекламы, например в информационно-образовательном фильме «Космический вызов», показанном 29 февраля 1956 года. В фильме, длившемся 61 минуту, Вернер фон Браун рассказывал о характеристиках современных управляемых снарядов, о проблемах, связанных с достижением их эффективного функционирования, и о вызове, который представляет собой космос в деле дальнейшего развития ракетной техники.

Проиграв в споре за право запуска первого спутника для Соединенных Штатов, сухопутные войска выиграли утешительный приз министерства обороны.

В июле 1955 года группа фон Брауна предложила разработать баллистическую ракету средней дальности (БРСД) с радиусом действия 2400 км, которая могла бы доставлять груз весом 1 т. Предлагалось назвать ее «Юпитер». Хотя в течение нескольких лет военно-воздушные силы уже финансировали разработку межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) «Атлас», ее успешное развертывание еще не было гарантировано, и разработка снаряда с меньшей дальностью группой, уже показавшей свои возможности, выглядело благоразумным. Министерство обороны одобрило программу разработки новой системы, которая могла бы управляться как с земли в сухопутных войсках, так и с палубы корабля на флоте. Для подстраховки министерство одобрило так-

же программу военно-воздушных сил по разработке БРСД «Тор».

Одновременно с получением нового задания Редстоунский арсенал был реорганизован, и группа фон Брауна получила новое, более престижное название. Первого февраля 1956 года в Редстоуне было образовано Управление баллистических ракет сухопутных войск (УБРСВ) под командованием бригадного генерала Джона Медариса. Вернер фон Браун стал директором отдела конструкторских работ УБРСВ и подчинялся теперь Медарису. Бригадный генерал Хольджер Тофтой, который привез фон Брауна в Соединенные Штаты и был все эти годы его руководителем, сохранил командование оставшейся частью Редстоуна, получившей название Управление ракет и управляемых снарядов сухопутных войск.

Хотя первый этап гонки за место в космосе выиграл флот, Вернер фон Браун и его команда не прекратили борьбу. Фон Браун добился важного успеха в июле 1956 года, когда после нескольких лет переговоров ему удалось пригласить в Хантсвилл Германа Оберта. Оберт, один из первых теоретиков космических полетов, был все еще щедр на идеи.

Построенный фон Брауном и его группой «Юпитер» был совершенно новой ракетой с дальностью полета почти 3200 км. Ее длина составляла 18,3 м, диаметр был 2,7 м, а вес составлял около 50 т. Двигатель ракеты развивал тягу 60 т. Для испытания компонентов своей новой ракеты фон Браун и его группа планировали использовать старый надежный «Редстоун». Крайне важным для конструкции «Юпитера» был нос, направленный прямо на цель и не сгоравший при входе в атмосферу. Внешняя поверхность ракеты изготавливалась из абляционного материала, кото-

рый, сгорая, уносил тепло. Для проверки этой концепции фон Браун решил построить дюжину испытательных ракет, названных «Юпитер С».

«Юпитер С» был мало похож на «Юпитер». Он состоял из усовершенствованной ракеты «Редстоун» в качестве первой ступени и последующих ступеней, сделанных из блоков одинаковых твердотопливных ракет. Вторая ступень имела блок из 11 ракет, а третья являлась блоком из трех ракет, помещенных внутрь кольца, образованного ракетами второй ступени. Поверх находилась четвертая ступень — уменьшенная версия носового конуса «Юпитера».

По своей концепции «Юпитер С» был той же ракетой, которую фон Браун предлагал для проекта «Орбитер». Это сходство не ускользнуло от Пентагона. Перед первым запланированным запуском «Юпитера С» бригадному генералу Медарису было приказано лично проверить четвертую ступень, чтобы удостовериться, что в ней нет ракетного топлива. Пентагон не мог позволить фон Брауну и его команде запустить в космос спутник, а потом принести свои извинения.

Первый «Юпитер С» взлетел с мыса Канаверал 20 сентября 1956 года, подняв груз на высоту 1091 км и преодолев расстояние 5440 км. Носовой конус не нашли, но рекорд высоты и дальности держался два года. Программа «Юпитер С» выполнила поставленные задачи уже после запуска трех из запланированных 12 ракет. Остальные ракеты находились на различных стадиях сборки, и бригадный генерал Медарис приказал поместить все компоненты в хранилище. Две ракеты поддерживались в состоянии, близком к готовности, на случай срочной в них необходимости.

Вскоре после первого успешного полета «Юпитера С» министр обороны Чарльз Уилсон решил по-

кончить с междоусобными сражениями своих подчиненных за первенство в создании ракет и, как следствие, за выход в космос. Дублирование программ стоило слишком дорого. Уилсон издал директиву, которая ограничивала область ракетных разработок сухопутных войск ракетами с дальностью не более 320 км. Военно-воздушные силы и военно-морской флот были ответственны за ракеты с большей дальностью — БРСД и МБР.

Военно-воздушные силы, которые разрабатывали свою собственную БРСД «Тор», не очень нуждались в ракете «Юпитер» сухопутных войск. Тем не менее группа фон Брауна завершила разработку «Юпитера» и передала его ВВС для развертывания.

Было развернуто две эскадрильи, по 30 ракет в каждой, одна — в Италии, а вторая — в Восточной Турции.

ВВС послали ракеты с глаз долой и забыли о них, но Советский Союз не мог не видеть, что эти ракеты доставали до его союзников на западе, до Ташкента на Востоке и до Баренцева моря на севере. Сталинград, Москва и даже Ленинград были в пределах их досягаемости.

В соответствии с планом, когда ракеты «Юпитер» были переданы ВВС, сухопутные войска, их управление баллистических ракет и Вернер фон Браун были официально отстранены от космических исследований.

Советский Главный конструктор и спутник

Я предполагаю, что, когда мы, наконец, доберемся до Луны, нам придется пройти через русскую таможню.

Вернер фон Браун

У каждого героя большой драмы должен быть двойник, в сравнении с которым более ярко проявляются его качества. Был такой двойник и у Вернера фон Брауна. Это был человек, который тоже мечтал о постройке ракетных космических кораблей, который проектировал космические ракеты для своей страны и которому помогали в работе немецкие ракетчики, изучившие свое ремесло на службе Третьему рейху. Это была таинственная личность, никому не известная ни в стране, ни за ее пределами. Когда о нем впервые заговорили после запуска первого искусственного спутника Земли, он был известен лишь как Главный конструктор.

В коммунистическом Советском Союзе личность имела ценность лишь в той мере, в какой она вносила вклад в общее дело. Талант, если ему позволено было себя выразить, растворялся в целом как достижение советского народа. Так было, по крайней мере, в теории. Можно сравнить вклад Главного конструктора, который задумал советскую космическую программу и руководил ею, со вкладом Вернера фон Брауна в космическую программу Соединенных Штатов. Этим Главным конструктором был Сергей Павлович Королев.

Задолго до того, как Вернер фон Браун и Сергей Королев сделали космический полет реальностью, и даже до того, как Роберт Годдард и Герман Оберт создали ракеты на жидком топливе и указали путь к звездам, родившийся в Польше русский, Константин Эдуардович Циолковский (1857–1935), заложил основы для космического полета.

Циолковский был школьным учителем математики и физики. В 1883 году он задумался над вопросом, как можно передвигаться в космосе, а через двадцать лет изложил результаты своих размышлений в статье «Исследование мировых пространств ракетными приборами», которую опубликовал в русском журнале «Научное обозрение». В последующих работах он предложил концепцию многоступенчатой ракеты и ракетного двигателя на топливе из жидкого водорода и жидкого кислорода. К сожалению, из-за недостатка средств Циолковский не мог построить ракету. Все его теоретические исследования и предложения были опубликованы на русском языке. Они не переводились и были недоступны за пределами его родной страны. Их никто не читал, кроме других русских, более молодых, таких, как Сергей Королев.

По фотографиям Королева можно судить, что он был плотного телосложения, мускулистым, но не тучным и, несмотря на массивность, подвижным. У него были зачесанные назад темные волосы и округлое лицо с резкими чертами. Можно было найти в нем поверхностное сходство с Вернером фон Брауном, бывшим лишь пятью годами моложе. Те, кто знал его, использовали для характеристики слова, приложимые и к фон Брауну: блестящий, энергичный, вспыльчивый. Как и у фон Брауна, у него в прошлом было то, о чем он не любил говорить: у Королева был свой лагерный опыт.

Биография Сергея Королева, как и значительная часть советской истории, скрыта в тумане махинаций советской политики. Советский Союз создавал мифы, вычеркивая неприятную правду и не упоминая о том, что считал не относящимся к делу. Правда всегда уступала место целесообразной выдумке. Так обстоит дело и с биографией Королева. Значительная ее часть потеряна, и факты трудно проверить.

Сергей Павлович Королев родился в 1907 году на Украине, там прошла его юность. В Москве он учился профессии авиаконструктора у Андрея Туполева и работал авиаинженером.

В начале 1930-х годов Королев заинтересовался ракетами. Свое знание предмета он продемонстрировал, написав в 1932 году брошюру «Ракетные двигатели», выпущенную военным издательством. Королев был активным участником Группы изучения реактивного движения (ГИРД) — советского эквивалента немецкого «Общества космических путешествий» и группы «Ракетодром». По рассказам, он был фактическим лидером ГИРД. Королев убедил маршала Тухачевского в перспективности ракетного оружия и получил его поддержку, в частности, для создания испытательного

полигона под Москвой. Там и была успешно запущена первая в Советском Союзе ракета на жидком топливе, весившая 17 кг и достигшая высоты 400 м.

Тридцать первого октября 1933 года произошло объединение ГИРД с работавшей в Ленинграде Газодинамической лабораторией, и на их базе начал работать Реактивный научно-исследовательский институт. Девятого ноября 1933 года Сергей Королев стал заместителем директора института. При поддержке военных он начал работу над двумя проектами — ракеты с дальностью полета 48 км и планера, снабженного жидкостным реактивным двигателем.

В 1934 году Королев посетил Константина Циолковского. Перед своей кончиной в 1935 году патриарх советской ракетной науки передал свою мечту о межпланетных полетах молодым людям, таким как Королев, которые имели поддержку правительства и были в состоянии претворить мечту в реальность.

Удача покинула Королева, когда 10 июня 1937 года был арестован Тухачевский и весь подчинявшийся ему высший командный персонал. Почти все они погибли, за исключением Королева. Королев был отправлен на Колыму. У него остались жена и маленькая дочь, родившаяся в 1935 году. Согласно одному сообщению, его жена поддалась давлению и отказалась от него.

Королев провел год на Колыме, и он погиб бы там, если бы не его учитель Андрей Туполев. Туполев с женой и все его подчиненные были арестованы и отправлены в лагерь, где они должны были продолжать работу. В поисках пополнения для своей группы Туполев разыскал Королева, и тот оказался в «шарашке» под Москвой. Несколько лет он провел там, а потом, когда немцы напали на Советский Союз, вместе с Туполевым и его группой был переведен в

Омск. Оттуда Королев был послан в спецлагерь № 4 (месторасположение неизвестно), где работал над реактивными двигателями для самолетов и над ракетными бомбами.

В 1945 году Королев был награжден орденом Знак Почета за участие в разработке и испытаниях реактивных двигателей для военных самолетов. Он был выпущен на свободу, хотя, по-видимому, находился под наблюдением.

Освобождение Королева было связано с окончанием войны. После поражения Третьего рейха в Германии было полно военно-технического оборудования, которое победители жадно расхватывали в качестве трофеев. При разделе Германии на оккупационные зоны Пенемюнде и первый в мире ракетный завод «Миттельверк» достались Советскому Союзу. Однако все ценное было вывезено с Пенемюнде фон Брауном и его группой при эвакуации ракетного центра предыдущей зимой. Американская армия во время короткой оккупации территории вокруг Нордхаузена награбила на «Миттельверке» около 400 вагонов компонентов ракет, что было достаточно для постройки 100 «Фау-2». Британцам удалось найти несколько нетронутых «Фау-2», и они собирались испытать их с помощью немецкого персонала на артиллерийском полигоне на Северном море вблизи немецкого города Куксхафен в рамках операции под кодовым названием «Бэкфайр». Британцы великодушно пригласили союзников прислать наблюдателей. Советский Союз прислал группу, в которой был Сергей Королев.

Британцы сделали первую попытку запустить «Фау-2» из Куксхафена 2 октября 1945 года, но из-за проблем с зажиганием ракета не взлетела. На следующий день, 3 октября, вторая попытка увенчалась ошеломляющим успехом: ракета с ревом продолжа-

ла полет 4 минуты 50 секунд и упала на землю на 0,8 км влево и 1,6 км не долетев до цели. В этот же день конструктор ракеты Вернер фон Браун прибыл в Форт-Блисс.

Четвертого октября с пусковой площадки в Куксхафене поднялась еще одна ракета «Фау-2». Ее полет, казалось, протекал нормально, но двигатель ракеты проработал только 35 секунд, и она упала на землю, пролетев лишь 24 км.

Сергей Королев прибыл к третьему, последнему, полету «Фау-2» 15 октября. Два советских офицера высокого ранга были допущены к месту запуска, но Королеву британцы в допуске отказали. Его фамилия по каким-то причинам не была включена в список официальных наблюдателей. Королев вынужден был довольствоваться наблюдением с другой стороны ключей проволоки. Когда ракета взлетела, Королев, может быть, увидел на миг, как она поднялась над деревьями и исчезла в низких облаках. Успех запуска был относительным, так как снаряд упал, не долетев до цели около 19 км.

Понимая стратегическую ценность ракет «Фау-2», советское руководство предприняло ряд мер, направленных на изучение немецкого опыта производства ракет. Были определены две цели: восстановление документации, связанной с производством «Фау-2», и возобновление производства снарядов «Фау-2» и их компонентов. Для достижения первой цели был организован Институт Рабе (сокращение от «ракетенбетриб» — ракетное предприятие) в Бляйхероде. Для осуществления второй был заново открыт подземный ракетный завод «Миттельверк» под названием «Центральверк».

У Советского Союза не было трудностей с привлечением к работе немецких специалистов. Американцы

и фон Браун оставили в Германии тысячи квалифицированных людей, не имевших теперь работы и охотно согласившихся на хорошие условия, предложенные им советскими властями. Некоторым американцы предлагали работу в рамках операции «Оверкаст», но они отказались, предпочтя остаться с друзьями и родными в своей разрушенной стране. Наиболее талантливым из таких людей был Хельмут Греттруп, старший инженер из группы фон Брауна на Пенемюнде, который был в свое время вместе с фон Брауном арестован гестапо за якобы имевшие место занятия планами космических полетов в ущерб деятельности по созданию оружия для Третьего рейха.

По-видимому, на высшем уровне и советский, и немецкий персоналы выполняли обязанности, связанные с проектированием ракет в Институте Рабе и их производством на «Центральверке». Весной 1946 года Греттруппу было поручено возглавить «Центральверк». Летом советское руководство попросило его внести предложения по техническому усовершенствованию «Фау-2», что он с коллегами и сделал в середине сентября.

Королев также был направлен на «Центральверк» для координации работ по восстановлению подземного завода, а позднее для переправки оборудования в Советский Союз. Кроме того, он работал в Институте Рабе над усовершенствованным вариантом «Фау-2», известным позднее как К1 или Р-1. Снаряд, разработанный советскими конструкторами с учетом предложений немцев, был удлиненным «Фау-2». Длина его была увеличена на 2,7 м, чтобы можно было установить топливные баки больших размеров, а тяга, создаваемая двигателем, увеличилась с 25 до 39 т. Дальность полета снаряда была увеличена с 320 до 640 км.

Королев и Греттруп неплохо поладили и относились друг к другу с профессиональным уважением. Однако деловые отношения между русскими и немцами становились односторонними. Немцев просили предлагать решения проблем. Русские оценивали эти решения, используя то, что им нравилось. Они старались создать впечатление, что немцы сами руководят своими проектами, но в то время, как Королев и другие советские конструкторы резко изменили направление своих работ, немцы не знали, используются ли их идеи, и не имели понятия о работе русских.

В 1946 году военная разведка США узнала о том, что Советский Союз приглашает бывших сотрудников фон Брауна для работы по проектированию ракет и изготовлению новых снарядов «Фау-2». Разведка попросила фон Брауна, при посредничестве майора Джеймса Хэмилла, дать оценку возможностей персонала, который может работать на русских. Отчет Хэмилла характеризует его осведомленность о том, что происходило в советской зоне Германии, а также то, как фон Браун оценивал своих бывших сотрудников.

Нет сомнения, что основная часть наиболее способных сотрудников группы Пенемюнде сейчас находится в Соединенных Штатах. Однако есть также очень хорошие специалисты, работающие на русских. По мнению профессора фон Брауна, два наиболее способных из них — это дипломированный инженер Хельмут Греттруп и инженер Мартин. Эти два человека, в соответствии с имеющейся информацией, возглавляют русский проект — новые разработки (Греттруп) и производство А-4 в Нордхаузене (Мартин). (Более поздние отчеты отдают Греттрупу общее руководство производством «Фау-2» на «Центральверке». — *Прим. авт.*)

Что касается будущих разработок, таких как А-9, А-10 и А-11 (соответственно: крылатая ракета «Фау-2» с увеличенной дальностью; носитель для А-9, способный увеличить ее дальность до межконтинентальной; большой носитель для комбинации А-9/А-10, который мог бы вывести А-9 на орбиту), то Греттрупа следует рассматривать как очень способного и умелого лидера конструкторской группы.

Хэмилл привел слова фон Брауна: «Я уверен, насколько не умаляя достоинств нашей группы в Форт-Блиссе, что Греттруп постепенно сможет создать из бывших сотрудников предприятия на Пенемюнде работоспособную группу, которая продолжит разработки для русских».

Далее фон Браун предсказывал, что в 1949 году русские смогут запустить в производство А-10. Похоже, что эти оценки фон Брауна никогда не были реально учтены.

Летом 1946 года Королев вернулся в Советский Союз, чтобы руководить испытаниями трофейных летающих бомб «Фау-1» на ракетном полигоне возле деревни Капустин Яр, примерно в 96 км к востоку от Сталинграда. Осенью, снова приехав в Германию, он подготовил список наиболее способных немецких ученых и инженеров и передал его своему руководству.

В 1946 году, по словам Черчилля, опустился «железный занавес», разделивший бывших союзников в войне против нацистской Германии и обозначивший их новый статус противников, если не врагов. Если бы началась новая война, западные союзники имели бы преимущество благодаря тому, что их авиабазы находились в пределах расстояния нанесения удара от Москвы и других крупнейших городов Советского Союза. Только у США были наземные, авиационные

и военно-морские базы, окружавшие СССР. Американцы в войне с Японией продемонстрировали, что у них есть атомное оружие, и они готовы применить его. У Советского Союза не было ни ядерного оружия, ни способа доставить его через Атлантический океан. Советские физики создавали свою атомную бомбу, а Королев должен был построить межконтинентальную баллистическую ракету (МБР) для доставки атомного оружия. Это нужно было сделать не в Германии, а на советской земле.

Двадцать первого октября 1946 года генерал Гайдук, отвечавший за использование немецкой ракетной технологии, пригласил Греттрупа и его подчиненных отметить их сотрудничество, позволившее значительно усовершенствовать «Фау-2». Тост со стороны немцев с неизбежностью следовал за тостом со стороны русских, и цикл повторялся до четырех утра 22 октября, когда мертвецки пьяных немцев и их семьи погрузили в поезд, следовавший в Россию. По прибытии немцы были разбиты на группы и посланы в разные места, где они работали над проблемами, которые им ставили их русские хозяева. Выработанный в Германии стиль отношений не менялся. Немцы выполняли свои задания, но они никогда не были интегрированы в советскую ракетную программу.

Осенью 1947 года Королев руководил серией опытных запусков «Фау-2» на полигоне Капустин Яр. Там присутствовали немецкие ракетчики, которые должны были обучить русских обращению с ракетами. До конца года было запущено около 20 ракет, несших боеголовки или научные приборы. В конце 1940-х годов работа Королева с «Фау-2» и ее усовершенствованной русской версией К1 (или Р-1) принесла свои плоды. Ракета Р-1 была принята на вооружение в качестве боевой ракеты Красной Армии.

В то время как работа Королева шла успешно, его личная жизнь была беспокойной. В 1946 году он развелся с первой женой, матерью его единственного ребенка. В следующем году он женился второй раз. По некоторым сообщениям, в 1948 году Королев снова был отправлен в «шарашку». Об этом почти ничего не известно, впрочем, возможно, что при Сталине была невелика разница, с какой стороны колючей проволоки находиться.

Со временем к немецким ракетчикам присоединились, а затем и заменили их молодые русские инженеры. Наконец, между 1951 и 1953 годами, немцам, которых вывезли в Советский Союз против их воли, было позволено вернуться в Германию.

Примерно в это же время заместитель фон Брауна Эберхард Рес провел много времени в Германии, вербуя квалифицированный персонал для работы над ракетной программой сухопутных войск США. Один из тех, с кем встречался Рес, недавно вернулся из Советского Союза и жил в Западной Германии. Он опасался говорить с Ресом, так как думал, что находится под наблюдением советских агентов. Еще один из тех, кто вернулся, живший в Восточной Германии, не пришел на назначенную встречу. Рес предположил, что он снова попал к русским.

Фон Браун получил письмо от Вернера Баума, предлагавшего ему свои услуги после возвращения из Советского Союза. Баума помнили как посредственного инженера, и армейская разведка полагала, что он мог действовать по указанию Советского Союза. Американские военные считали, что немцы, которые поработали на СССР, мало что могли предложить, и что из-за угрозы для безопасности их не следует нанимать.

Спустя годы, оценивая вклад своих бывших коллег в советскую ракетную программу, Вернер фон Браун

сказал: «Есть все основания полагать, что их вклад в русскую космическую программу можно почти не принимать в расчет. Они должны были писать отчеты о том, что было в прошлом, но, можно сказать, они были выжаты как лимон. В конце концов их отправили домой, даже не проинформировав о содержании секретных русских проектов».

Советский Союз пытался создать МБР, которая могла бы послать ядерную боеголовку в его врагов. Советские технологии изготовления ракет и боеголовок были примитивными по сравнению с существовавшими в Соединенных Штатах. По иронии судьбы, в первые годы соревнования в космосе эти недостатки дали русским некоторые преимущества. Прежде всего, создав ядерные бомбы через несколько лет после Соединенных Штатов, советские физики не умели, однако, делать их небольшими. Следовательно, советские ракетные конструкторы, в частности Королев, должны были строить ракеты, которые были значительно больше американских. Большие ракеты позднее дали возможность поднимать в космос более тяжелые грузы. Кроме того, советские инженеры не могли построить более мощные ракетные двигатели, способные выдержать дополнительное давление и нагревание. Королев застрял на несколько улучшенной версии двигателя «Фау-2». Поэтому он начал проектировать и строить ракеты, приводившиеся в движение громоздкими блоками этих небольших двигателей. Они не были элегантными или красивыми, но они были мощными, и они работали.

Когда умер Сталин, многие в России вздохнули с облегчением. Королев был реабилитирован. Он вступил в Коммунистическую партию и был избран в Академию наук СССР.

Одним из наиболее надежных свидетелей, подтверждающих важность Королева для развития советской ракетной техники, являлся бывший советский премьер Никита Хрущев. В своих мемуарах он писал:

Когда был жив Сталин, он сам принимал все решения по вопросам обороны, в особенности это касалось ядерного оружия и средств доставки.

Вскоре после смерти Сталина Королева пригласили на Политбюро сделать доклад о его работе. Я не хочу преувеличивать, но мы смотрели на то, что он показывал, как бараны на новые ворота. Когда он показал нам одну из своих ракет, похожую на большую трубу, мы не поверили, что она может летать. Королев пригласил нас на пусковую площадку и попытался объяснить нам принципы работы ракеты. Мы были там как крестьяне на ярмарке. Мы ходили вокруг ракеты, постукивали по ней, проверяя на прочность, только что на язык ее не пробовали.

Мы вполне доверяли товарищу Королеву. Когда он сказал, что его ракета не только полетит, но и пролетит 7 тысяч километров, мы поверили ему. Когда он объяснял или отстаивал свои идеи, у него горели глаза, а его доклады были образцом ясности. Его энергия и целеустремленность были неисчерпаемы, и он был блестящим организатором.

Благодаря товарищу Королеву и его сотрудникам у нас теперь была ракета, способная нести ядерную боеголовку. Его изобретение нашло также много мирных применений. Своей «семеркой» он проложил дорогу в космос.

«Семерка» Королева (известная в СССР также как Р-7, а на западе как СС-6 «Сапвуд») была безобразным созданием, малопригодным для выполнения своего предназначения в качестве МБР. Она состояла из центральной ракеты и четырех присоединенных

Одним из наиболее надежных свидетелей, подтверждающих важность Королева для развития советской ракетной техники, являлся бывший советский премьер Никита Хрущев. В своих мемуарах он писал:

Когда был жив Сталин, он сам принимал все решения по вопросам обороны, в особенности это касалось ядерного оружия и средств доставки.

Вскоре после смерти Сталина Королева пригласили на Политбюро сделать доклад о его работе. Я не хочу преувеличивать, но мы смотрели на то, что он показывал, как бараны на новые ворота. Когда он показал нам одну из своих ракет, похожую на большую трубу, мы не поверили, что она может летать. Королев пригласил нас на пусковую площадку и попытался объяснить нам принципы работы ракеты. Мы были там как крестьяне на ярмарке. Мы ходили вокруг ракеты, постукивали по ней, проверяя на прочность, только что на язык ее не пробовали.

Мы вполне доверяли товарищу Королеву. Когда он сказал, что его ракета не только полетит, но и пролетит 7 тысяч километров, мы поверили ему. Когда он объяснял или отстаивал свои идеи, у него горели глаза, а его доклады были образцом ясности. Его энергия и целеустремленность были неисчерпаемы, и он был блестящим организатором.

Благодаря товарищу Королеву и его сотрудникам у нас теперь была ракета, способная нести ядерную боеголовку. Его изобретение нашло также много мирных применений. Своей «семеркой» он проложил дорогу в космос.

«Семерка» Королева (известная в СССР также как Р-7, а на западе как СС-6 «Сапвуд») была безобразным созданием, малопригодным для выполнения своего предназначения в качестве МБР. Она состояла из центральной ракеты и четырех присоединенных

Пионеры германского ракетостроения в 1930 году. Слева направо: Рудольф Небель, доктор Александр Риттер из Имперского химико-технологического института, Ганс Бермюллер, Курт Хайниш, Герман Оберт справа от сконструированной им ракеты, двое неизвестных, Клаус Ридель с ракетой «Мирак», Вернер фон Браун и еще один неизвестный. С разрешения NASA, Центр космических полетов имени Дж. Маршалла.

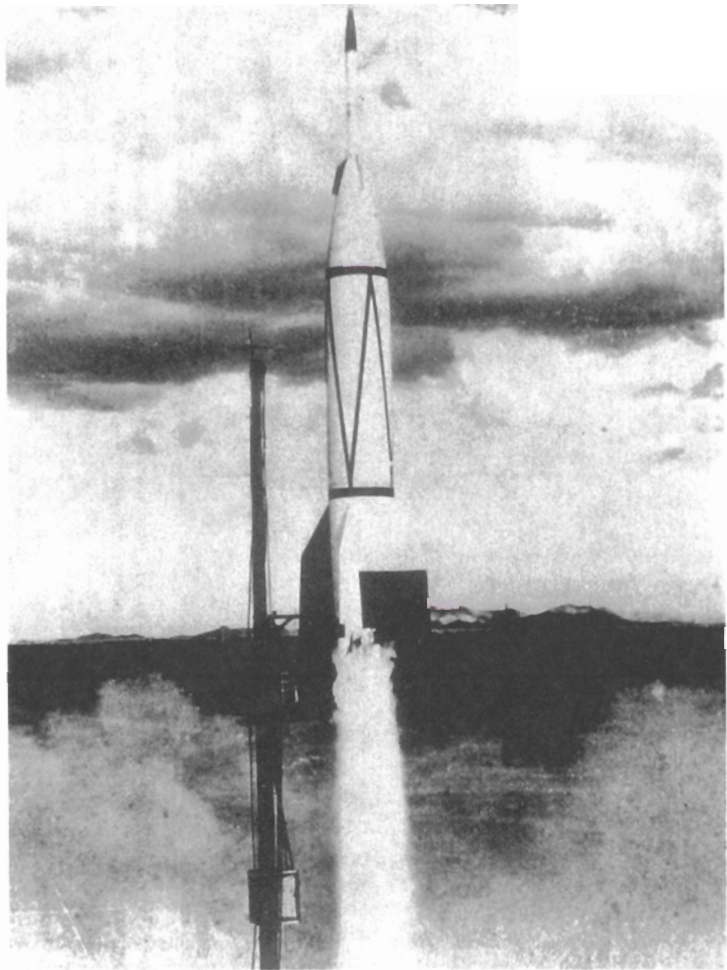

Фон Браун (впереди справа), несмотря на руку в гипсе, был в хорошем настроении после того как он, генерал Вальтер Дорнбергер (впереди слева, с сигарой) и другие сдались американцам 2 мая 1945 года. С разрешения Национального архива, фото № 208-PU-212KK-1.

В начале 1946 года, в соответствии с проектом «Пейперклип», 118 немецких ракетчиков были привезены в Соединенные Штаты для продолжения работы. На этой групповой фотографии, сделанной в Уайт-Сэндз, Нью-Мексико, Вернер фон Браун — седьмой справа в переднем ряду; Артур Рудольф, управляющий производством на «Миттельверке», а позже руководитель строительства «Сатурн-5» — четвертый слева в переднем ряду. С разрешения НАСА, Центр космических полетов имени Дж. Маршалла, управление по связям с общественностью.

Первая ступень «Фау-2» с «ВакКорпорал» в качестве второй ступени стартует с испытательного полигона в Уайт-Сэндз в рамках программы сухопутных войск «Бампер». С разрешения НАСА, фото № 67-Н-1452.

Вернер фон Браун описывает концепцию разработанного им «костюма-бутылки» Хайнцу Хаберу и Вилли Лею, своим коллегам — советникам телевизионной программы Диснея «Человек в космосе». С разрешения НАСА, Центр космических полетов имени Дж. Маршалла.

Вернер фон Браун снялся в информационно-образовательном фильме министерства обороны «Космический вызов», выпущенном 29 февраля 1956 года. Здесь он держит модель своей трехступенчатой ракеты, а за ним видны изображения крылатого орбитального корабля и космической станции, имеющей форму колеса. С разрешения Смитсоновского института, негатив № 77-12796.

Вернер фон Браун с некоторыми из ведущих сотрудников Управления баллистических ракет сухопутных войск в Хантсвилле, штат Алабама. Слева направо: Эрнст Штулингер (сидит); генерал-майор Хольдджер Тофтой; Герман Оберт (на переднем плане), отец немецкого ракетостроения, работавший в Управлении баллистических ракет в Хантсвилле с 1955 по 1959 год; Вернер фон Браун; Эберхард Рес, заместитель директора, Отдел конструкторских работ. С разрешения НАСА, фото № СС-417.

Прошедший сталинский ГУЛАГ Главный конструктор советской ракетной программы Сергей Королев был безымянным двойником и грозным противником фон Брауна. С разрешения Смитсоновского института, негатив № 76-17276.

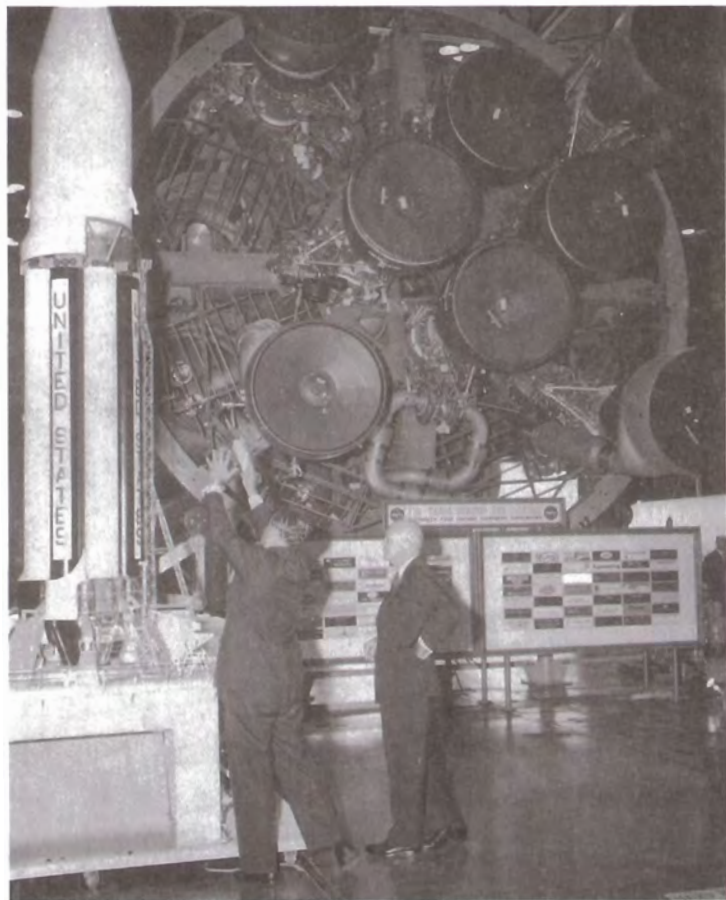

На пресс-конференции после успешного запуска первого американского спутника Уильям Пикеринг, директор Лаборатории реактивного движения, Джеймс Ван Аллен, руководитель группы, ответственной за оборудование, и Вернер фон Браун гордо поднимают копию «Эксплорера-1». С разрешения исторического управления ракетного командования сухопутных войск США.

В 1959 году перед полетом в космос первые семь американских астронавтов встретились с Вернером фон Брауном в Хантсвилле. Слева направо: Гас Гриссом, Уолли Ширра, Алан Шепард, Джон Гленн, Скотт Карпентер, Гордон Купер, Дик Слейтон и Вернер фон Браун. С разрешения НАСА, Центр космических полетов имени Дж. Маршалла.

Вернер фон Браун показал ракету «Сатурн» президенту Дуайту Эйзенхауэру после его выступления на торжественной церемонии в Центре космических полетов имени Дж. Маршалла в Хантсвилле 8 сентября 1960 года. С разрешения НАСА, Центр космических полетов имени Дж. Маршалла.

Ракета «Меркурий-Редстоун 3» поднимает Алана Шепарда, первого американца в космосе, с мыса Канаверал 5 мая 1961 года. С разрешения НАСА, фото № 61-MR3-72A.

Вернер фон Браун в своем кабинете с моделями ракет. На заднем плане рисунок ранней концепции корабля для посадки на Луну. С разрешения НАСА, Центр космических полетов имени Дж. Маршалла.

Вернер фон Браун приветствует одного из своих главных сторонников, президента Джона Кеннеди, когда тот прибыл в Центр космических полетов имени Дж. Маршалла 12 сентября 1962 года. Позади Кеннеди — еще более энергичный сторонник космической программы вице-президент Линдон Джонсон. Между Кеннеди и фон Брауном стоит конгрессмен от Алабамы Роберт Джонс. С разрешения НАСА, Центр космических полетов имени Дж. Маршалла.

Уолт Дисней, постоянно искавший новые идеи для своих фильмов и парков отдыха, посетил Вернера фон Брауна в Центре космических полетов имени Дж. Маршалла 13 апреля 1965 года. Уолт Дисней слева, Вернер фон Браун крайний справа. С разрешения НАСА, Центр космических полетов имени Дж. Маршалла.

Вернер фон Браун в своем кабинете в Центре космических полетов имени Дж. Маршалла с моделями ракет, большинство из которых сконструированы его группой. С разрешения НАСА, Центр космических полетов имени Дж. Маршалла.

Ракета-носитель «Сатурн-1Б» доставляет «Аполлон-7» с астронавтами Уолтером Ширрой, Донном Айзеле и Уолтером Каннингемом на околоземную орбиту 11 октября 1968 года. С разрешения НАСА, фото № 68-Н-930.

За месяц до намеченного полета на Лунуastronautы корабля «Аполлон-11» (слева направо) Майкл Коллинз, Нил Армстронг и Эдвин (Базз) Олдрин фотографируются, стоя перед моделью лунного модуля. С разрешения НАСА, фото №69-Н-832.

Космический корабль «Сатурн-5/Аполлон-11» с астронавтами Майклом Коллинзом, Нилом Армстронгом и Эдвином (Баззом) Олдрином в 9.32 утра по восточному времени 16 июля 1969 года. С разрешения НАСА, фото № 69-H-1142.

Руководители полета «Аполлона-11» пребывают в праздничном настроении после успешного старта ракеты 16 июля 1969 года. Слева направо: Чарльз Мэтьюз, заместитель администратора по пилотируемым космическим полетам; Вернер фон Браун, директор Центра космических полетов имени Дж. Маршалла; Джордж Мюллер, администратор по пилотируемым космическим полетам; генерал-лейтенант Сэмюэль Филлипс, директор программы «Аполлон». С разрешения НАСА, фото № KSC-69P-641.

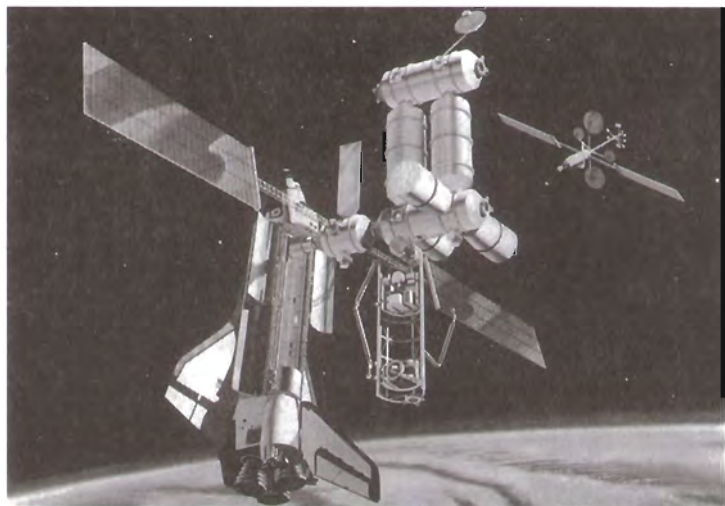
Астронавты корабля «Аполлон-11» сфотографировали Луну с расстояния 18 000 километров. С разрешения НАСА, фото № 69-H-1374.

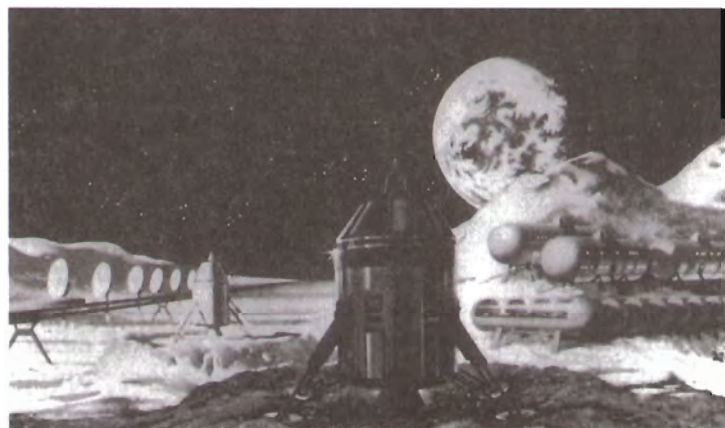
Вернер фон Браун, ставший администратором НАСА по планированию будущих программ, продолжал следить за программой «Аполлон» и присутствовал при запуске «Аполлона-14» в Космическом центре имени Дж. Кеннеди 31 января 1971 года. С разрешения НАСА, фото № 71-H-253.

Ракета-носитель «Сатурн-5» использовалась для запуска первой и единственной американской космической станции «Скайлэб» 14 мая 1973 года. С разрешения НАСА, фото № 74-N-98.

Стыковка космического челнока с космической станцией в представлении художника. Основные характеристики космического челнока были определены во время пребывания фон Брауна на посту администратора НАСА по планированию будущих программ. С разрешения НАСА, фото № 82-Н-869.

Отправив людей исследовать Луну, НАСА думало, что делать дальше. Рисунок 1970-х годов иллюстрирует предложение создать рудник и напоминает о лунной базе, предложенной фон Брауном в выпуске журнала «Кольерс» от 25 октября 1952 года. С разрешения НАСА, фото № 77-Н-265.

В последний год жизни, несмотря на ухудшающееся здоровье, фон Браун сохранял оптимизм и жизнелюбие. С разрешения НАСА, фото № 77-Н-39.

к ней ускорителей. Двигатель центральной ракеты представлял собой блок из четырех камер с фиксированной тягой, составлявшей несколько более 25 т. Топливом служили керосин и жидкий кислород. В каждом из четырех ускорителей имелся блок из четырех аналогичных камер. Кроме того, имелось двенадцать ракетных двигателей меньшего размера на кардановых подвесках, служивших для управления. Во время пуска все основные и управляющие двигатели Р-7 включались одновременно, создавая тягу свыше 454 т. Однако в качестве оружия Р-7 была малопригодной. Ее потребность в жидком кислороде вызывала необходимость в громоздком вспомогательном оборудовании и приводила к длительному времени заправки. Ее размеры (сухой вес: 28,26 т; стартовый вес: 294,85 т; длина: 30 м; диаметр у основания: 9 м) вызывали трудности в транспортировке и маскировке. Однако относительная простота и надежность делали ее идеальным средством для запуска на орбиту больших грузов.

Размеры и мощность Р-7 намного перекрывали возможности существовавших в Советском Союзе ракетных полигонов. В июне 1955 года СССР начал строительство нового секретного ракетного полигона возле небольшого селения Тюратам в Казахстане, на северо-восток от Аральского моря. (Из соображений безопасности после запуска первого корабля с человеком на борту в качестве места старта был назван Байконур, селение, расположенное на сотни километров северо-восточнее. Даже сейчас космодром называется Байконур, хотя расположен он возле Тюратама.)

Королев и его группа начали испытания Р-7 в конце весны 1957 года, и шли они неудачно. Первая ракета взорвалась на старте, и еще несколько попыток закончились не лучше. В июле Королев подвергся

критике со стороны других конструкторов и советских бюрократов. Наконец, 3 августа 1957 года Королев и его группа произвели первый успешный запуск Р-7. Через несколько недель они запустили вторую ракету в Тихий океан возле Камчатки. У Королева была наконец большая ракета-носитель, если не боевая МБР.

Королев рассказывал (в записках, опубликованных в 1969 году, после его смерти), как возникла концепция первого советского искусственного спутника Земли:

Мы внимательно следили за сообщениями о готовящемся в США запуске спутника, многозначительно названного «Авангард». Многие считали, что он будет первым спутником в космосе. Мы подумали, что мы можем сделать, и пришли к выводу, что мы можем поднять на орбиту добрых 100 кг. Мы доложили в ЦК партии, откуда ответили: «Это хорошая идея, но мы должны все обдумать». Летом 1957 года меня вызвали в ЦК. Добро было дано.

По-видимому, предложение Королева получило одобрение после первого успешного полета Р-7, в августе 1957 года. Из этого рассказа можно сделать два важных вывода. Во-первых, Соединенные Штаты в то время были впереди в «космической гонке». Руководители Советского Союза всерьез не думали о запуске спутника до того, как Соединенные Штаты начали свою программу «Авангард». Хотя научные представители разного ранга заявляли о будущей советской космической программе, она не была одобрена и даже не рассматривалась руководством страны. Во-вторых, Королев увлек ЦК и Хрущева идеей «обставить» США. На первом месте была пропаганда, а наука даже не обсуждалась.

Работы по подготовке запуска спутника начались в середине августа 1957 года, и Королев оставался на Байконуре, пока они не были завершены. Он жил в домике, построенном в роще, находившейся на полпути между местом сборки ракеты и стартовой площадкой. Он постоянно бывал в том и другом месте, следя за ходом работ, а совещания проводил у себя дома. Он часто подолгу смотрел на ракету, размышляя над возникшей проблемой. Затем он вскакивал и быстро отдавал все необходимые распоряжения.

Сам спутник был устроен очень просто. Это был шар диаметром около 0,6 м, весивший 83,5 кг. Единственным прибором на нем был радиопередатчик, извещавший о его присутствии.

Четвертого октября 1957 года ракета Р-7 стояла среди казахских степей с примитивным искусственным спутником Земли на вершине. Королев руководил пуском из бетонного бункера, находившегося лишь в трехстах метрах от стартовой площадки. В 19.30 по Гринвичу (22.30 по московскому времени) 20 основных и 12 управляющих двигателей ракеты Р-7 взрели, и она стала плавно подниматься в ночное небо над огненной колонной высотой в несколько длин ракеты. Через 4 минуты она уже была лишь яркой звездой в северо-восточной части неба. Четыре ускорителя сожгли свое топливо и отвалились. Центральная ракета со спутником на носу работала еще 5 минут, пока ее скорость не достигла свыше 28 800 км/час орбитальной скорости. Через полтора часа после взлета «Спутник-1» завершил первый оборот по эллиптической орбите вокруг Земли. Монотонное «бип-бип-бип» его радиосигнала подтверждало Сергею Королеву и всему миру, что Советский Союз запустил первый искусственный спутник на орбиту вокруг Земли.

Мы можем запустить спутник на орбиту за 60 дней с того момента, как вы дадите нам зеленый свет.

Вернер фон Браун

Вечером 4 октября 1957 года Вернер фон Браун находился в офицерской столовой Редстоунского арсенала в Хантсвилле на приеме в честь заступавшего на должность министра обороны Нила Мак-Элроя. Присутствовали также министр сухопутных войск Уилбур Брукер, начальник штаба сухопутных войск генерал Лайман Лемницер, начальник научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ генерал-лейтенант Джеймс Гэвин. Фон Брауна попросили подойти к телефону.

- Вас беспокоит «Нью-Йорк таймс», доктор.
- В чем дело?
- Что вы об этом думаете?
- О чем?
- О русском спутнике, который они только что запустили.

Фон Браун вернулся к собравшимся, чтобы сообщить новость. По словам его начальника, он был словно на иголках.

«Мы знали, что они собираются это сделать, — сказал фон Браун. — “Авангард” не справится с этим. У нас есть все необходимое. Ради Бога, развяжите нам руки и дайте что-нибудь сделать».

«Сэр, — обратился фон Браун к Нилу Мак-Элрою, который должен был вскоре стать министром обороны. — Когда вы вернетесь в Вашингтон, вы увидите, какое там началось светопреставление. Я хочу, чтобы среди шума и свалки вы помнили: мы можем запустить спутник на орбиту за 60 дней с того момента, как вы дадите нам зеленый свет».

Министр сухопутных войск Брукер возразил: «Не за 60 дней».

Фон Браун настаивал: «60 дней».

Генерал Медарис, начальник фон Брауна, уладил спор: «Нет, Вернер, 90 дней».

На следующий день руководители Управления баллистических ракет сухопутных войск в Хантсвилле информировали будущего министра Мак-Элроя о своей работе с упором на «Юпитер С». Две такие ракеты остались со времени испытаний носового конуса ракеты «Юпитер» и в течение двух лет находились в хранилище на мысе Канаверал.

Когда министр сухопутных войск Брукер вернулся в Вашингтон, он сделал еще более осторожное предложение, заявив, что Управлению баллистических ракет требуется четыре месяца со дня принятия решения, чтобы запустить спутник на орбиту. Он также добавил: «Нам потребуется для этого 12 752 000 долларов дополнительных средств».

Пока Мак-Элрой и вашингтонская бюрократия затягивали решение относительно предложения фон

Брауна и Медариса, 3 ноября 1957 года Советский Союз запустил свой второй искусственный спутник с собакой Лайкой на борту. Спутник весил внушительных 508 кг и достиг высоты 1650 км над землей. В то время как первый спутник посылал лишь таинственные короткие гудки, второй передавал биение сердца четвероногого пассажира. Любой мог сообразить, что следующий советский спутник может поднять в космос человека.

Спустя пять дней, 8 ноября, министерство обороны выпустило пресс-релиз, в котором говорилось: «Министр обороны дал указания министерству сухопутных войск приступить к запуску спутника Земли с помощью модифицированной ракеты «Юпитер С»».

Однако в директиве, которую Медарис и фон Браун получили из Вашингтона, говорилось, что они должны подготовить запуск спутника. Она не давала им полномочий включить зажигание. Бригадный генерал Медарис сделал запрос своим начальникам из Вашингтона, означает ли их директива, что ракета «Авангард» военно-морских сил все еще стоит первой в очереди к стартовой площадке, и должна ли команда из Хантсвилла ждать окончательного разрешения. Ему ответили, что он правильно понял указания.

Побеседовав с фон Брауном, Медарис продиктовал телеграмму руководителю НИОКР сухопутных войск генерал-лейтенанту Гэвину, в которой говорилось, что если директива не будет изменена, и группа из руководимого им Управления баллистических ракет не получит полномочий на запуск «Юпитера С», то он готов подать в отставку. Вернер фон Браун и доктор Уильям Пикеринг из лаборатории реактивного движения Калифорнийского технологического института, отвечавший за создание спутника, находились в этот момент рядом с Медарисом и настояли, чтобы в

телеграмме было сообщено и об их намерении подать в отставку. Мак-Элрой и Пентагон сдались, и «Юпитер С» начал свой путь к стартовой площадке.

Шестого декабря 1957 года Соединенные Штаты были, наконец, готовы к своему первому выходу в космос. В то время как Советский Союз запускал свои спутники в обстановке секретности, объявляя о них только после успеха, Соединенные Штаты не только сразу оповестили прессу, но и постарались сделать первую попытку запуска информационным событием.

Пресса вела себя так, словно речь шла о схватке за звание чемпиона между боксерами-тяжеловесами, что, в символическом смысле, не было лишено основания.

«Авангард-1» стоял на стартовой площадке на мысе Канаверал, заправленный топливом и готовый к запуску. Работали камеры, и комментаторы не умолкали, в то время как обратный отсчет секунд до старта близился к нулю. То, что произошло потом, запечатлелось в памяти свидетелей как момент жгучего стыда и национального унижения. Двигатель «Авангарда» заработал, ракета немного поднялась, затем опустилась обратно на площадку, опрокинулась и взорвалась. Весивший 1,5 кг спутник забросило в заросли кустарника, откуда доносился его жалобный радиосигнал.

Одна из находившихся на месте событий репортеров, Дороти Килгаллен, воскликнула: «Пойдите же, кто-нибудь, найдите и добейте его!»

Еще не остыли обломки «Авангарда», как начался поиск виновных в случившемся.

Председатель Демократической партии Пол Батлер, выступая в программе новостей компании «Эй-би-си», возложил ответственность на Вернера фон Брауна.

Манипулируя фактами, он заявил, что фон Браун был ответственным за программу, поэтому если кто-то и должен нести ответственность, то это фон Браун. Когда его попросили прокомментировать недавнее высказывание фон Брауна о том, что Соединенные Штаты мало продвинулись в разработке баллистических ракет в конце 1940-х годов, когда демократы были у власти, Батлер сказал, что фон Браун, который, похоже, забыл свое прошлое, никогда не попал бы в США, если бы не проницательность президента Трумэна и других членов администрации.

Сам же бывший президент Гарри Трумэн во время интервью, данного им у себя дома, в Индепенденс, штат Миссури, сказал: «Может быть, его (фон Брауна) и привезли сюда военные, но я не имел к этому отношения и никогда не был знаком с ним».

Сенатор-демократ Генри Джексон был постоянным критиком оборонной политики администрации Эйзенхауэра. Выступая по телевизионному каналу «Эн-би-си», он безошибочно указал, на ком лежит ответственность за неудачные старты американских ракет: «Она лежит на президенте Эйзенхауэре».

Еще до попытки запустить свой первый спутник фон Браун и его группа начали планировать последующие проекты. С благословения своего босса в УБРСВ в Редстоуне, генерал-майора Джона Медариса, фон Браун вместе с некоторыми из своих лучших сотрудников начал разработку плана национальной космической программы, которая была бы рассчитана, по меньшей мере, на десяток лет вперед. При этом не обращалось внимания на соперничество между родами войск и учитывалось оборудование, ракеты-носители и МБР, которые планировались и строились каждым из них. Поскольку, по-видимому, лишь фон Браун с командой

обдумывали космическую программу более четверти столетия, они быстро завершили работу и имели готовый план к середине декабря 1957 года. Существенными элементами этой «программы фон Брауна», как ее называл генерал Медарис, были следующие:

Весна 1960 г.	907 кг на орбите
Осень 1960 г.	мягкая посадка на Луну
Весна 1961 г.	спутник весом 2,3 т
Весна 1962 г.	облет Луны с соответствующими фотосъемками
Осень 1962 г.	спутник с двумя людьми на борту
Весна 1963 г.	9 т на орбите
Осень 1963 г.	облет Луны людьми и возвращение на Землю
Осень 1965 г.	постоянная космическая станция с экипажем 20 человек
Весна 1967 г.	экспедиция на Луну в составе трех человек
Весна 1971 г.	экспедиция на Луну в составе 50 человек и создание постоянного аванпоста

Фон Браун и его группа оценили расходы на программу, выполнение которой заняло бы 14 лет, в 21 миллиард долларов.

УБРСВ разослало предложения фон Брауна и его группы некоторым офицерам штаба сухопутных войск, своим партнерам из лаборатории реактивного движения и начальнику артиллерийско-технической службы сухопутных войск генералу Каммингсу. Теперь сухопутные войска были впереди как других родов войск, так и Советского Союза в планировании, если не в реальном выполнении космической программы.

Двадцать девятого января ракета «Юпитер С/Эксплорер-1» заняла свое место на стартовой площадке на мысе Канаверал. Ракета состояла из четырех ступеней. Первая ступень, называвшаяся «Юпитер С», была на самом деле несколько удлиненной ракетой «Редстоун»; вторая ступень представляла собой блок из 11 небольших твердотопливных ракет, третья — блок из трех таких ракет, а четвертая ступень состояла из одной ракеты с восьмикилограммовым спутником «Эксплорер-1» наверху. Первая ступень ракеты имела гироскопическую систему управления, а верхние ступени вращались вокруг своих осей, то есть сами были гироскопами.

«Юпитер С» был создан в УБРСВ, а верхние ступени были сконструированы в лаборатории реактивного движения Калифорнийского технологического института. На спутнике «Эксплорер-1» был установлен прибор для регистрации космических лучей, сконструированный профессором Джеймсом Ван Алленом из университета штата Айова. Этот прибор должен был составить карту распределения радиации вокруг Земли. За запуск ракеты и спутника отвечал доктор Курт Дебус, старый друг и коллега Фон Брауна, руководивший испытательными запусками «Фау-2» на Пенемюнде.

Ракета и наземные службы были готовы к запуску, но погода была неблагоприятной. На высоте от 10 до 12 км над стартовой площадкой скорость воздушного потока была 270 км/час. Запуск был отложен. Тридцатого января скорость потока достигла 330 км/час. Запуск опять был отложен.

Тридцать первого января воздушный поток двигался со скоростью 250 км/ч, условия были далеко не идеальными, но терпимыми. Курт Дебус и его команда начали обратный отсчет времени.

За 13 минут до старта верхние ступени ракеты начали вращаться со скоростью 550 оборотов в минуту. Двигатель «Юпитера С» включился в 10.55 вечера по восточному времени, и ракета поднялась в темное небо над Флоридой. Спустя 157 секунд, когда она достигла высоты 96 км, выключился двигатель первой ступени. Еще через 5 секунд сработали взрывные болты, удерживавшие верхние ступени, и они по инерции поднимались еще 247 секунд до высоты 360 км. Затем управляющее устройство на мысе Канаверал подало сигнал для включения двигателей второй ступени, которые работали 6,5 секунды. Еще 6,5 секунды работали двигатели третьей ступени. Потом включился двигатель четвертой ступени. Если все шло по плану, то «Эксплорер-1» двигался с орбитальной скоростью, составлявшей 28 800 км/час.

Во время запуска корабля «Юпитер С/Эксплорер-1» Вернер фон Браун находился в центре связи в Пентагоне вместе с министром сухопутных войск Уилбуром Брукером, доктором Уильямом Пикерингом из лаборатории реактивного движения и небольшой группой генералов и ведущих ученых, работавших для армии. Пикеринг был на линии связи с радиоприемной станцией в Сан-Диего. По плану полета спутник должен был пролететь над Сан-Диего через 106 минут после старта.

Когда этот момент наступил, в 12.41 ночи по восточному времени, Пикеринг спросил:

- Вы его слышите?
- Нет, сэр.

Время тянулось медленно, секунды, минута, вторая.

Пикеринг снова спросил по телефону:

- Теперь вы его слышите?
- Нет, сэр.

— Какого черта вы ничего не слышите?

Брукер обратился к фон Брауну:

— Что случилось, Вернер?

Вскоре все с недовольством уставились на фон Брауна.

— Что случилось?

Не получив ответа, генералы угрюмо молчали.

Вдруг Пикеринг, который все еще находился у телефона, радостно воскликнул:

— Они слышат его Вернер, они слышат его!

Фон Браун взглянул на часы на стене и у себя на руке.

— Спутник опоздал на восемь минут, — сказал он. — Любопытно.

Министр Брукер пожал руку фон Брауну. Потом кто-то позвонил президенту Эйзенхауэру, находившемуся в Августе, штат Джорджия, и игравшему в это время в бридж. Прервав игру, Эйзенхауэр расположился перед заранее приготовленным микрофоном, чтобы сообщить новость всему миру. Он сказал: «Соединенные Штаты успешно вывели научно-исследовательский спутник на орбиту вокруг Земли. Это часть вклада нашей страны в Международный геофизический год». Что он еще не сказал, так это то, что Соединенные Штаты наконец стартовали в космической гонке.

Спутник «Эксплорер-1», помимо того, что он защитил национальную гордость американцев, собрал в космосе важные научные данные. Двигаясь по эксцентрической орбите, удалявшейся от Земли на 1536 км и приближавшейся к ней до 336 км, он составил карту поясов радиации, окружающих Землю и вскоре названных поясами Ван Аллена в честь ученого, спланировавшего эксперимент по их обнаружению.

Безопасность нации и мира была укреплена благодаря его (фон Брауна) громадным познаниям и его исключительным достижениям.

Президент Дуайт Эйзенхауэр

После успешного запуска на орбиту спутника «Эксплорер-1» Вернер фон Браун, приближавшийся к своему сорокасемилетию, стал знаменитостью. Он был любимцем прессы, его уважали власти в Вашингтоне и, что неудивительно, в Голливуде. Он не был такой важной персоной, как Джо Димаджио, или Мэрилин Монро, или Элвис Пресли, но он достиг известности, редкой для ученого. Он сделал занятия наукой и техникой не только уважаемыми, но и увлекательными. Школьники писали ему восхищенные письма, и он отвечал им личными письмами и фотографиями с автографом.

Есть один вопрос о Вернере фон Брауне, который почти никогда не задают: почему военные, на которых он работал, позволили ему стать общественным деятелем и знаменитостью? Фактически этот вопрос

можно было задать еще в декабре 1946 года, когда фон Браун впервые выступил перед журналистами. Почему армия позволила этому человеку, прибывшему в Соединенные Штаты без визы и паспорта, публично выступать по вопросу, который с полным основанием можно было отнести к военным разработкам? Почему фон Брауну, еще не ставшему тогда гражданином США, было позволено писать статьи в «Кольерс», публиковать книги, быть консультантом у Диснея и говорить о ракетах в популярной телепрограмме? Почему ему еще до запуска «Эксплорера-1» было позволено стать самым узнаваемым государственным служащим, участвующим в разработке ракет и спутников?

Наиболее очевидной причиной было то, что фон Браун способствовал поддержанию репутации армии. Он не забывал, что армия является его первым и основным работодателем, и не допускал, чтобы что-либо мешало его работе для армии. В своих публичных выступлениях фон Браун ограничивался основами ракетной техники, то есть открытой, хотя и не общеизвестной информацией, а также мыслями о будущих космических полетах.

Менее очевидным является ответ на вопрос, почему фон Брауну позволили выступить перед прессой менее чем через два года после приезда в США. И здесь нужно принять во внимание положение сухопутных войск в вооруженных силах после окончания Второй мировой войны.

С выделением в 1947 году военно-воздушных сил в отдельный род войск положение сухопутных войск стало ухудшаться. ВВС и ВМФ начали развивать собственные ракетные программы, и сухопутные войска были вынуждены конкурировать с ними за финансирование. Фон Браун и его группа работали именно

для сухопутных войск, а не для ВВС или ВМФ, потому что сухопутные войска контролировали территорию Германии и могли использовать захваченное оборудование и персонал. Благодаря этому их программа включала в качестве исполнителя лучшего в мире специалиста по ракетам, каким вполне мог считаться фон Браун, конструктор «Фау-2» и человек, способный убеждать.

После вывода на орбиту спутника «Эксплорер-1» конкуренция за финансирование между родами войск усилилась. Спустя несколько дней после запуска президент Эйзенхауэр издал указ, возлагавший руководство всей деятельностью, связанной с космосом, лично на министра Мак-Элроя. Для координации формируемой военно-космической программы Мак-Элрой учредил Управление по перспективным исследовательским проектам. Эйзенхауэр и Мак-Элрой считали, что они могут контролировать действия военных, но Сенат и сами военные считали иначе.

В 1958 году лидер сенатского большинства Линдон Джонсон внес резолюцию о создании сенатского Специального комитета по астронавтике и исследованию космоса. Резолюция была поддержана 78 голосами против одного. Единственный голос «против» подал сенатор от Луизианы Аллен Эллендер, который был в принципе против всех новых комитетов и не собирался делать исключение для космоса.

Вскоре после успешного вывода на орбиту «Эксплорера-1» Капитолийский холм подвергся нашествию штабных офицеров и пресс-атташе сухопутных войск, рекламировавших свою программу. Они хотели получить финансирование для создания ракетного двигателя, который мог бы поднять на орбиту корабль весом в 15 т, способный нести пассажира. В июне 1958 года военно-воздушные силы, опасаясь,

что запуск спутников может быть целиком возложен на сухопутные войска, распространили информацию о своей готовности к запуску с помощью БРСД «Тор» спутника весом 453 кг. Сухопутные войска скоро заговорили о запуске спутника весом 680 кг.

Вскоре Вернер фон Браун выступил перед комитетом конгресса, отстаивая предложенные сухопутными войсками ракетные двигатели большой мощности и, тем самым, в завуалированной форме прося у правительства поддержки для широкой космической программы.

В области ракетной техники и полетов на Луну нам нужна хорошо спланированная долговременная национальная программа, максимально использующая результаты, полученные при разработке баллистических ракет и сверхзвуковых самолетов. Нужно обеспечить твердое финансирование этой программы, которое позволит стабильно выполнять ее в течение ряда лет.

Существует крайняя необходимость в дополнительных средствах для фундаментальных и прикладных исследований в этой области и для создания более мощных ракет-носителей.

В своем выступлении фон Браун постоянно переступал через тонкую черту, отделявшую национальную оборону с баллистическими ракетами от национальной гордости, воплощенной в мощных ракетах-носителях для запуска спутников и дальних полетов в космос.

В то время как для системы ракетного оружия с четко определенными характеристиками имеется вполне достаточное финансирование, средств для работы на перспективу постоянно не хватает. Например, сейчас у нас нет по-настоящему мощного ракетного двигателя просто потому, что ни одна из наших программ

по созданию боевых ракет не нуждается в них. Но, чтобы победить русских в соревновании за первенство в космосе, оно нам крайне необходимо, а разработка и освоение такого двигателя займут несколько лет.

Затем он попросил Луну.

Здесь находится подлинная угроза нашей безопасности, и нейтрализовать ее может лишь незамедлительное принятие хорошо спланированной и четко определенной программы Соединенных Штатов в области космических полетов.

Конгрессменам не нужно было разбираться в ракетах, чтобы понять суть проблемы. Советский Союз — коммунистический монстр — захватывал земные континенты. Теперь он хотел захватить и небеса. Соединенные Штаты столкнулись с реальной угрозой жить под советским небом. Свободному миру нужен был спаситель, а более подходящего кандидата на эту роль, чем фон Браун, у конгрессменов не было. Перед ними был пророк, человек, объявивший, что национальная безопасность может быть обеспечена и мечта об исследовании космоса осуществима, нужно лишь проявить смелость в достижении поставленных целей.

Лидеры нации поверили в откровение фон Брауна. Они решили залезть поглубже в государственный карман и купить мечту о национальной безопасности и национальной гордости.

В то время как два советских спутника летали вокруг Земли, яркими точками пересекая ночное небо, американцы стали думать, как это могло случиться. Как мог Советский Союз первым осуществить то,

что американский народ считал крайне важным для своего существования как нации? Ясно, что у Советского Союза не было преимуществ ни в материальных ресурсах, ни в техническом оснащении, страна еще не восстановилась после войны. Политическая система также не могла этому способствовать, для американцев было аксиомой, что демократия во всех отношениях лучше коммунизма. Немецкие ракетчики, работавшие на СССР, не были лучше тех, которые работали на США. На самом деле, не было никаких оснований предполагать, что немецкие ракетчики участвовали в запуске советских спутников. Постепенно в сознании американцев выкристаллизовалась истина: советские инженеры и ученые, занимавшиеся ракетами, лучше американских. Система образования в Советском Союзе, по крайней мере в области естественных наук и техники, была лучше американской. С этим надо было что-то делать.

В 1958 году по предложению Комиссии конгресса по образованию и труду (Комиссии Эллиотта) фон Браун выступил с предложениями по усовершенствованию системы образования в США. Было вполне логично пригласить именно его, лидера команды, спасшей честь нации запуском «Эксплорера-1».

Фон Браун начал с надежных аргументов, выдержанных в духе «холодной войны»:

Коммунистическая угроза для свободного мира не ограничивается военными и политическими аспектами. Она включает все стороны нашей жизни: религию, экономику, промышленность, науку, технику и образование.

Причина возникшей проблемы, проявлением которой стал советский спутник, была в том, что контролируемая советским государством образовательная

- система выпускает квалифицированных инженеров и научных работников больше, чем наша.

Решение, предложенное фон Брауном, было следующим:

Во-первых, мы должны увеличить набор молодых людей для обучения профессиям, связанным с наукой и техникой. Во-вторых, мы должны сделать эти профессии более привлекательными, чтобы молодые люди их выбирали. В-третьих, необходимо постоянное стимулирование как в школе, так и дома; необходимы квалифицированные учителя, хорошие лаборатории и библиотеки, материальная помощь тем, кто нуждается в ней для получения высшего образования, стипендии и дотации для стимулирования учебы в аспирантуре.

Фон Браун был достаточно благоразумен, чтобы отметить, что любое законодательство, направленное на укрепление системы образования, не окажет существенного влияния на программы разработки спутников и управляемых снарядов в течение ближайших пяти лет.

По иронии судьбы, широкую известность выступление фон Брауна перед Комиссией Эллиотта получило не в связи с вопросами образования, а из-за его отношения к тому, как правительство обошлось с Робертом Оппенгеймером, руководившим созданием атомной бомбы. В ходе обсуждения выступления фон Брауна конгрессмен от Нью-Джерси Фрэнк Томпсон задал вопрос об Оппенгеймере, бывшем тогда директором Института перспективных исследований в Принстоне. В 1954 году после многих лет работы для страны на посту директора Лос-аламосской лаборатории и в должности председателя Генерального консультативного комитета Комиссии по атомной энергии

Оппенгеймер был признан лояльным по отношению к своей стране, но создающим риск для ее безопасности. Он был исключен из системы, которую сам помогал создавать.

Томпсон спросил фон Брауна:

— Не считаете ли вы прискорбным тот факт, что из политических соображений страна лишилась услуг доктора Оппенгеймера?

— Несомненно, — ответил фон Браун, — обстоятельства, при которых он был уволен, больно задели все научное сообщество.

— Я согласен, — сказал Томпсон. — Я полагаю, это возмутительно.

— Да, то, как все это было сделано, возмутительно.

Хотя фон Браун отказался обсуждать аспекты дела Оппенгеймера, связанные с безопасностью, он подчеркнул абсурдность этого дела, заявив: «Я полагаю, британцы посвятили бы его в рыцари».

Имел ли фон Браун к этому отношение или нет, но федеральное правительство на протяжении последующего десятилетия щедро вкладывало деньги в техническое и естественнонаучное образование, пока Советский Союз не потерпел поражения в соревновании за первенство в космосе. После этого соперниками США в интеллектуальной и технической областях стали другие страны.

Пятнадцатого мая 1958 года Сергей Королев руководил запуском третьего советского спутника, на котором были установлены приборы для измерения тяготения и радиации. По советским данным, спутник весил 1,3 т. Поскольку третий советский спутник был в 16 раз тяжелее, чем первый, то было логично (но, как оказалось, ошибочно) предположить, что совет-

ская космическая программа быстро перешла к более мощным и притом надежным ракетам-носителям. Королев совершенно обоснованно мог считаться самым выдающимся советским специалистом в области техники, эквивалентом Вернера фон Брауна и Роберта Оппенгеймера, вместе взятых.

В СССР было обычной практикой обращаться с учеными так же плохо, как обошлись с Робертом Оппенгеймером в США. При Сталине Королев жил и работал в лагере. При Хрущеве он был обречен на безвестность. Коммунистическая идеология представляла спутник достижением Коммунистической партии и советского народа. Если Королев и упоминался, то только как Главный конструктор. Если ему позволяли выступать публично или писать о космической программе, он делал это под псевдонимом профессор К. Сергеев. Он не мог выезжать за пределы Советского Союза. Насколько известно, единственной его поездкой за рубеж было посещение курорта в Чехословакии в 1964 году, когда у него стало сдавать здоровье. Все это с неизбежностью привело к тому, что на Западе Королев представлялся таинственным и зловецким гением.

Нравилось это ему или нет, но Вернер фон Браун был знаменитостью. До запуска «Эксплорера-1» материалом для прессы были спутники и исследование космоса. После запуска таким материалом стал человек, обеспечивший его успех. Журнал «Тайм» поместил портрет фон Брауна на обложку своего выпуска от 17 февраля 1958 года. Этому примеру последовали другие журналы.

«Тайм» опубликовал краткие биографические сведения о фон Брауне, и те, кто хотел составить более подробную биографию, пытались собрать дополни-

тельную информацию. Чтобы задать тон последующих публикаций, Вернер фон Браун принял предложение еженедельника «Американ уикли», распространявшегося в виде приложения к воскресным номерам газеты, самому рассказать о своей жизни. (До запуска «Эксплорера-1» фон Браун написал статью «Воспоминания о немецких ракетах», опубликованную в мае 1956 года в журнале Британского межпланетного общества, имевшем ограниченный тираж.)

«Человек космоса: история моей жизни» — рассказ Вернера фон Брауна о себе, записанный Кертисом Митчелом, появился в трех выпусках «Американ уикли» от 20, 27 июля и 3 августа 1958 года. Если поверить фон Брауну на слово, то его биография — это простая история жизни человека, мечтающего об исследовании космоса. Он имел несчастье связаться с нацистами, которые использовали его мечту для своих черных дел. Подобно многим немцам, он оказался невольным пассажиром в поезде, который вел Гитлер. После поражения нацистов он приехал в Америку, чтобы помочь свободному миру и осуществить свою мечту. Каждый, кто пишет автобиографию, старается представить себя в выгодном свете. Многие не прочь приукрасить действительность. Фон Браун рассказал исправленную историю своей жизни, которую затем повторяли как попугаи его биографы, превратив ее в конце концов в миф.

Многие подробности жизни фон Брауна были уже известны. Другие факты и эпизоды были проверены позднее с помощью разных источников. Что поражает при чтении его автобиографической статьи через сорок лет после ее опубликования, так это искаженное изображение отдельных эпизодов и замалчивание некоторых фактов.

Фон Браун рассказал, как Генрих Гиммлер, рейхсфюрер СС и шеф гестапо, предложил ему должность, как он отказался и был впоследствии арестован гестапо по обвинению в нанесении ущерба разработке военных ракет из-за увлечения космическими ракетами. В своем рассказе фон Браун представал человеком, преданным науке и противником СС и нацистов. Он умолчал о том, что имел чин майора в СС, и поэтому у Гиммлера были все основания рассчитывать на проявление лояльности с его стороны.

Фон Браун также писал: «До нас доходили слухи о жестокостях в концлагерях. Поначалу в них было невозможно поверить». Он не упомянул, что не понаслышке знал концлагерь «Дора», поставлявший рабочую силу для изготовления «Фау-2».

Ученый сообщал о том, как его поздравляли, когда «Фау-2» стали боевым оружием: «Вы можете гордиться своими “Фау-2”. Это наше единственное оружие, которое противник не может остановить. Они бьют по Лондону каждый день». По утверждению фон Брауна, он ответил: «Это удачная ракета, но мы запускаем ее не на ту планету».

Фон Браун подробно описал, как Советский Союз захватил завод «Миттельверк» и нанял немецких специалистов для управления им. Однако он не упомянул, что члены его ракетной группы вместе с СС руководили этим заводом во время войны и что они использовали рабский труд узников лагеря «Дора».

Путешествуя по миру и упиваясь славой, пришедшей к нему после запуска «Эксплорера-1», в начале сентября 1959 года фон Браун оказался в Лондоне. Английский репортер спросил его: «Как вы теперь относитесь к своей работе во время войны и к последствиям, которые она имела для моей страны?»

Фон Браун ответил: «Я очень сожалею, что наука была использована во зло, но старая английская поговорка гласит: “Права моя страна или нет, но это моя страна”, и это относится также и к Германии». Позднее в этой поездке он был больше склонен к раскаянию, когда говорил о результатах налетов «Фау-2» на Лондон. «Лондон всегда был моим любимым городом, — говорил он. — Я сожалею о случившемся».

Постепенно менялся круг людей, близких фон Брауну. В 1959 году его учитель и один из создателей современной науки о ракетах, Герман Оберт, вернулся в Германию. Там он и его жена жили на скромную учительскую пенсию. Оберт работал на американскую армию только четыре года, и его адвокаты в США не смогли добиться подходящей пенсии или стипендии, которая позволила бы ему остаться. Второго июня 1960 года жена Вернера фон Брауна Мария родила их третьего ребенка, которого они назвали Питер Константин. Те, для кого, как для Оберта, космический полет был фантазией, сходили со сцены, а рождались те, для кого он станет обыденным делом.

Известность заманчива. При умелом с ней обращении слава переходит в легенду, а потом в бессмертие. Вернер фон Браун знал, что нигде этот переход не умеют делать лучше, чем на фабрике грез в Голливуде. Разумеется, при этом за драматичность сюжета приходится расплачиваться исторической точностью.

В начале 1959 года студия «Коламбия пикчерз» активно работала над фильмом, основанным на событиях из жизни фон Брауна и получившим название «Я стремлюсь к звездам». Фильм должен был сниматься при содействии самого фон Брауна и его работодателя, американской армии. Работа над картиной

вскоре превратилась в битву между голливудским представлением о художественном творчестве и армейским пониманием исторической точности и политической целесообразности.

Продюсер фильма Чарльз Шнир 14 апреля представил первый вариант сценария Гордону Харрису, офицеру из Хантсвилла, ответственному за информирование общественности. Некоторое время рукопись ходила между ними туда и обратно, по мере того, как Харрис делал на ней замечания, которые, по его мнению, должны были улучшить ее. У Шнира было свое понимание того, как следует представить эту историю, не всегда соответствовавшее пожеланиям военных.

С неизбежностью возникали личные конфликты. Режиссер фильма Ли Томпсон рассказывал: «Мы с фон Брауном невзлюбили друг друга с первого взгляда. Спустя некоторое время он мне уже почти понравился, почти, но не совсем». Томпсон был англичанином, и на его отношение к фон Брауну могли повлиять воспоминания о «Фау-2», падавших на Лондон.

Работа над фильмом, отягощенная грузом личных конфликтов и не очень удачным сотрудничеством с армией, была все же завершена. В июне 1960 года начальник информационной службы сухопутных войск устроил частный показ фильма для высших правительственных чиновников, включая министра обороны, министра сухопутных войск, начальника штаба сухопутных войск и еще ряд представителей исполнительной власти.

Сенаторы от Алабамы Листер Хилл и Джон Спаркмен совместно с корпорацией «Коламбия пикчерз» организовали для сенаторов и членов Палаты представителей предварительный просмотр фильма, основанного на биографии любимого приемного сына

Алабамы. Просмотр был назначен на 17.30 во вторник 21 июня 1960 года в зале заседаний нового здания Сената. Роль Вернера фон Брауна исполнял обладавший тевтонской внешностью Курт Юргенс, белокурый, суровый и спокойный. Юргенс и другие актеры, занятые в фильме, обычно исполняли характерные роли и не были звездами первой величины.

Медленно погас свет, и на экране появились титры фильма. Фильм рассказывал историю жизни фон Брауна с того дня, когда он впервые заинтересовался ракетами и до запуска искусственного спутника Земли. Те, кто знал фон Брауна, восприняли фильм так, как он этого заслуживал — как вымысел, рассчитанный на драматический эффект. Особенно надуманной и нелепой была побочная романтическая сюжетная линия: секретарша фон Брауна на Пенемюнде, изображенная английской шпионкой, и американский журналист, делающий себе имя на критике фон Брауна за сотрудничество с нацистами. Настоящая секретарша фон Брауна, которая никогда не была шпионкой и вышла замуж за одного из ученых, приехавших в США по проекту «Пейперклип», была очень расстроена. Когда снова зажегся свет, аудитория вежливо зааплодировала фильму и фон Брауну. Фон Браун смешался с толпой и принимал поздравления на приеме, последовавшем за просмотром фильма. Покидая прием, он дал понять своему другу и биографу Эрику Бергаусту, что фильм ему не понравился. Это не была история его жизни, это не был миф, который он сам сотворил, это был голливудский вымысел.

Официальная премьера фильма «Я стремлюсь к звездам» состоялась в Вашингтоне три месяца спустя, 28 сентября 1960 года. Это был благотворительный сеанс, организованный с целью обеспечения жильем вдов армейских офицеров. На премьере присутство-

вала Мейми Эйзенхауэр, бывшая замужем за отставным офицером, а также начальник штаба сухопутных войск генерал Джордж Декер. Присутствовал и Вернер фон Браун, старавшийся максимально использовать ситуацию, хотя фильм ему и не нравился.

Критикам он тоже не понравился. Журнал «Тайм» был откровенен в своей оценке картины и ее художественных достоинств:

Он (фильм) взрывается нечленораздельным потоком пошлостей о забвении научным сообществом своего морального долга. Создатели фильма, вероятно опасаясь возможной общественной реакции на нацистское прошлое фон Брауна и разделяемую им ответственность за атаки «Фау-2» на Лондон, перестарались, подчеркивая его вину. В результате этого герой выглядит жизнерадостным соучастником массовых убийств, любезным фанатиком, для которого важны только ракеты и которому наплевать на людей, которых они убивают. В конце фильма безразличие фон Брауна к вопросам морали сомнительным образом оправдывается научными достижениями этого гениального человека. У фон Брауна, вероятно, есть основания для иска за клевету, но лучше всего для него было бы проигнорировать фильм. Это же можно посоветовать каждому.

Фильм «Я стремлюсь к звездам» оказался также громоотводом для политических протестов. Жители Нью-Йорка вышли на улицы в знак протеста против него. В Лондоне люди, помнившие ужас, который «Фау-2» принесли в город в 1944 и 1945 годах, также выставили против него пикеты. В Антверпене, на который упало свыше 1200 ракет «Фау-2», больше, чем на всю Англию, городские власти просто запретили показ фильма.

Американская армия, долгое время сохранявшая свой контингент войск в Германии, постаралась подде-

ржать фильм. Директива из штаба сухопутных войск, посланная в Гейдельберг, гласила: «Фильм “Я стремлюсь к звездам” создавался при полной поддержке министерства сухопутных войск. Желательно оказать фильму поддержку, включая показ в вестибюлях кинотеатров, встречи с военными и гражданскими деятелями и организацию рекламы». На немцев все это не произвело впечатления. В Мюнхене фильм был освистан левыми, оскорбленными демонстрацией американских ракет.

Для подростков, которые хотели большего, чем смутное воспоминание о субботнем сеансе, компанией «Делл комикс букс» была издана версия фильма в виде комиксов. Эта версия жизни фон Брауна, повторявшая выдумки фильма, была скучной, претенциозной и безобидной, что вполне соответствовало ее цене в 10 центов.

После короткого и маловпечатляющего показа в кинотеатрах фильм благополучно исчез из виду. Миф о жизни фон Брауна, который он так тщательно создавал, был похищен Голливудом и превращен в банальный вымысел. Для Вернера фон Брауна создание его кинобиографии, прошедшее в соответствии с американской традицией конституционных гарантий свободы самовыражения, стало унижительным опытом.

Вызов на соревнование за Луну

Мы собираемся полететь на Луну в этом десятилетии и решить другие задачи не потому, что это легко, а потому, что это трудно, потому, что эта цель поможет нам собрать воедино и оценить наши силы и опыт, потому, что тем самым мы принимаем вызов на соревнование, которое мы не хотим откладывать и которое мы собираемся выиграть.

Президент Джон Кеннеди

Америка лучше всего справляется именно с трудными задачами. Мы очень изобретательны в трудных ситуациях.

Б. Олдрин

После успеха «Эксплорера-1» Вернер фон Браун познакомился с лидерами Соединенных Штатов, точно так же, как он познакомился с лидерами нацистской Германии после первого успешного запуска А-4. Чтобы поднять ракеты с земли, требовалась сила, в частности политическая. В Германии фон Браун и его группа использовали армию, Гиммлера, СС и самого Гитлера. Когда ракеты и исследование космоса

стали приоритетными целями Соединенных Штатов, фон Браун рассчитывал на поддержку президентов Дуайта Эйзенхауэра, Джона Кеннеди и Линдона Джонсона. Хотя фон Браун никогда не был по-настоящему своим среди власть имущих, со многими из них у него сложились хорошие личные отношения.

Президента Эйзенхауэра обычно считают мало интересующимся космическими исследованиями и ничего в них не понимающим. Видимое отсутствие интереса к космосу имело своим основанием два его желания: ограничить власть военно-промышленного комплекса, против которой он предостерегал, покидая свой пост, и сохранить баланс федерального бюджета; обе эти концепции его страна отказалась принять. Хотя Эйзенхауэр не сразу осознал политическое значение космоса, он быстро наверстал упущенное и оставил неизгладимый след в космической программе Соединенных Штатов. Он поддерживал ее, сохраняя равновесие между энтузиазмом и финансовой осторожностью, признавая при этом заслуги фон Брауна и его роль лидера.

По-видимому, впервые фон Браун встретился с Эйзенхауэром на торжественном обеде в Белом доме в честь успешного запуска «Эксплорера-1» 4 февраля 1958 года. Среди гостей были Уильям Пикеринг, Джеймс Ван Аллен, генерал Кертис Лемэй. Форма одежды мужчин включала белый галстук. Фон Браун приехал в Вашингтон с взятым напрокат смокингом, к которому, как он обнаружил, прилагался черный галстук. Фон Браун позвонил пресс-секретарю Эйзенхауэра Джеймсу Хагерти, и тот сказал ему, что белый галстук будет ждать его в Белом доме. Наконец, прибыв в Белый дом, фон Браун повязал белый галстук. Президент Эйзенхауэр, появившись на обеде, попросил прощения за опоздание. Он не смог найти свой

белый галстук и был несколько смущен из-за того, что был вынужден повязать вместо него черный.

Вернер фон Браун снова встретился с Эйзенхауэром в Вашингтоне 17 января 1959 года, когда президент вручал ему медаль «За выдающиеся заслуги» — высшую награду для гражданских служащих. Фон Браун воспользовался случаем, чтобы заявить журналистам, что его группе в Хантсвилле не мешали бы еще 50–60 миллионов долларов. Фон Брауну и его ракетостроителям всегда не хватало денег. Как обычно, ученый был убедителен, но Эйзенхауэр на этот раз не поддался.

Президент и его администрация стали поддерживать дальнейшие шаги в исследовании космоса с начала 1958 года, когда Управление по перспективным исследовательским проектам министерства обороны пригласило фон Брауна, чтобы обсудить возможный лунный проект.

В качестве первого шага фон Браун предложил построить большую ракету-носитель путем объединения в блоки уже производящихся или готовых появиться двигателей. Пятнадцатого августа 1958 года Управление по перспективным исследовательским проектам выделило 10 миллионов долларов на ракету-носитель, основанную на блоке из 8 двигателей «Юпитер».

Ранее, 2 апреля 1958 года, президент Эйзенхауэр направил конгрессу послание, в котором предлагал создать гражданское космическое ведомство. Через четыре месяца, 21 июля, было санкционировано создание Национального управления по авиации и исследованию космического пространства (НАСА). Ядром новой организации стал существовавший ранее Национальный консультативный комитет по авиации. Двадцатого августа Эйзенхауэр отнес пилотируемые космические полеты к компетенции

НАСА. Первого октября НАСА начало свое официальное существование и приступило к работе. Через неделю НАСА организовало проект «Меркурий». Целью его был вывод на орбиту космического аппарата с человеком на борту. Восьмого января 1959 года НАСА попросило сухопутные войска предоставить ракеты-носители, построенные на основе надежных ракет «Редстоун», для первых суборбитальных полетов астронавтов.

В то время как Эйзенхауэр создавал НАСА, фон Браун и его группа оказались сначала забытыми. И только 21 октября 1959 года Эйзенхауэр издал указ о передаче в ведение НАСА Отдела конструкторских работ УБРСВ в Редстоуне. Центр космических полетов имени Дж. Маршалла начал свою работу 1 июля 1960 года. Армия потеряла, а НАСА приобрело 4670 гражданских служащих и 7,4 км² земли Редстоунского арсенала, управление которыми было поручено фон Брауну. Менее чем за 15 месяцев фон Браун и его группа при поддержке президента Эйзенхауэра перешли от подготовки к запуску первого американского спутника к работе над программой пилотируемых космических полетов.

Став первым директором Центра космических полетов имени Дж. Маршалла, фон Браун имел в подчинении гражданских служащих, а также распоряжался землей и техническим оборудованием Центра. Управлять Центром ему помогали доктор Эберхард Рес, заместитель по научно-исследовательским и опытно-конструкторским разработкам, работавший с ним начиная с Пенемюнде, и заместитель по административной работе Делмар Моррис, ранее трудившийся в Комиссии по атомной энергии. Директорами десяти технических лабораторий были: доктор Эрнст Гайслер, аэробаллистика; доктор Хельмут Хецлер,

расчеты; Ганс Маус, технология изготовления компонентов и их сборка; доктор Вальтер Хойсерманн, наведение ракет и управление ими; доктор Курт Дебус, запуск ракет; доктор Эрнст Штулингер, исследовательские проекты; Уильям Мразек, конструкции и механизмы; Эрих Нойберт, системный анализ и надежность; Ганс Хютер, снаряжение средств обслуживания; Карл Хаймбург, испытания. Ганс Хютер, кроме того, руководил проектами «Аджена» и «Центавр». Эберхард Рес и каждый из технических директоров были вместе с фон Брауном со времени совместной работы на гитлеровский Третий рейх.

Вместе с передачей Отдела конструкторских работ УБРСВ в Редстоуне в ведение НАСА армия стала передавать и соответствующие документы. Разведка сухопутных войск отправила данные о Вернере фон Брауне руководителю службы безопасности Центра космических полетов имени Дж. Маршалла. Вместе с делами поступила директива от помощника начальника штаба по делам разведки, в которой говорилось:

Эти документы должны сохранять гриф «совершенно секретно» и не должны стать доступными для всех в обозримом будущем.

Эти материалы содержат компрометирующую информацию об одном из наиболее важных для нас немецких ученых, иммигрировавших в Соединенные Штаты после Второй мировой войны. Материалы требуют высокой степени защиты в интересах национальной обороны, в особенности потому, что они содержат оценку угрозы национальной безопасности, связанной с иммиграцией этого ученого. Несанкционированное раскрытие этой информации нанесло бы значительный вред реализации программы иммиграции иностранных ученых для работы на оборону нашей страны.

Грязные секреты фон Брауна были надежно защищены, пока принявшая его страна все еще нуждалась в нем.

Восьмого сентября 1960 года президент Эйзенхауэр прибыл в Хантсвилл, чтобы торжественно открыть Центр космических полетов имени Дж. Маршалла, названный в честь человека, под чьим командованием президент служил во время Второй мировой войны. После того как речи были произнесены, фон Браун провел для президента экскурсию, во время которой основное внимание было уделено новой ракете-носителю «Сатурн-1». Когда они подошли к стенду, на котором «Сатурн-1» проходил испытания, фон Браун пригласил Эйзенхауэра подняться на лифте на третий уровень, чтобы взглянуть поближе на ракетные двигатели. Команда из секретной службы, инспектировавшая вышку, нашла ее в лучшем случае неэстетичной, а в худшем — слишком скрипучей, чтобы ею мог воспользоваться президент. Эйзенхауэр взглянул на начальника команды, ожидая его решения. Тот молча покачал головой. Тогда президент повернулся к фон Брауну и сказал: «Да, пожалуй, я бы взглянул».

Сотрудники секретной службы беспомощно наблюдали, как они поднимаются. Внизу остались и чиновники из НАСА, у которых безнадежно срывался график визита.

Фотографии, сделанные в этот день, запечатлели обычно серьезного Эйзенхауэра добродушным и веселым. Он был явно доволен визитом и считал создание гражданского Центра космических полетов имени Дж. Маршалла успехом своей администрации.

В то время как заканчивался второй президентский срок Эйзенхауэра, два честолюбивых политика

соревновались за право занять его пост. Ричард Никсон был вице-президентом Эйзенхауэра и разделял с ним успехи и неудачи его администрации. Джону Кеннеди не нужно было ничего защищать, он критиковал недостатки администрации Эйзенхауэра и обнаружил, в частности, что Соединенные Штаты отставали от Советского Союза в области военного использования ракет. Ему помог в этом министр обороны Мак-Элрой, предсказавший в 1959 году, что в начале 1960-х годов у Советского Союза будет в три раза больше межконтинентальных ракет, чем у Соединенных Штатов. Демократы, и в частности Кеннеди, превратили этот «ракетный отрыв» в элемент избирательной кампании. По ходу кампании термин «ракетный отрыв» стал включать в себя ракеты средней и малой дальности и развитие ракетной техники вообще. Разумеется, нет способа определить, как сильно повлияла проблема ракетного отрыва на исход голосования, и повлияла ли вообще. Существовал ли такой отрыв в действительности, также трудно судить, так как термин быстро утратил свой конкретный смысл.

Джон Кеннеди вступил в должность президента США 20 января 1961 года. Информация, появившаяся после этого, свидетельствовала, что Советский Союз, вероятно, имел преимущество в общем количестве баллистических ракет. Однако количество ракет у каждой из сторон было незначительно по сравнению с общей способностью доставлять ядерные бомбы. Тем не менее в начале 1961 года казалось, что ракеты будут давать в будущем стратегическое преимущество. Кеннеди не хотел уступать такое преимущество Советскому Союзу. Его администрация собиралась обеспечить производство новых ракет.

В то время как президент Кеннеди еще нащупывал кнопки управления страной, его советские противники Никита Хрущев и Сергей Королев двигались дальше в исследовании космоса. Двенадцатого апреля 1961 года космический корабль «Восток-1» конструкции Королева поднял в космос Юрия Гагарина. Сделав один виток, ракета успешно приземлилась. Прежде чем Кеннеди успел что-то сделать для восстановления утерянной гордости нации, уже начало разворачиваться другое, бездарно задуманное предприятие, которое изменило весь дальнейший ход событий.

Вслед за стратегической победой Джона Кеннеди на выборах 1960 года последовала тактическая неудача, связанная с сомнительной поддержкой вторжения на Кубу в бухте Кочинос 17 апреля 1961 года. Вторжение, спланированное ЦРУ, было цепью ошибок и закончилось для нападавших гибелью или сдачей в плен. Кеннеди проглотил унижение, публично приняв на себя ответственность за фиаско и поклявшись самому себе никогда не доверять бюрократам.

Еще не исчезли следы крови на берегу бухты Кочинос, как президент вновь обратил внимание на космические дела.

Полет Юрия Гагарина вокруг Земли обеспечил Советскому Союзу призы за первый полет человека в космос и за первый орбитальный полет. Соединенные Штаты могли бы претендовать лишь на скромную роль участника гонки, если бы не сумели поставить более грандиозную цель, в достижении которой у них был шанс стать первыми.

Двадцатого апреля Кеннеди послал меморандум на пяти страницах вице-президенту Линдону Джонсону, которого он назначил председателем Национального

совета по космическим исследованиям. В меморандуме Кеннеди просил Джонсона дать оценку нынешнего состояния и целей космических исследований. В частности, Кеннеди спрашивал: «Можем ли мы обойти Советский Союз, запустив в космос лабораторию, или облетев вокруг Луны, или посадив ракету на Луну, или отправив ракету с человеком на борту для полета на Луну и обратно? Есть ли еще какая либо космическая программа, которая обещает впечатляющий результат и в которой мы можем быть первыми?»

Линдон Джонсон, бывший лидер сенатского большинства, стремился найти цель для приложения своих сил в рамках новой администрации, поэтому он с энтузиазмом взялся за космическую инициативу. В ответ на свой запрос он получил докладную записку от фон Брауна, в которой излагалась точка зрения руководства НАСА. Она состояла в том, что большие ракеты-носители Советского Союза обеспечат ему преимущество в области пилотируемых полетов на несколько ближайших лет. Однако если Соединенные Штаты решат приступить к строительству больших ракет-носителей, у них будет отличный шанс победить СССР в соревновании и первыми осуществить посадку корабля с экипажем на Луну. Это, как добавил фон Браун, может произойти в 1967 или 1968 году.

Через четыре дня после того, как Джонсон получил записку Кеннеди с просьбой об оценке космической программы, он собрал совещание, на которое пригласил Джеймса Уэбба, назначенного президентом Кеннеди на пост администратора НАСА, Джерома Уизнера, советника президента по науке, и нескольких близких друзей, чье мнение он ценил. Джонсон также попросил представителей сухопутных войск, военно-морского флота и НАСА представить свои предложения. Вернер фон Браун выступал от имени

НАСА. После выступлений Джонсон провел обсуждение, а затем призвал к действию.

По словам Джерома Уизнера, «Джонсон прошелся по комнате и сказал: “Мы должны принять очень важное решение: пошлем мы человека на Луну или нет?” Каждый ответил “да”. Джонсон сказал: “Благодарю вас” — и доложил президенту, что совещание специалистов решило, что нам следует послать человека на Луну». И Уизнер, и администратор НАСА Уэбб были смущены тем, что Джонсон призвал к действиям без однозначного консенсуса между специалистами, но они не могли сказать президенту, что тот должен сдать Луну Советскому Союзу.

В то время как Кеннеди разбирался с последствиями событий в бухте Кочинос, появились хорошие новости, компенсировавшие неудачи начального периода работы его администрации. Результаты опроса общественного мнения, сделанного Институтом Гэллапа, показали, что 82 процента американцев поддерживают Кеннеди, несмотря на кубинское фиаско.

Через два дня, 5 мая, Кеннеди и американский народ услышали еще одну хорошую новость: капитан первого ранга ВМФ Алан Шепард стал первым американцем, поднявшимся в космос. По оценкам, 100 миллионов человек слушали радио и смотрели по телевизору, как белая ракета «Редстоун» с Шепардом, упрятанным в маленькую капсулу «Меркурий» на ее носу, медленно поднималась над площадкой на мысе Канаверал. Ракета бросила «Меркурий» в полет по дуге, так что он поднялся на высоту 184 км над землей и улетел на 483 км от места запуска. Через 15 минут после старта капсула вместе с находившимся в ней астронавтом плавно опустилась на парашюте в море. Полет стал триумфом для Алана Шепарда, НАСА,

Соединенных Штатов и, разумеется, для Вернера фон Брауна и его группы в Хантсвилле, создавших ракету «Редстоун» в качестве орудия войны.

Двадцать пятого мая 1961 года президент Кеннеди обратился к конгрессу по вопросу о «насущных потребностях страны». Для Кеннеди, неудачно начавшего свое пребывание на посту президента, это было уже второе за четыре месяца послание о положении страны. Как многие еще помнят, насущная потребность существовала тогда в последовательной космической программе.

Я считаю, что наша страна должна поставить себе цель еще до окончания этого десятилетия обеспечить посадку человека на Луну и безопасное возвращение его на Землю. Никакой другой космический проект не будет более впечатляющим для всего мира или более важным для долгосрочного исследования космоса, и никакой другой не будет столь дорогостоящим и трудным для выполнения. В определенном смысле не один человек, а вся нация отправится к Луне, потому что все мы должны работать для того, чтобы послать его туда.

Обозначив необходимость «лунного» проекта, Кеннеди стал покровителем космической программы Соединенных Штатов. США должны были продемонстрировать свое превосходство над Советским Союзом в космосе, поскольку сделать это на поле боя было невысказано. Целью программы был национальный престиж, а не научные исследования. Когда Луна будет достигнута и престиж в космосе будет налицо, цель программы уже не будет столь убедительной, и поддержка со стороны нации уменьшится. Но весной 1961 года это не было проблемой для Кеннеди.

В своем втором послании о положении страны Кеннеди представил в качестве насущных потребностей также (хотя об этом уже забыли) расширение военной программы (как будто это могло исправить ошибку, сделанную в бухте Кочинос), а также создание всеобъемлющей программы гражданской обороны. По словам Кеннеди, «мы сможем удержать противника от ядерного нападения только в том случае, если наши силы возмездия будут столь могучи и неуязвимы, что враг осознает неизбежность своей гибели от нашего ответного удара». Хотя президент не уточнял природу «сил возмездия», в 1961 году это было синонимом ракет с ядерным зарядом. Кеннеди продолжал:

Но эта концепция сдерживания предполагает рациональный расчет разумных людей. Гражданская оборона оправдана как средство защиты населения в случае ошибочного расчета врага. Не следует медлить с началом работы над национальной долгосрочной программой по оценке вместимости имеющихся укрытий и созданию укрытий в новых и уже существующих сооружениях. Такая программа защитила бы миллионы людей от радиоактивных осадков в случае широкомасштабного ядерного нападения.

С точки зрения Кеннеди, при должной подготовке Америка смогла бы пережить ядерную войну, как пережила Англия атаки «Фау-2» во время второй мировой войны.

Похожие мысли, по-видимому, приходили в голову и лидерам Советского Союза. Судя по слухам и донесениям, СССР уже начал широкую программу создания укрытий от радиоактивных осадков. Как советские люди полагались на свои укрытия, можно судить по шутке, которая была распространена в то время.

Вопрос: Что делать, если падает атомная бомба?

Ответ: Надо накрыться простыней и медленно ползти на ближайшее кладбище.

Вопрос: Почему медленно?

Ответ: Чтобы не сеять панику.

По-видимому, оптимизм американцев нашел свое отражение в том, что избранные ими конгрессмены были более склонны расходовать миллиарды на путешествие на Луну, чем на норы для укрытия от самоубийственной войны. В своем послании Кеннеди не сказал конгрессменам, во сколько обойдется стране его космическая программа, но чиновники из НАСА, представившие информацию Комиссии конгресса по науке и космосу, назвали оценочные цифры от 20 до 40 миллиардов долларов. Конгресс согласился с предложением, и НАСА произвело на свет программу «Аполлон».

В то время как Соединенные Штаты собирались создать ракету-носитель, равную по своим возможностям советским аналогам, СССР пытался построить МБР, которая не уступала бы американскому оружию. Одна из таких попыток привела к трагическому результату и имела далеко идущие последствия.

Созданная Королевым ракета Р-7 была надежной рабочей лошадкой для запуска спутников, но она оказалась плохой МБР. Только четыре ракеты Р-7 были размещены в военном центре в Плесецке, и они представляли собой относительно малую силу для сдерживания врагов Советского Союза. Чтобы закрыть эту брешь, Советский Союз ускорил разработку другой МБР, сконструированной одним из соперников Королева Михаилом Янгелем.

Янгель родился в Сибири, по происхождению он был немцем и, согласно одному из отчетов, во время войны с целью разведки внедрился в группу фон Брауна на Пенемюнде. Янгель сконструировал новую МБР — Р-16, которая должна была пройти испытания на космодроме Байконур под руководством маршала артиллерии Митрофана Неделина, главнокомандующего стратегическими ракетными войсками.

Что случилось на пусковой площадке в понедельник 24 октября 1960 года, наверно, никогда не станет известно во всех подробностях, но правдоподобным выглядит сценарий, составленный американским исследователем советской космической программы Джеймсом Обергом.

«По-видимому, из-за неполадок вечером был остановлен обратный отсчет времени. Маршал Неделин, пренебрегая основными требованиями техники безопасности, отправил пусковую команду к ракете для ликвидации неисправностей и сам присоединился к ней. Из-за возникшей на такой поздней стадии проблемы Янгель занервничал и зашел в укрытие покурить. Примерно в 18.45 случилось нечто ужасное. Произошло зажигание второй ступени ракеты Р-16, которая захлестнула пламенем первую ступень, платформу и пусковую площадку. Люди мгновенно превратились в живые факелы. Пламя быстро прожгло баки первой ступени, и топливо хлынуло на пусковую площадку. Оно не взорвалось, а стало растекаться повсюду огненной волной. Океан пламени поглотил тех, кто пытался спастись бегством.

Когда пепелище остыло, на пусковой площадке и рядом с ней подобрали 165 обгоревших тел. Среди погибших был маршал Неделин; конструктор Янгель остался жив. Жертвы трагедии Р-16 были похоронены тайно. Было объявлено, что маршал Неделин

погиб 25 октября в авиакатастрофе. Советский Союз скрывал неудачи и трагедии от своего народа и от всего мира».

Испытания ракеты Р-16 продолжались весь 1961 год, но шли они плохо. В начале 1962 года США, считавшие себя уязвимой стороной в ракетном дисбалансе, начали дислоцирование МБР «Атлас», тем самым ставя Советский Союз в стратегически невыгодное положение. Чтобы восстановить баланс сил (или страха), Хрущев начал обдумывать возможное использование Кубы для размещения советских МБР.

В конце 1961 года благодаря своей должности директора Центра космических полетов имени Дж. Маршалла Вернер фон Браун стал весьма могущественным бюрократам, если не политиком. Он контролировал 40 процентов бюджета НАСА, предназначенного для космических исследований. Хью Драйден, заместитель администратора НАСА, испытывал потребность поставить фон Брауна на место, когда думал о деньгах, которыми тот распоряжается. В 1961 году на симпозиуме, организованном Американским ракетным обществом, Драйден упрекнул фон Брауна в больших затратах на космос, сказав при этом, что «до сих пор мы получили взамен лишь какие-то большие сооружения в Редстоуне и на мысе Канаверал и какой-то шум в окрестностях Хантсвилла».

Ответ фон Брауна был примером умения добиться преимущества в любой ситуации.

Теперь мы много читаем о необходимости срочной космической программы. Я полагаю, следует уяснить, что космическая программа рассчитана на длительный срок. Как сказал доктор Драйден, бюджет этого года является лишь взносом на строительство, которое будет продолжаться годы. Нашей стране нужна не срочная

программа, а постоянные усилия в течение многих лет. Мы были бы гораздо более довольны не срочной программой, а программой, основанной на прочной общественной поддержке в течение, по меньшей мере, ближайших десяти лет.

Фон Браун просил о поддержке точно так же, как Кеннеди просил у нации поддержать идею послать человека на Луну до конца десятилетия. Оба они получили то, о чем просили.

На фон Брауна была возложена ответственность за поставку для НАСА больших ракет-носителей, построенных с использованием технологических достижений последнего десятилетия. Конструкции ракет теперь стали прочнее и легче. Камеры сгорания делались не из сплошной стали, а из металла, пронизанного трубопроводами. Ракетное топливо перед впрыскиванием в двигатель протекало по этим трубам. Такая конструкция приводила к охлаждению двигателя и значительному его облегчению. Более легкие двигатели и общее облегчение конструкций ракет позволили увеличить полезный груз. Фон Браун и его группа использовали все эти новшества при проектировании ракеты «Сатурн-1». На первой ступени этой ракеты были установлены восемь модифицированных двигателей «Юпитер», которые создавали совокупную тягу 680 т. Ракета «Сатурн-1» весила 748 т, имела высоту 38,1 м и могла забросить на орбиту полезный груз 10 т. Она, в основном, использовалась для испытания компонентов, предназначенных для «лунной» программы, но, кроме того, вывела на орбиту несколько исследовательских спутников.

Вслед за «Сатурном-1» была создана похожая, но несколько усовершенствованная ракета «Сатурн-1Б». Ее первая ступень приводилась в движение блоком

из восьми усовершенствованных двигателей «Юпитер», работавших на жидком кислороде и керосине и создававших совокупную тягу 745 т. Для второй ступени использовался один из новых двигателей J-2 на жидком водороде и жидком кислороде с тягой 115 т. Ракета «Сатурн-1Б» весила 589 т и была высотой 68 м. Хотя ее мощность позволяла вывести на орбиту 16 т, она была недостаточно мощной для доставки корабля значительных размеров на Луну.

Группа Вернера фон Брауна задумала, вслед за «Сатурном-1» и «Сатурном-1Б», трехступенчатую ракету «Сатурн-5», по сравнению с которой огромный «Сатурн-1» выглядел карликом. Ее первая ступень имела 5 новых двигателей F-1, работавших на керосине и жидком кислороде и развивавших тягу по 680 т каждый. Таким образом, совокупная тяга двигателей первой ступени ракеты «Сатурн-5» была 3401 т, то есть в пять раз больше, чем у «Сатурна-1». Вторая и третья ступени использовали двигатели J-2 на жидком водороде и жидком кислороде. По первоначальному проекту ракета «Сатурн-5» имела высоту 111 м и весила более 2700 т. Она могла доставить на орбиту груз в 140 т или послать груз в 47 т на Луну.

Фон Браун и его группа проектировали также ракету «Нова», которая по своим размерам приближалась к многоступенчатой ракете, которую фон Браун предложил в журнале «Кольерс» десятилетием раньше. Первая ступень ракеты «Нова» должна была иметь 8 двигателей F-1, создающих совокупную тягу в 6000 т, то есть почти половину от 14 000 т тяги ракеты из «Кольерс». Один из инженеров заметил, что «Нова» была бы такой тяжелой, что остров Мерритт, где находилась стартовая площадка, опустился бы в море. Помимо шума и вибраций при зажигании первой ступени, возникали и другие технические про-

блемы, которые с учетом необходимых затрат делали проект ракеты «Нова» неосуществимым. Тем не менее «Нова» внесла свой вклад в космическую программу тем, что по сравнению с ней проект «Сатурн-5» выглядел вполне реальным, и 25 января 1962 года НАСА его одобрило.

При выборе кандидатуры на пост руководителя проекта «Сатурн-5» на самом верху стопки бумаг оказались документы Артура Рудольфа. Его данные были исключительными. Рудольф занимался ракетной техникой свыше 30 лет, он был другом Вернера фон Брауна и одним из первых вошел в его группу в 1933 году. Он несколько лет возглавлял опытно-конструкторскую лабораторию на Пенемюнде и два года руководил технологическим процессом на заводе «Миттельверк», выпускавшем «Фау-2». Сведения о деятельности Рудольфа во время войны были засекречены, и о его сотрудничестве с СС и использовании рабского труда узников на его заводе давно забыли. Таким образом, Рудольф стал руководителем проекта.

Испытательный полигон на мысе Канаверал превратился в главную базу НАСА, а Курт Дебус, руководивший испытаниями ракет на Пенемюнде, стал директором полигона.

В 1962 году у НАСА были довольно точные оценки для размеров ракеты-носителя, необходимой для посылки на Луну человека (или людей, так как решение о численности экипажа еще не было принято). «Сатурн-5» выглядел наиболее подходящим вариантом, хотя было еще много деталей, требовавших доработки. Теперь перед НАСА встал вопрос о выборе стратегии, иными словами, метода полета.

После отбраковки заведомо непригодных осталось три основных сценария полета. Наиболее простым для понимания и, по мнению некоторых, для осуществления был прямой полет. При использовании этого метода нужно было построить ракету-носитель максимально возможных размеров, погрузить на нее все необходимое для пути туда и обратно и взлетать. Отдельные ступени ракеты должны были отваливаться по мере выполнения своей роли в полете. Вернер фон Браун впервые предложил прямой полет в своей книге «Первый полет к Луне».

Второй метод полета, неявно предложенный в статье фон Брауна в 1952 году в журнале «Кольерс», стал известен как метод встречи на геоцентрической орбите (ВГО). По первоначальному плану фон Брауна, сначала строится космическая станция, которая служит местом сборки корабля. В методе ВГО предварительное изготовление компонентов на земле и малая численность команды делают космическую станцию ненужной. Компоненты корабля запускаются с помощью двух или более ракет. Они сближаются на низкой околоземной орбите, и команда собирает «лунный» корабль. После сборки он вместе со всей командой стартует к Луне. Преимуществом метода ВГО было то, что он требовал меньших ракет, которые было легче построить. Недостаток этого метода заключался в том, что никто не знал, насколько реально будет осуществить сближение на орбите — после его осуществления возникли бы новые проблемы, связанные со стыковкой и сборкой корабля.

Третьим, наиболее радикальным методом полета был метод встречи на селеноцентрической орбите (ВСО). Основная концепция этого метода была разработана в принадлежавшем НАСА Исследовательском центре имени Лэнгли в Хэмптоне, штат Виргиния. По

общему мнению, Джон Хуболт постоянно проталкивал его, пока руководство НАСА не согласилось, что у метода есть свои достоинства. При использовании этого метода несколько ускоряющих ступеней поднимают корабль на околоземную орбиту, а затем выводят на траекторию, которая приводит его на окололунную орбиту. Там от корабля отделяется взлетно-посадочный аппарат с двумя астронавтами, который спускается на поверхность Луны. После осуществления посадки он взлетает и встречается с модулем, оставшимся на окололунной орбите. Двигатели этого модуля используются астронавтами для возвращения на Землю.

Главным преимуществом метода ВСО была экономия в весе, которая теоретически позволяла выполнить полет с помощью одной ракеты-носителя «Сатурн-5» на основе уже имевшихся технологий. Очевидным недостатком этого метода было то, что наиболее сложные операции должны были выполняться почти за 40 тысяч километров от Земли, и в случае аварии оказать помощь было бы невозможно. Противники метода ВСО говорили, что его использование равносильно тому, что человека сажают в самолет без парашюта и предлагают на большой высоте перейти в другой самолет. Сторонники же метода проводили аналогию с кораблем, спускающим шлюпку для экскурсии на берег.

Преимущества и недостатки трех методов были, разумеется, чисто теоретическими, поскольку корабли еще не были построены и не было попыток проведения ни одной из предстоящих операций, за исключением выхода на околоземную орбиту и возвращения с нее. Однако у каждого метода были сторонники. Вернер фон Браун вначале предпочитал прямой полет из-за его простоты и последовательности в раз-

работке необходимого оборудования. В конце 1950-х годов, когда стали более понятными возникающие технические проблемы, фон Браун и его группа в Центре космических полетов имени Дж. Маршалла стали поддерживать метод встреч на геоцентрической орбите. Только что созданный Центр пилотируемых космических полетов в Хьюстоне предпочитал метод ВСО. В хьюстонском центре работали родившиеся в Америке и никак не связанные с фон Брауном молодые люди, которые хотели, чтобы максимально было использовано подготовленное ими оборудование.

К весне 1962 года большинство специалистов в НАСА отказались от прямого полета, и конкурирующими методами стали ВГО и ВСО. Чтобы окончательно решить этот вопрос, руководство НАСА поручило двум наиболее заинтересованным группам провести техническую экспертизу конкурирующих методов, причем Центр пилотируемых космических полетов в Хьюстоне должен был дать оценку метода ВГО, а возглавляемый фон Брауном Центр имени Дж. Маршалла в Хантсвилле должен был проанализировать метод ВСО. Не было ничего удивительного в том, что группы не могли достигнуть консенсуса.

Чтобы найти выход из тупика, хьюстонская группа прибыла в Хантсвилл в надежде убедить фон Брауна и его группу в преимуществах метода ВСО. Встреча двух групп произошла в конференц-зале, находившемся рядом с кабинетом фон Брауна на десятом этаже штаб-квартиры Центра космических полетов имени Дж. Маршалла. После того как все выступили, фон Браун поблагодарил гостей из Хьюстона и дал высокую оценку проведенному ими анализу, но не принял окончательного решения.

Инженеры из Хьюстона снова приехали в Хантсвилл 7 июня 1962 года, чтобы ознакомиться с вывода-

ми, сделанными сотрудниками фон Брауна. В течение шести часов члены группы фон Брауна в своих выступлениях защищали метод ВГО. Когда они закончили, слово взял фон Браун.

«Господа, сегодняшний день был очень интересным, и, я считаю, мы хорошо поработали, но теперь я хотел бы изложить точку зрения Центра». К всеобщему удивлению, фон Браун сделал вывод, что хотя полет на основе метода ВГО вполне возможен, все же метод ВСО «дает наибольшую уверенность в успешном выполнении полета в течение десятилетия». Фон Браун решил, что важнее достичь Луны так быстро, как это только возможно, чем выиграть сражение за метод полета.

Хотя НАСА в то время поддерживало метод ВСО, не все в администрации Кеннеди были с ним согласны. Советник президента по науке Джером Уизнер с самого начала поддерживал метод прямого полета, и исчерпывающий анализ, проделанный в Центре имени Дж. Маршалла, в Хьюстоне и в штаб-квартире НАСА, не изменил его мнения. Разногласия достигли критической точки 11 сентября 1962 года, когда президент Кеннеди посетил Центр космических полетов имени Дж. Маршалла вместе со свитой, в которую входили вице-президент Линдон Джонсон, министр обороны Роберт Макнамара, администратор НАСА Джеймс Уэбб и советник президента по науке Джером Уизнер.

В большом здании для сборки ракет, которое казалось маленьким из-за размеров строившейся ракеты «Сатурн-1», президент и его спутники слушали фон Брауна, объяснявшего с помощью большой схемы метод ВСО.

Кеннеди, который ничего не принимал на веру, сказал: «Насколько я понимаю, доктор Уизнер не

согласен с этим». Поискав взглядом своего советника в толпе бюрократов, репортеров и специалистов по ракетам, он громко спросил: «Где Джерри?»

Уизнер вышел вперед и произнес: «Да, это так. Я считаю, что прямой полет лучше». Он начал излагать свои доводы, и спор начался. Уизнер приводил одно за другим свои возражения, которые представляли метод ВСО плохо спланированным и базирующимся на сомнительных предположениях. Фон Браун, недавно ставший сторонником метода ВСО, столь же энергично отстаивал его преимущества. Присутствовавшие репортеры старательно делали записи, они получили тему для своих статей.

Послушав несколько минут аргументы, которых, вероятно, не понимал, Кеннеди остановил дискуссию. Он сказал администратору НАСА Джеймсу Уэббу: «Мистер Уэбб, вы руководите НАСА, вам и решать». Поскольку Уэбб был в этой дискуссии на стороне фон Брауна, решение в пользу метода ВСО было предопределено.

В этот же день фон Браун и его сотрудники пригласили Кеннеди на испытания ракеты «Сатурн-1» в статическом режиме. Все стояли в укрытии за 600 м от испытательного стенда, когда ракета высвободила 680 т тяги. В течение 30 секунд она изрыгала огонь, дым и гром. Кеннеди чувствовал жар ракеты, ее мощь стучала в его груди, и он знал, что его страна может долететь до Луны.

Технологическая революция принесла с собой множество новых проблем, касающихся общественного устройства в масштабах планеты. Фактически, большинство нынешних политических проблем являются прямым следствием технологической революции. Никто не слышал о капитализме, социализме и коммунизме до изобретения паровой машины.

Вернер фон Браун

«Холодная война» между демократическим Западом с Соединенными Штатами в качестве признанного лидера и коммунистическим Востоком, находившимся под контролем Советского Союза, тянулась полтора десятка лет, пока не привела к потенциально смертельной конфронтации на острове Куба в Карибском море. Подлость и глупость, проявленные обеими сторонами, поставили мир на грань ядерной войны и гибели цивилизации. Вернер фон Браун внес важнейший вклад в создание источников кризиса, хотя во время кризиса о нем практически никто не слышал. Он же извлек из создавшегося положения выгоду.

Летом 1962 года беженцы с Кубы, где 1 января 1959 года победила революция под руководством Фиделя Кастро, стали рассказывать о происходящих на их родине переменах. Значительно возросло число советских судов, прибывающих в кубинские порты. В страну прибыло много гражданских лиц, по-видимому технических специалистов. Некоторые беженцы рассказывали о колоннах грузовиков, перевозящих длинные цилиндрические предметы, покрытые брезентом. Было даже сообщение, что личный пилот Кастро хвастался в баре, что у Кубы есть ракеты большой дальности с ядерными боеголовками. Правительственные органы Соединенных Штатов не принимали во внимание эти сообщения, поскольку источники были крайне ненадежными. Советский Союз никогда не размещал ракеты вне своих пределов даже на территории восточноевропейских союзников. В то время не было прямых свидетельств, например фотографий.

Ситуация изменилась в воскресенье 14 октября 1962 года, когда самолет У-2, проводивший фоторазведку, вернулся из полета над западными частями острова. Фотографии, которые были проявлены и проанализированы на следующий день, показывали участки в форме трапеций, похожие на те, которые наблюдались раньше только на территории СССР. На каждом углу участка располагалась ракета класса «земля—воздух», а на самих участках находились ракетные транспортеры, монтажники и пусковые площадки.

В понедельник 15 октября дешифровщики фотографий идентифицировали советские ракеты средней дальности СС-4 (кодовое название НАТО «Сандал»). По данным американской разведки, эти ракеты могли нести боеголовки с ядерным зарядом в 3 Мт, весившие 1,36 т, на расстояние до 2000 км. В пределах их даль-

ности были Даллас, Новый-Орлеан, Атланта и столица США Вашингтон. Пока уточнялась расшифровка снимков, новость о том, что через несколько дней на Кубе будут готовы к действию наступательные ракеты, передавалась наверх по административной лестнице.

Во вторник 16 октября в 8.00 специальный помощник президента по вопросам национальной безопасности Мак-Джордж Бунди сообщил Кеннеди плохие новости. В этот же день президент вызвал к себе группу сотрудников администрации. Эта группа образовала Исполнительный комитет Национального совета безопасности, который должен был помочь президенту найти способ ликвидировать угрозу. На первом заседании большинство видели только одно средство — удар по ракетным базам с воздуха. Кеннеди хотел заручиться международной поддержкой любых действий и получить более определенные данные от разведки. У-2 снова отправились в воздушное пространство Кубы.

В последующие дни расшифровщики аэрофотоснимков отмечали продвижение в строительстве площадок и установку ракет. Восемнадцатого октября они идентифицировали площадки для запуска баллистических ракет средней дальности СС-5 (кодовое название НАТО «Скин»). Считалось, что СС-5 могут нести боеголовки в 5 Мт и имеют дальность 3520 км. Ракеты могли достигнуть территории всех 48 прилежащих штатов, за исключением некоторых областей на севере Калифорнии, Орегона и штата Вашингтон.

Кубинский ракетный кризис был продолжением поединка между советским премьером Никитой Хрущевым и президентом Джоном Кеннеди, в котором обе стороны использовали абсолютное оружие того

времени — баллистические ракеты с ядерным зарядом. Впервые Кеннеди и Хрущев встретились в Вене в 1961 году, вскоре после американского фиаско в бухте Кочинос. Главным вопросом, который они обсуждали, было присутствие войск США в Европе и, в частности, в Берлине. Хрущев хотел, чтобы они убрались.

Хрущев, сын шахтера, ветеран большевистской революции, уцелевший в сталинских чистках, и закоренелый коммунистический бюрократ был настойчив, непримирим и груб. Кеннеди, сын богатого капиталиста, получивший элитарное образование, стоял на своем, сохраняя при этом хорошие манеры. Кеннеди покинул Вену потрясенным, но непобежденным. Хрущев уехал с убеждением, что Кеннеди можно оскорблять и шантажировать.

Вечером в понедельник 22 октября 1962 года в телевизионном обращении к американскому народу президент Кеннеди сообщил новость о ракетном кризисе и ответил на хрущевскую демонстрацию силы.

Добрый вечер, сограждане. Правительство, как оно и обещало, продолжает внимательно наблюдать за ростом советского военного присутствия на острове Куба. За последнюю неделю не подлежащие сомнению данные позволили установить, что на этом потерявшем свободу острове оборудуется ряд площадок для наступательных ракет. Эти базы не могут иметь никакой иной цели, кроме обеспечения возможности ядерного удара по Западному полушарию.

Кеннеди описал площадки для ракет СС-4 и рассказал, что они могут долететь не только до Вашингтона, но и до Панамского канала, Мехико и Центральной Америки. Он сказал, что ракеты СС-5 могут поразить цели на севере до Гудзонова залива включительно и на юге до столицы Перу Лимы. Это, по его мнению,

создавало угрозу не только для Соединенных Штатов, но и для всего Западного полушария.

Кеннеди изложил план действий, содержащий семь пунктов. Его ключевым элементом было установление военно-морским флотом карантина вокруг Кубы, что было блокадой, обычно рассматриваемой как элемент военных действий. Соединенные Штаты собирались повысить уровень военной готовности, просить поддержки Организации Американских Государств и ООН и потребовать от Советского Союза убрать свои ракеты с Кубы.

В глазах многих американских политических лидеров план Кеннеди был слишком осторожным, слабым и не соответствующим ситуации. За два часа до публичного выступления президент встретился с двумя десятками ведущих конгрессменов, чтобы сообщить им о советской угрозе и о своем ответе на нее. Хотя они оказали ему поддержку, некоторые из них полагали, что подход Кеннеди демонстрирует слабость, и выступили за немедленный воздушный налет. Они продолжали наблюдать за Кеннеди, ожидая дальнейших проявлений малодушия.

Американцы мрачно готовились к неопределенному будущему. Каждую неделю вой сирены извещал об учебной воздушной тревоге, хотя непонятно было, какой в этом толк, если ракеты будут лететь со скоростью тысячи километров в час. Школьники старательно учились укрываться, как будто это могло бы их спасти, а те немногие, кто построил укрытия от радиоактивных осадков, делали в них запасы продовольствия. НАСА было приведено в замешательство сообщением газеты «Хантсвилл таймс» о том, что Вернер фон Браун был одним из немногих предусмотрительных американцев, позаботившихся об укрытии для своей семьи.

Вначале Хрущев отреагировал на план Кеннеди с яростью, назвав морскую блокаду разбоем и безрассудными действиями загнивающего капитализма. Стало ясно, что он недооценил своего соперника.

Кризис достиг своей высшей точки утром в среду 24 октября. Двадцать советских торговых судов приблизились к отряду американских военных кораблей. Они остановились, затем один за другим повернули обратно. Государственный секретарь Дин Раск сказал: «Мы смотрели друг другу в глаза, и, я думаю, противник дрогнул». В течение нескольких последующих дней капитаны советских кораблей позволяли проводить досмотр судов, чтобы получить возможность зайти на Кубу.

Хрущев и Кеннеди начали обмениваться посланиями по частным и официальным каналам, а в моменты наибольшего напряжения и посредством выстулений по радио. В 18 часов в пятницу 26 октября (в 13.00 следующего дня по московскому времени) Кеннеди получил письмо от Хрущева, который предлагал сделку: он прикажет демонтировать и вывести ракеты с Кубы, если Соединенные Штаты согласятся не нападать на остров. Когда уже был составлен ответ, пришло второе послание от Хрущева. В нем было дополнительное условие. Хрущев хотел, чтобы ракеты «Юпитер», размещенные в Турции, были выведены оттуда. Хотя с точки зрения Хрущева и с исторической точки зрения это был честный обмен, Кеннеди не мог принять это предложение, потому что могло создаться впечатление, что он поддался шантажу. По совету Генерального прокурора Роберта Кеннеди президент принял предложение, сделанное в первом письме и проигнорировал второе. В 20.05 в субботу 27 октября Кеннеди направил Хрущеву послание, в котором выражал свое согласие и настаивал на заключении окон-

чательного соглашения. Отказ означал бы нападение США на Кубу.

На следующий день в 9 часов утра московское радио передало послание Хрущева Кеннеди, которое было передано также и через другие каналы. В послании советского премьера содержалась брань в адрес Кеннеди за его роль в кризисе, однако оно выражало окончательное согласие на разрешение конфликта.

После этого Кеннеди дал указание проводить разведывательные полеты на небольшой высоте, чтобы следить за выводом советских ракет. Он приказал директору ЦРУ Джону Мак-Коуну прекратить диверсии против Кубы. В последней, секретной, части соглашения, положившего конец ракетному кризису, по договоренности Роберта Кеннеди с советским послом Добрыниным предусматривался вывод ракет «Юпитер» из Турции. Вывод должен был занять 4–5 месяцев, и, как заявил Роберт Кеннеди Добрынину, если СССР разгласит эту договоренность, то она будет аннулирована. Президент Кеннеди был столь же решителен по отношению к своим генералам, которые противились выводу «Юпитеров». «Эти ракеты будут убраны оттуда до 1 апреля, раз нам нужно их убрать», — сказал он.

По общему мнению, дни кубинского ракетного кризиса были наиболее опасными за всю «холодную войну», но они были гораздо опаснее, чем это представлялось в то время. На Кубе во время кризиса находилось 36 ядерных боеголовок, что соответствовало опасениям Кеннеди и его советников. Однако они не знали, что командующий группой советских войск на Кубе получил полномочия использовать 9 из них в качестве тактического ядерного оружия в случае нападения США. Если бы Кеннеди отдал приказ о

военных действиях, дальнейшая эскалация была бы неизбежной. Широкомасштабное вторжение было бы встречено на кубинской земле тактическими ракетами с ядерным зарядом. Соединенные Штаты были бы обязаны ответить ударом по целям на Кубе или в СССР. Затем обе стороны нанесли бы массированные ядерные удары по городам друг друга.

По иронии судьбы, из-за мирного окончания кризиса, по-видимому, главными его жертвами стали Кеннеди и Хрущев. То, как Кеннеди разрешил кризис, не улучшило отношения к нему ястребов, желавших военного решения, и, согласно некоторым версиям, год спустя кубинцы участвовали в убийстве Кеннеди. Никита Хрущев был смещен в ночь с 14 на 15 октября 1964 года. Одним из обвинений против него было то, что его ошибки привели к кубинскому ракетному кризису. Фидель Кастро, который никак не проявил себя во время кризиса, выиграл, поскольку Кеннеди дал обязательство не нападать на Кубу. Хотя ЦРУ устраивало против него заговоры, Кастро и его режим пережили обоих лидеров и кончину Советского Союза.

При наличии ядерного оружия и баллистических ракет было слишком опасно продолжать «холодную войну» по-прежнему, не найдя какого-нибудь силового упражнения, на которое потенциальные воюющие стороны могли бы расходовать свой заряд агрессии, не убивая при этом всех и каждого.

В своей книге «То, что надо» Том Вулф сравнил космическую гонку, понятие, возникшее вскоре после запуска советского спутника, с древними единоборствами. По традиции, восходящей к дохристианским временам, противостоящие боевые дружины выбирали самых могучих воинов для участия в поединке, слу-

жившем альтернативой всеобщему сражению. В одних случаях войны сражались один на один, в других сходились небольшие группы, например, по трое с каждой стороны. Вулф рассматривал полет людей в космос на приспособленных для этого баллистических ракетах как современное воплощение единоборства. Весь мир мог увидеть, кто сильнее, а жизнью рисковали лишь войны, участвовавшие в схватке. После кубинского ракетного кризиса космическая гонка стала заменителем ядерной войны.

Воины с обеих сторон, и от СССР, и от США, выезжали на бой на скакунах, которые вели свое происхождение от «Фау-2» Вернера фон Брауна. Два американских астронавта совершили первые полеты в космос с помощью старой надежной ракеты «Редстоун». Хотя орбитальные полеты корабля «Меркурий» были произведены с помощью МБР «Атлас», а для полетов «Джемини» были использованы ракеты-носители «Титан-2», именно фон Браун руководил проектированием и постройкой ракеты-носителя для полета «Аполлона» к Луне. Как ведущий ракетчик Америки, он примет участие и в разработке стратегии предстоящей битвы.

Все же и с началом полетов в космос и соревнования за Луну страх быть уничтоженным в ядерной войне остался. В 1964 году, спустя год с небольшим после кубинского ракетного кризиса, в фильме «Доктор Стрейнджлав» Стэнли Кубрика ядерный апокалипсис был изображен в жанре черной комедии. Сюжет показывал, как стратегическая тупость и тактические ошибки привели великие державы к ядерной войне. Питер Селлерс играл блестящего, но аморального ученого в инвалидном кресле, руководящего военной научной программой. Его искалеченные душа и тело

выдают его, когда рука непроизвольно поднимается в нацистском приветствии. Со своим легким немецким акцентом он обращается к президенту: «Майн Фюрер».

Пока на огромной карте на задней стене кабинета отмечается путь советских и американских баллистических ракет, доктор Стрейнджлав предлагает альтернативу уничтожению человечества. «Мистер президент, — говорит он своим пронзительным голосом, — я не исключаю возможности сохранить некоторое количество человеческих особей. Это было бы легко сделать на дне одной из шахт». Стрейнджлав предлагает ироническое воспроизведение «Миттельверка», построенного десятки лет назад в немецкой шахте, где в городе рабов шло производство ракеты «Фау-2».

Спустя годы после выхода фильма многие видели в докторе Стрейнджлаве образ Генри Киссинджера, который появился на политической сцене в качестве советника по национальной безопасности при президенте Никсоне лишь в 1968 году. Создатель фильма Стэнли Кубрик считал сходство с Киссинджером непреднамеренным и неудачным совпадением. В 1964 году единственным бывшим нацистом, немецким ученым, имевшим доступ к президентам, логической моделью для Стрейнджлава был Вернер фон Браун.

Построить ракету побольше ничуть не сложнее, чем построить самолет побольше. Это просто стоит дороже.

Вернер фон Браун

Путешествие Соединенных Штатов к Луне началось в январе 1960 года, когда президент Эйзенхауэр дал указание НАСА ускорить создание «суперносителя». НАСА начало проектировать многоместный космический корабль. Высший персонал управления стал использовать название «Аполлон» для корабля, который должен был отправиться на Луну.

В 1961 году президент Кеннеди одобрил полет на Луну в качестве крайне важной для страны задачи. Это придало проекту дополнительный импульс. Существовавший в НАСА консенсус относительно выбора метода встречи на селеноцентрической орбите (ВСО) определял основные компоненты лунного корабля. Оставалось лишь создать и испытать миллионы деталей, которые должны были безотказно работать

для того, чтобы люди могли полететь на Луну и благополучно вернуться обратно.

В 1962 году было в основных чертах выполнено проектирование лунного корабля. В его основании находился суперноситель «Сатурн-5», состоявший из трех ступеней. Первой ступенью была ракета «Сатурн S-1С», имевшая пять двигателей F-1, которые работали на керосине и жидком кислороде и создавали совокупную тягу 3402 т. Второй ступенью была ракета S-2С с пятью двигателями J-2, работавшими на жидком водороде и жидком кислороде. Третья ступень, получившая обозначение S-4В, имела один двигатель J-2. Сверху на корабль «Сатурн-5» были помещены компоненты, которые предполагалось использовать в космосе и на Луне: лунный модуль, который должен был опуститься на поверхность Луны; служебный модуль, в котором находились топливо и ракетный двигатель, необходимые для полета до Луны и обратно, и командный модуль, в котором должны были разместиться три астронавта.

Крайняя сложность лунного корабля требовала участия в его проектировании и постройке многих организаций. Ответственность за проектирование и изготовление ракеты «Сатурн-5» была возложена на Вернера фон Брауна и его группу в Центре космических полетов имени Дж. Маршалла. Руководство проектированием и изготовлением командного, служебного и лунного модулей осуществлял Центр пилотируемых космических полетов в Хьюстоне. НАСА заключило контракт на изготовление первой ступени с компанией «Боинг», второй ступени — с «Норт американ авиэйшн», а третьей — с компанией «Дуглас».

НАСА стало бюрократической организацией, в которой было несколько центров и уровней управления, ответственных за программу «Аполлон». В этот лаби-

ринт пришел Джордж Мюллер, новый руководитель Управления по пилотируемым космическим полетам, человек, чья прозорливость и воля сделали достижимой цель совершить посадку человека на Луну до конца десятилетия. Он пришел в НАСА, имея за плечами опыт работы над программами по созданию баллистических ракет для ВВС, где конечный результат был важнее, чем элегантность подхода. Мюллер занял новую должность в сентябре 1963 года и сразу же дал указание провести жесткий и объективный анализ состояния программы «Аполлон», которая должна была включать реалистическую оценку срока первой посадки на Луну. В то время наиболее оптимистическая оценка говорила, что первая попытка посадки на Луну будет сделана в конце 1971 года. Мюллер понимал, что существовавший план неприемлем, и требовал радикальных изменений с целью ускорения работ.

Свое решение проблемы он предъявил не в виде предложения, а в виде приказа. Двадцать девятого октября, менее чем через два месяца после занятия должности, он представил руководству центров в Хантсвилле и Хьюстоне свою концепцию «полного испытания» и основанный на этой концепции график испытательных полетов, который позволял уложиться в названный президентом Кеннеди срок. Термин «полное испытание» означал, что все ступени ракеты, в данном случае «Сатурна-5», должны были готовиться к полету и испытываться одновременно. При полных испытаниях требовалось меньшее количество опытных пусков, и сокращалось время, необходимое для подготовки первого полета экипажа.

Для Вернера фон Брауна и его группы из Центра космических полетов имени Дж. Маршалла такой подход выглядел чем-то средним между ересью

и безумием. С самых первых дней в Германии, еще до Пенемюнде, фон Браун и его группа двигались вперед поступательно, изготавливая и испытывая каждый компонент, прежде чем перейти к следующему. Было произведено около 3 тысяч опытных пусков различных вариантов «Фау-2», большинство из них до принятия ракеты на вооружение. При подготовке полета на Луну они собирались как следует проверить каждую из ступеней корабля «Аполлон/Сатурн-5» по отдельности, прежде чем объединять их для окончательных испытаний в том виде, в каком они должны будут работать. Хотя Мюллер уже принял решение, он все же счел нужным привести аргументы в его пользу. Прежде всего, для адекватного испытания первой ступени необходимо, чтобы она несла груз, заменяющий верхние ступени. Если фон Браун и его группа собираются построить модели верхних ступеней, то они могут точно так же построить и запустить сами ступени. Кроме того, Мюллер указал, что верхние ступени не могут быть по-настоящему испытаны при запусках с земли. Они должны быть запущены, уже находясь в верхних слоях атмосферы или даже выше. Однако наиболее веский аргумент Мюллера не имел отношения к техническим вопросам. Он просто объяснил, что, не воспользовавшись очевидной возможностью выиграть время, невозможно полететь на Луну до конца десятилетия. Если же этот срок не будет указан в плане, то «Аполлон» может вообще не лететь. Фон Браун и его группа сдались, так же, как годом раньше, когда они согласились с концепцией метода встречи на селеноцентрической орбите.

Прошло уже два с половиной года с тех пор, как Кеннеди назвал полет корабля с экипажем на Луну одним из важнейших национальных приоритетов,

а его энтузиазм по отношению к программе «Аполлон» сохранился. В субботу 16 января 1963 года он прибыл в Центр управления пуском на мысе Канаверал, чтобы посмотреть, как НАСА выполняет проект. Вернер фон Браун также приехал туда, чтобы показать президенту «Сатурн-1» и макеты оборудования, предназначенного для космического корабля «Аполлон/Сатурн». Завершив осмотр, Кеннеди вместе с другом и коллегой фон Брауна Куртом Дебусом, недавно назначенным главой центра, совершил на вертолете облет этой опорной базы для предстоящего штурма Луны. Примечательно, что в вертолете были также два американца, уже летавшие в космос, Гас Гриссом и Гордон Купер, которые с гордостью и волнением рассказывали президенту об «Аполлоне». Астронавты уже начали занимать центральное место в американской ракетной программе, ранее принадлежавшее фон Брауну и его немецкой группе.

То, что Кеннеди увидел в Центре управления пуском на мысе Канаверал, очевидно, произвело на него сильное впечатление. Но не на конгресс. В следующую среду, 20 ноября, Сенат урезал на 612 миллионов долларов запрошенные Кеннеди бюджетные ассигнования для НАСА. Перспектива послать человека на Луну в конце десятилетия была слишком отдаленной, слишком далеко выходила за сроки ближайшей предвыборной кампании. Кеннеди активно пробивал свою «лунную программу» в начавшейся на следующий день поездке по Техасу, предпринятой с целью восстановить единство в Демократической партии. Он хвалил ее в своей речи в Сан-Антонио. В этот же день в Хьюстоне президент присутствовал на обеде, организованном в честь одного из местных жителей, сыгравшего важную роль в том, что именно этот город стал домом для Центра пилотируемых космических

полетов. На следующий день, 22 ноября, Кеннеди ехал по Далласу в открытой машине в составе автомобильного кортежа. В час дня было объявлено о его смерти от пули убийцы. Спустя шесть дней НАСА переименовало Центр управления пуском в Космический центр имени Джона Кеннеди.

Некоторые в НАСА считали, что убийство президента повлечет за собой закрытие программы «Аполлон». Линдон Джонсон, ставший преемником Кеннеди на посту президента, думал по-другому. Он храбро взялся за выполнение программ Кеннеди и еще активнее поддерживал космические исследования. Ведь это именно он убедил Кеннеди принять программу полета человека на Луну до конца десятилетия.

К концу первого года работы руководимого фон Брауном Центра космических полетов имени Дж. Маршалла в нем было занято 5500 человек, а во время наиболее интенсивной работы над программой «Аполлон» в 1966 году эта цифра возросла до 7500 человек. Бюджет Центра, которым распоряжался фон Браун, был еще более впечатляющим, в годы наивысшего подъема он превосходил 1,5 миллиарда долларов в год. Однако большая часть денег была истрачена не в Хантсвилле. НАСА направило 90 процентов средств, выделенных на программу «Аполлон», на создание и эксплуатацию производственных мощностей и оборудования. В целом программа «Аполлон» потребовала участия примерно 20 тысяч подрядчиков в промышленности и университетах, а число людей, участвовавших в ней, достигло 400 тысяч.

Программа «Аполлон» превратила фон Брауна и членов его группы из ракетостроителей в управляющих. НАСА поручило им контролировать подряд-

чиков, которыми были в основном гиганты аэрокосмической индустрии. Фон Браун и его группа боролись с волной, оторвавшей их от творческой работы. В 1963 году в Центре имени Дж. Маршалла была проведена реорганизация, целью которой было освободить фон Брауна и других руководителей высшего уровня от рутинной работы по управлению, объем которой сильно возрос, и дать им возможность сосредоточиться на стратегических вопросах. Хотя организационная битва, похоже, была проиграна, в управлении проектом им сопутствовал успех.

При всей популярности космической программы в середине 1960-х годов, ей приходилось конкурировать в борьбе за внимание американцев с другими внутренними и внешними событиями. Администрация Джонсона втягивала страну в гражданскую войну в Юго-Восточной Азии на стороне коррумпированного автократического правительства Южного Вьетнама против Вьетконга, поддерживаемого Северным Вьетнамом. У себя дома Соединенные Штаты столкнулись с проблемой, явившейся следствием нозорной практики рабства в истории страны, — расовой сегрегацией.

К чести президента Линдона Джонсона, именно он обеспечил одобрение акта о гражданских правах в 1964 году и подписал его. Наиболее нетерпеливые борцы за гражданские права требовали решения проблемы регистрации избирателей на Юге. Конфликт достиг высшей точки в «черную субботу» 7 марта 1965 года в Селме, штат Алабама. Приблизительно 600 активистов, в основном черных, планировали марш из Селмы в Монтгомери, означавший начало кампании за регистрацию избирателей. Губернатор Алабамы Джордж Уоллес, ранее отличившийся тем,

что воспрепятствовал расовой интеграции в университете штата, объявил, что марш представляет собой угрозу для торговли и общественного порядка, и послал 200 полицейских для поддержки местного шерифа. Когда участники марша шли по мосту через реку Алабама, помощники шерифа и полицейские атаковали их с применением слезоточивого газа и дубинок. Телеоператоры и репортеры, освещавшие событие, постарались, чтобы позор Селмы увидела вся страна. Через два дня доктор Мартин Лютер Кинг шел во главе колонны, совершившей символический, на этот раз мирный, переход через мост в Селме, и под нажимом со стороны черных активистов принял участие в планировании нового марша на Монтгомери.

Под давлением федеральных властей и при участии федеральных агентов марш из Селмы в Монтгомери состоялся 21 марта и был встречен злыми насмешками со стороны невежественных белых южан и угрозами со стороны куклуксклановцев. Вдали от глаз общественности демонстрации сопровождалась также убийствами активистов борьбы за гражданские права. Для страны и всего мира белые граждане Алабамы и власти штата во главе с губернатором вполне заслуженно выглядели злыми расистами, весьма мало уважающими закон и совсем не уважающими права черных граждан. Теперь Уоллес пытался найти в штате что-нибудь, что могло бы реабилитировать его, что-нибудь нейтральное с расовой точки зрения, поддерживаемое всей страной и неоспоримо прогрессивное. Он нашел то, что искал, за 256 км на север от Селмы, в Хантсвилле.

В 1965 году самый первый космический корабль Вернера фон Брауна находился на своей пусковой площадке, а «Ракета к Луне» отправлялась в путеше-

ствие с десятками пассажиров по несколько раз в час уже в течение десяти лет. Первый космический порт мира в Диснейленде, в Анахайме, штат Калифорния, не просто успешно работал, но стал неотъемлемой частью установленного порядка вещей. Однако в середине 1960-х годов его создатель Уолт Дисней задумал новый центр развлечений. «Страна будущего» имела большой успех, но теперь она стала затмеваться реальностью, созданной партнером Диснея Вернером фон Брауном.

Дисней, которого сопровождали шесть человек, провел понедельник 12 апреля 1965 года в Центре пилотируемых космических полетов в Хьюстоне, а затем вылетел в Хантсвилл. Они прибыли как раз вовремя, чтобы оказаться почетными гостями на заседании местного отделения клуба Ротари, главным докладчиком на котором был Вернер фон Браун.

На следующее утро Дисней со свитой посетили фон Брауна в его кабинете в Центре космических полетов имени Дж. Маршалла. Фон Браун рассказал им, иллюстрируя свое повествование слайдами, о том, что сумел сделать за последние десять лет: о программе «Аполлон», о Центре космических полетов имени Дж. Маршалла, о ракетах «Сатурн». Потом он провел почти весь день, показывая гостям лаборатории центра, макет ракеты-носителя «Сатурн» и оборудование для статических испытаний «Сатурна». В конце дня обогащенный знаниями и впечатлениями Дисней улетел вместе со своими спутниками в направлении аэропорта Титусвилла. На следующее утро они осматривали Космический центр имени Джона Кеннеди.

В это время компания Диснея тайно скупала собственность в Центральной Флориде, около 100 км на запад от Космического центра. К октябрю 1965 года компания приобрела 111 км² земли — площадь, кото-

рая примерно в два раза больше острова Манхэттен. На пресс-конференции 15 ноября 1965 года Дисней в присутствии губернатора Флориды объявил, что эта земля будет местом для его нового центра развлечений «Мир Уолта Диснея».

Вполне возможно, что фон Браун был больше вдохновлен встречей с бывшим коллегой, чем Дисней. Еще до запуска «Эксплорера-1» на орбиту Редстоунский арсенал собирал устаревшие ракеты, включая «Фау-1» и «Фау-2», что положило начало импровизированному музею ракетостроения. Когда заработал Центр космических полетов имени Дж. Маршалла, он тоже начал собирать коллекцию устаревшего оборудования и прототипов ракет. В начале 1960-х годов фон Браун предложил создать выставку, в которой участвовали бы обе коллекции, на территории, которая не принадлежала бы ни арсеналу, ни центру. По размерам и охвату материала это было бы то, что создал бы Дисней, будь у него нужные связи и деньги.

В начале июня 1965 года, через два месяца после того, как Дисней посетил Центр космических полетов, через три месяца после демонстраций за гражданские права, грубого их подавления властями и убийств по расовым мотивам в Селме, губернатор Джордж Уоллес прибыл в Центр в качестве очень важной персоны, чтобы совершить экскурсию и сфотографироваться в соответствующей обстановке. Центр опубликовал фотографию Уоллеса, Вернера фон Брауна и администратора НАСА Джеймса Уэбба; все трое улыбались. Уоллес, без сомнения, был доволен, что появление в столице ракетостроения позволило немножко подправить его потрепанный имидж и придать ему некоторый прогрессивный оттенок. Уэбб имел все основания улыбаться, потому что его управление было одним из немногих, а может, и единственным федеральным

органом, чью деятельность в Алабаме одобряло и население штата, и его губернатор. Фон Браун был доволен, потому что приобрел самого важного союзника для осуществления своего заветного проекта — создания ракетно-космической выставки в Хантсвилле.

В сентябре 1965 года законодатели штата одобрили выпуск облигаций на сумму в 1,9 миллиона долларов для финансирования проекта. Губернатор Джордж Уоллес, чувствуя себя покровителем науки, техники и образования, включил фон Брауна во вновь созданную Комиссию по научно-космической выставке.

Уже в начале фазы планирования стало ясно, что нужно было слишком много сделать, слишком многое учесть и слишком многое могло пойти не так из-за малейшего упущения.

Вернер фон Браун

Когда завершилась программа «Меркурий», корабли «Джемини» подняли людей на орбиту, и гигантский проект «Аполлон» неумолимо продвигался к своей цели — Луне, и людьми, мужчинами, с которыми у всех ассоциировалось исследование космоса, стали астронавты. Все те, кто возглавлял НАСА: администратор Джеймс Уэбб, заместитель администратора Хью Драйден, начальник Управления пилотируемых космических полетов Джордж Мюллер и руководитель программы «Аполлон» генерал Сэм Филлипс, — были безликими бюрократами.

Единственной узнаваемой личностью из тех, кто оставался на земле, был Вернер фон Браун. Он вполне добродушно принял новую роль, хотя и не совсем незаметную, но уже не центральную. С астронавтами

у фон Брауна были очень хорошие отношения, они уважали его и восхищались им. Возможно, так было потому, что у них была общая мечта, и потому что большинство астронавтов были, как и фон Браун, инженерами. Им было легко найти общий язык.

В то время как астронавты стремились стать творцами истории, фон Браун готовил себе место в истории в качестве учёного и общественного деятеля. Со времени успешного запуска спутника «Эксплорер-1» в 1958 году он собирал коллекцию наград от различных организаций, как некоторые собирают спортивные призы. К концу 1966 года он получил 19 почетных степеней доктора и стал членом 18 профессиональных организаций. Примечательно, что он не стал членом Американской ассоциации содействия развитию науки (AAAS), в которую его пригласили вступить в 1958 году. Фон Браун отклонил приглашение по совету службы безопасности сухопутных войск, которая все еще руководствовалась понятиями эпохи маккартизма* и подозревала наличие коммунистического влияния на AAAS из-за поддержки этой ассоциацией движения за гражданские свободы.

Слава порождает славу, а фон Браун использовал каждую возможность быть на виду. После успеха «Эксплорера-1» его осаждали с предложениями написать статьи о ракетах и космических полетах. Его библиография за 1969 год насчитывает несколько сотен публикаций. Даже делая скидку на многократную повторную публикацию одной статьи на разных языках, производительность фон Брауна поразительна. Однако технических и исследовательских статей сре-

---

* Термином «маккартизм» в политической литературе обозначается реакционная политика. От фамилии Маккарти Джозефа Реймонда (1908–1957), председателя комиссии конгресса США по вопросам деятельности правительственных учреждений, сторонника гонки вооружений и «холодной войны». — *Прим. ред.*

ди его публикаций на удивление мало, и эти немногие в основном обзорного или спекулятивного характера. Фон Браун был популяризатором, не заинтересованным в строгом рецензировании своих работ.

В 1963 году ученый подписал договор о постоянном сотрудничестве с журналом «Попьюлар сайенс». В течение десяти последующих лет он публиковал в нем статьи ежемесячно, а после одну статью в два месяца. Об уровне технической сложности его работ можно судить по двум первым статьям «Вернер фон Браун отвечает на ваши вопросы» и «Еще ответы на ваши вопросы о космосе». Две статьи 1965 года — «Когда мы высадимся на Марсе?» и «Что случилось с пилотируемой космической станцией?» — отражают плохо скрываемое беспокойство о долгосрочной перспективе космической программы.

В 1966 году фон Браун стал соавтором исчерпывающей и прекрасно иллюстрированной энциклопедии «История ракет и космических путешествий». Его друг и соавтор Фредерик Ордуэй напишет вместе с ним и другие работы и присоединится к хору его почтительных и некритичных биографов.

Работа Вернера фон Брауна в НАСА и вся его разносторонняя деятельность требовали наличия умелых и преданных помощников. У него появилась новая команда для организации деятельности Центра космических полетов имени Дж. Маршалла. Заместитель директора Центра Эберхард Рес был другом и заместителем фон Брауна в течение 30 лет. Он был лишен внешнего блеска фон Брауна, но обеспечивал выполнение всей будничной работы. В 1970 году он станет преемником фон Брауна на посту директора Центра имени Дж. Маршалла. Бонни Холмс была секретарем фон Брауна. По всем отзывам, она отлично знала свое

дело и была очень предана ученому. Барт Слэттери был руководителем информационной службы Центра имени Дж. Маршалла. В задачи бывшего капитана ВМФ Слэттери входило предотвращение появления критических отзывов о космической программе или о директоре центра. Как у большинства политических деятелей того времени, у фон Брауна было два литературных помощника, облакавших его идеи в слова. Однако характерный простой язык, редкое употребление жаргона и использование американских разговорных оборотов — все это выдает руку самого фон Брауна при подготовке выступлений. В какой степени литературные помощники фон Брауна участвовали в создании его многочисленных журнальных статей, неизвестно.

Раз уж фон Браун стал знаменитостью, то оставаться ею было частью его работы. Он давал интервью, содержание которых было predeterminedено. Как писал Том Вулф в книге «То, что надо», «пресса была подобна непревзойденным лицемерам викторианской эпохи». Журналисты избегали задавать неудобные вопросы и скрывали неприятную информацию. Все астронавты были примерными мужьями, не появлялось никаких сообщений об их выходках. Точно так же пресса была сдержанной по отношению к Вернеру фон Брауну. К нему относились как к пророку космической эры или к второстепенному философу и теологу середины XX века. Ему задавали вопросы, ответы на которые были очевидны. Никто не спрашивал, что он делал в Германии до 1945 года. Любой, кто осмелился бы это сделать, больше не получил бы к нему доступа. Не удивительно, что интервью с фон Брауном были всегда скучны и не давали практически никакой новой информации. Репортеры всегда

получали подтверждение официальной репутации фон Брауна.

Одним из встречавшихся с фон Брауном репортеров была Ориана Фаллачи, не вписывавшаяся в общий ряд журналистов-лицемеров. Она писала о себе: «Я выросла в семье антифашистов, и, когда немцы оккупировали Флоренцию, я сражалась в рядах подпольной организации «Корпус добровольцев за свободу». В 14 лет я ушла в почетную отставку из итальянской армии в звании рядового солдата». В середине 1960-х годов она жила в США, где работала над книгой об ученых и астронавтах, участвовавших в американской космической программе. Ее интервью с фон Брауном было обставлено официально строго.

По прибытии в Центр космических полетов имени Дж. Маршалла Фаллачи была приглашена в конференц-зал с длинным столом, вокруг которого стояло много кресел. Она ждала в одиночестве.

Интервью началось стремительно.

— Прощу прощения. Я опоздал на 11 минут.

— Это неважно.

— Это важно. И, к сожалению, я не могу уделить вам более получаса. Я никогда не опаздываю.

— Я знаю.

— Вы знаете?

Фон Браун снял плащ, бросил его в кресло.

— Меня зовут Вернер фон Браун. А как вас зовут?

Можно было не сомневаться, кто ведет интервью.

Фон Браун, сидевший на месте председателя, втянул Фаллачи в беспредметный разговор, в то время как отведенные ей полчаса истекали. Вдруг в комнату вбежал запыхавшийся Барт Слэттери, руководитель службы информации Центра имени Дж. Маршалла. Фаллачи описала его как «маленького, подобостра-

стно согнутого человечка с красным лицом». Слэттери попытался взять ведение интервью в свои руки. Фон Браун отмахнулся от него. Он сам вел интервью.

Время шло. Фаллачи начала:

— Мистер фон Браун, я хочу обойтись без предварительных переговоров и прямо задать вам вопрос.

Барт Слэттери бросил через стол бумажку в направлении Фаллачи. На ней было написано: «Доктор фон Браун, а не мистер фон Браун».

Фаллачи слегка сбилась, но продолжала:

— Вопрос вот в чем, мистер фон Браун. Здесь люди говорят о путешествии на Луну как о поездке из Хантсвилла в Нью-Йорк и повторяют, что, по крайней мере, для Америки оно состоится до 1970...

Слэттери бросил репортеру еще одну записку: «Доктор фон Браун!»

— Оно действительно состоится до 1970 года, доктор фон Браун?

Слэттери довольно кивнул, и фон Браун перенес внимание со своих ногтей на репортера.

— Если американский народ согласен за это заплатить, то да, без всякого сомнения. Очевидно, есть определенные трудности, но все они вполне преодолимы. Это короткое путешествие, восемь дней туда и обратно. Полет на Луну — это пикник.

— Пикник?

— Пикник, увеселительная прогулка.

Ко времени интервью фон Браун и его группа в Центре космических полетов имени Дж. Маршалла уже построили «Сатурн» и состоялся его успешный запуск в Космическом центре имени Джона Кеннеди. Но гораздо больший по размерам «Сатурн-5» и лунный посадочный модуль еще не поднимались с Земли.

Путешествие на Луну было для фон Брауна увеселительной прогулкой. Ученый повел интервью в сторону более высоких целей: Марс, 18 месяцев пути туда и обратно; Венера; Бог.

Фаллачи, подобно многим другим до нее, забыла о «Фау-2» и нацистах. Она была захвачена вихрем энтузиазма фон Брауна.

— Я вижу здесь этические проблемы, — говорил он. — Чтобы принять этику, человеку необходимы две вещи. Первая — это вера в Страшный Суд, когда каждый из нас должен будет отчитаться перед Богом, как он воспользовался драгоценным даром жизни на Земле, вторая — это вера в бессмертие, то есть в продолжение нашего духовного бытия после смерти. Ведь у нас есть душа.

Мысли Фаллачи вернулись к войне и противникам нацистов, отправленным в Германию, откуда они никогда не вернулись.

— Я надеюсь, я ясно выразился.

— Вполне ясно, доктор фон Браун. Вполне.

— Уже 38 минут, — перебил Барт Слэттери, — на 8 минут больше предусмотренного времени.

— Мне надо идти, — сказал фон Браун.

Фон Браун был занятым человеком. Он вышел из конференц-зала так же стремительно, как и вошел. Его резкий стиль и властные манеры неприятно напомнили Фаллачи дни, когда топот немецких сапог был слышен на улицах Флоренции.

В Соединенных Штатах старательно созданный образ фон Брауна лишь иногда испытывал на себе критический взгляд, как это было в случае с Фаллачи. В Европе же по нему попытались нанести удар.

В 1963 году Юлиус Мадер, публицист из Восточной Германии, написал книгу «Тайна Хантсвилла. Доку-

ментальный рассказ о карьере “ракетного барона” Вернера фон Брауна». Характер книги был ясен уже при взгляде на обложку, изображавшую фон Брауна в форме СС с эмблемой смерти на головном уборе. В книге Мадера справедливо указывалось, что фон Браун имел в СС чин, соответствовавший званию майора, и что для изготовления ракет «Фау-2» на «Миттельверке» использовался рабский труд узников концлагеря «Дора». В ней отмечалось, что узники неоднократно видели фон Брауна в эсэсовской форме. К сожалению, книга Мадера о фон Брауне была продуктом «холодной войны». Она очень резко критиковала фон Брауна, ряд случайных событий превращала в зловещую последовательность. На западной стороне «железного занавеса» она была практически проигнорирована, и членство фон Брауна в СС и его участие в делах концлагеря «Дора» остались в тайне.

Фон Браун подвергся критике также в советской газете «Известия». «Вашингтон пост» сообщила 6 августа 1964 года об обвинениях со стороны «Известий». «Известия» подвергли нападкам американского ракетного специалиста Вернера фон Брауна за “создание нечеловеческих условий” для рабочих на подземной ракетной базе нацистов в Польше, которой он руководил во время Второй мировой войны». По словам «Известий», фон Браун делал это, «чтобы выполнить данное Гитлеру обещание о создании чудо-оружия». В статье в «Известиях» было много фактических ошибок. Фон Браун не отвечал за условия работы, а ракетная база на Пенемюнде и подземная фабрика «Миттельверк» находились в Германии, а не в Польше.

Фон Браун мог игнорировать нападки из-за «железного занавеса», считая их необоснованными и клеветническими, но он должен был ответить на обвинения, выдвинутые против него читателями солидной

газеты «Пари матч». Ситуация была спровоцирована собственной рекламной машиной фон Брауна. «Пари матч» опубликовала несколько комплиментарных заметок о фон Брауне и его группе и осенью 1965 года направила своих журналистов в Соединенные Штаты для более подробного освещения космической программы. Фон Браун пригласил этих репортеров и других представителей европейской прессы на опытный запуск ракетного двигателя F-1, предназначенного для первой ступени лунной ракеты «Сатурн-5». «Пари матч» отблагодарила за эту любезность хвалебным отзывом в выпуске от 23 октября 1965 года.

Статья вызвала поток писем редактору от членов группы, называвшей себя «Друзья узников лагеря «Дора-Эллрих»». Они считали, что фон Браун должен разделить ответственность за страдания узников концлагеря, в котором делали ракеты «Фау-2», и были оскорблены тем, что человеку, более других ответственному за создание этого оружия, оказывалось такое большое уважение. К апрелю 1966 года подобных писем собралось слишком много, чтобы их можно было не замечать, и «Пари матч» попросила фон Брауна ответить своим обвинителям. Ученый откликнулся письмом, датированным 26 апреля.

После 20 лет, на протяжении которых никто не призывал фон Брауна к ответу за его действия при нацистском режиме в Германии, он отрицал всякую ответственность: «Как ни понятна мне их горечь, я потрясен ложными обвинениями в мой адрес». Фон Браун считал, что жертвы «Доры» и «Миттельверка» теперь превратили в жертву его. Он объяснял в письме, что правительство США перед иммиграцией внимательно изучило его прошлое, и что трибунал по военным преступлениям расследовал жестокости, имевшие место в «Доре», но не было найдено ника-

кой информации, свидетельствовавшей против него. У фон Брауна были основания считать, что он не должен нести ответственность за преступления Третьего рейха.

В своем письме в «Пари матч» фон Браун так писал о преступлениях, совершенных в лагере «Дора»: «Мне стыдно, что подобное могло происходить в Германии, даже в условиях войны, когда под угрозой было существование нации».

Фон Браун не мог не напомнить о своем аресте гестапо по обвинению в саботировании программы разработки «Фау-2» в качестве доказательства того, что он не был соучастником тех, кто заправлял в лагере «Дора». Однако он не упомянул о том, что этот арест был связан с борьбой Гимmlера за контроль над программой «Фау-2», и что основная часть его деятельности в «Доре» и на «Миттельверке» происходила после ареста в марте 1944 года. Редакция «Пари матч» была удовлетворена ответом фон Брауна или же была больше заинтересована современностью, чем историей, и больше не поднимала этот вопрос. Фон Браун еще раз избежал общественного внимания к своему нацистскому прошлому.

Исследование космоса было опасно, хотя те, кто в нем участвовал, не любили об этом говорить. В середине 1960-х эту опасность усугубили некомпетентные действия и глупые ошибки. Смерть настигла некоторых из главных действующих лиц в исследовании космоса. Одной из первых потерь стал Сергей Королев, главный конструктор советской космической техники. Здоровье Королева было подорвано годами, проведенными в лагерях, и, по сообщениям, у него было больное сердце. По иронии судьбы, болезнью, которая привела к его смерти, стал геморрой. На

14 января Королеву была назначена операция, за которую взялся Борис Покровский, министр здравоохранения Советского Союза. Во время операции Покровский обнаружил признаки рака прямой кишки и, несмотря на недостаток хирургической практики и отсутствие нужного оборудования и материалов, стал удалять опухоль. Он повредил крупный кровеносный сосуд, и Королев истек кровью прежде, чем нашли компетентного хирурга, который мог бы исправить ошибку.

Через два дня «Правда» объявила о его смерти, не упомянув, разумеется, о врачебной ошибке. Королев был кремирован, а его прах был замурован в Кремлевской стене. Лишь после смерти ученый стал известен и получил почести как главный конструктор советской космической программы.

Хотя Королев умер, его влияние на советскую космическую программу сохранялось. Созданный им космический корабль «Союз» до настоящего времени является ее важнейшей составляющей.

Соединенным Штатам тоже досталась их доля нелепых трагедий. Первый полет корабля «Аполлон» с экипажем на борту был намечен на 21 февраля 1967 года. Корабль с экипажем из трех человек должен был быть доставлен на орбиту ракетой «Сатурн-1Б». Корабль был помещен на ракету-носитель на пусковой площадке № 34 Космического центра имени Джона Кеннеди и проходил окончательную проверку. Днем 27 января три астронавта: Роджер Чаффи, Эдуард Уайт и Вирджил (Гас) Гриссом — в скафандрах вошли в командный модуль для репетиции подготовки к пуску. В отличие от реального запуска, ракета не была заправлена топливом.

В то время как команда проверяла капсулу «Аполлона», руководство программы «Аполлон» собралось

на свое ежеквартальное заседание в штаб-квартире НАСА в Вашингтоне. В заседании участвовали Джеймс Уэбб, администратор НАСА, Вернер фон Браун, Роберт Гилрут, директор Центра пилотируемых полетов в Хьюстоне, Курт Дебус, директор Космического центра имени Джона Кеннеди, генерал Сэмюэль Филлипс, директор программы «Аполлон», Джордж Мюллер, администратор НАСА по пилотируемым полетам, и руководители фирм, выполнявших заказы для программы «Аполлон». Завершив работу в первый день двухдневной конференции, они пошли в Белый дом на торжественный прием. В этот день послы из 60 стран подписали договор, запрещающий использование космоса в военных целях. После приема руководители программы «Аполлон» отправились на обед в Международный клуб, за несколько кварталов от Белого дома. С ними были вице-президент Губерт Хэмфри и несколько конгрессменов и сенаторов. После дня продуктивной работы и международного одобрения использования космоса лишь в мирных целях у них был повод отпраздновать.

Они еще не приступили к ужину, когда начались телефонные звонки, сообщавшие об ужасной трагедии, произошедшей на мысе Канаверал. Гилрут, Мюллер, Филлипс, Дебус и подрядчики, чье оборудование имело отношение к случившемуся, вылетели на место происшествия.

В 18.31 астронавты сообщили о пожаре в капсуле. Кислородная атмосфера привела к быстрому возгоранию пластика и других материалов, в обычных условиях огнеупорных. За 30 секунд три астронавта потеряли сознание и задохнулись в дыму, прежде чем те, кто был снаружи, сумели открыть люк.

Комиссия по расследованию инцидента с «Аполлоном-204» (номер относился к рабочему обозначе-

нию ракеты «Сатурн-1Б», не связанной с трагедией) пришла к заключению, что причиной пожара была искра от поврежденной проводки. Заключительный доклад комиссии содержал 3 тысячи страниц, посвященных критике программы «Аполлон». Он указывал на многочисленные недостатки в проектировании, изготовлении и контроле качества. Детальная проверка программы «Аполлон» привела к ее пересмотру и полному исправлению дефектов космической аппаратуры. Гибель трех астронавтов также нанесла сильный удар по самоуверенности, граничившей с безответственностью, тех, кто был занят в программе, и к задержке на два года первого полета «Аполлона» с экипажем.

Гас Гриссом, один из погибших астронавтов, сказал пророческие слова о возможной трагедии: «Если мы погибнем, люди должны принять это. У нас опасная работа, и мы надеемся, что если с нами что-то случится, это не остановит программу. Ради завоевания космоса стоит рискнуть жизнью».

Новый виток советской космической программы начался с трагедии 24 апреля 1967 года. Корабль «Союз-1» с полковником Владимиром Комаровым на борту провел на орбите один день, а затем рухнул на землю. При спуске корабля запутались стропы парашюта.

Вслед за Комаровым погиб Юрий Гагарин, первый человек, поднявшийся в космос и облетевший вокруг Земли. Это произошло в марте 1968 года во время обычного тренировочного полета. Причиной случившегося была названа ошибка пилота. Прах Владимира Комарова и Юрия Гагарина был замурован в Кремлевской стене рядом с прахом Сергея Королева.

Несмотря на эти трагические потери, цель оставалась прежней, космические корабли продолжали строиться, и астронавты и космонавты были гото-

вы к полетам. Соревнование за Луну должно было продолжаться. Живые могли рассуждать о том, что погибшие сами несли долю вины за то, что с ними случилось: Королев неверно выбрал хирурга, три астронавта «Аполлона» и Комаров добровольно вошли в неисправные космические аппараты, Гагарин допустил ошибку при пилотировании. Погибшим не хватило чего-то, что Том Вулф позднее обозначит как «то, что надо». Те, кто ждал своей очереди лететь на «Аполлоне», знали, что они лучшие, что они добьются успеха там, где потерпели неудачу другие, что они пройдутся по Луне.

В 1968 году Соединенные Штаты прошли через ряд политических кризисов и общественных потрясений, которые отвлекли внимание американцев от проблем космической программы. Под руководством Линдона Джонсона страна ввязалась во вьетнамскую войну. В январе и феврале партизаны Вьетконга показали, как плохо американцы оценили их решимость атаковать Сайгон и другие крупные города во время того, что потом получило название «Наступление во время праздника Тет». Президент Джонсон был так расстроен ходом непопулярной войны, что в марте объявил об отказе от повторного выдвижения своей кандидатуры на президентских выборах. Не прошло и недели, как 4 апреля был убит лидер движения за гражданские права Мартин Лютер Кинг.

Пятого июня после победы на первичных выборах в Калифорнии выстрелом был смертельно ранен ведущий кандидат в президенты от демократов Роберт Кеннеди. Он умер на следующий день.

В ноябре, на фоне смятения в рядах демократов, Ричард Никсон победил на выборах Губерта Хэмфри.

К концу 1968 года выполнение программы «Аполлон» шло полным ходом благодаря решимости сотен

тысяч участвующих в ней людей и опасению, что Советский Союз раньше Соединенных Штатов доберется до Луны. Одиннадцатого октября «Сатурн-1Б» вывел «Аполлон-7», первый пилотируемый корабль программы «Аполлон», на околоземную орбиту. Старт «Аполлона-8» был назначен на 21 декабря. Ракета «Сатурн-5» должна была вынести его на траекторию, ведущую к Луне. Там он должен был провести некоторое время на орбите вокруг Луны, прежде чем вернуться на Землю.

В один из последних дней своего президентского срока Линдон Джонсон пригласил на обед команду «Аполлона-8» с женами, а также Чарльза Линдберга и Вернера фон Брауна с женами. Легенды быстро стиравшегося из памяти прошлого встретились с будущими героями, астронавтами Фрэнком Борманом, Джеймсом Ловеллом и Уильямом Андерсом примерно за две недели до их путешествия. Командир экипажа Фрэнк Борман вспоминал, что за обедом мысли Джонсона занимал не полет «Аполлона-8», а кровопролитие во Вьетнаме и порожденный им разлад в обществе.

Озабоченность Джонсона отражала настроение американского народа. Молодежь потеряла прежний интерес к исследованию космоса. В это десятилетие, когда страна все больше запутывалась во вьетнамской войне, молодежь находила себя в том, что она называла антикультурой. Молодые люди, получавшие образование, не хотели менять учебу в колледже на исполнение долга во Вьетнаме. Отклик находили призывы «настроиться на волну», «уйти в нирвану». 1968 год был славным годом для секса, наркотиков и рок-н-ролла, хотя для всего остального он не был удачным.

Вернер утверждал, предсказывал, рекламировал, долбил, тащил и, наконец, вытолкнул нас первыми на Луну.

Нил Армстронг, Базз Олдрин, Майкл Коллинз

История — это прошлое, составленное из кусочков, старательно подогнанных учеными в надежде получить понятную картину. Она существовала по большей части в книгах и научных журналах, запертых в пыльных архивах. Те, кто присутствовал при исторических событиях и даже участвовал в них, обычно видели лишь небольшую часть картины. Возьмем падение Трои, пожар Рима, открытие Колумбом Нового Света или взрыв атомной бомбы над Хиросимой. Проходили дни или десятилетия, прежде чем свидетели рассказывали об увиденном, факты становились известны и их значение было понято. Полет «Аполлона-11» к Луне — первое в истории человечества путешествие к другому небесному телу — все это изменил. То, что он должен был состояться, было определено указаниями Кеннеди за 8 лет до события; все было распланиро-

вано до секунды и отрепетировано всеми участниками до полной уверенности. Более того, для Соединенных Штатов этот полет, как и вся их космическая программа, был средством для самоутверждения и демонстрации превосходства демократии над коммунистической системой Советского Союза.

Полет «Аполлона-11» впервые позволил сознательно наблюдать историю. Те, кто пожелал, а их оказалось около миллиона, прибыли на мыс Канаверал и испытывали все непосредственно, с помощью своих органов чувств. Те, кто не был на мысе в тот день, наблюдали за полетом по телевизору, сидя в мягких креслах и попивая пиво, как будто смотрели бейсбольный матч.

Оправившись после трагедии «Аполлона-1», программа «Аполлон» быстро, хотя и не гладко, продвигалась в деле подготовки полета человека на Луну. Запуск 11 октября 1968 года корабля «Аполлон-7» на орбиту вокруг Земли с помощью ракеты «Сатурн-1Б» стал первым полетом корабля «Аполлон» с экипажем. Двадцать первого декабря «Сатурн-5» отправил «Аполлон-8» и трех членов его экипажа в первый полет вокруг Луны. Третьего марта 1969 года «Сатурн-5» поднял командный и лунный модули на околоземную орбиту для репетиции стыковки в космосе. Затем 18 мая «Сатурн-5» отправил корабль «Аполлон-10» снова к Луне. На этот раз два члена экипажа подвели лунный модуль на расстояние 14 км к поверхности Луны.

Если бы посадка на Луну зависела только от надежности ракет, сконструированных и построенных Вернером фон Брауном, его группой и американской аэрокосмической промышленностью, то ее успех был бы гарантирован. Еще до «Аполлона-11» ракета «Сатурн-1» в нескольких версиях совершила 15 успеш-

ных полетов, а «Сатурн-5» выполнил 5 полетов почти безупречно.

Зрители начали прибывать на атлантическое побережье Флориды, по меньшей мере, за десять дней до пуска корабля «Сатурн-5/Аполлон-11». Вскоре пришла пресса. Начались вечеринки, на которых много пили и танцевали.

Журналисты смогли найти время и для пресс-конференций с астронавтами, а в понедельник 14 июля несколько сот человек собрались на встречу с руководством НАСА. Присутствовали Джордж Мюллер, член администрации НАСА по пилотируемым космическим полетам, Роберт Гилрут, директор Центра пилотируемых космических аппаратов в Хьюстоне, Курт Дебус, директор Космического центра имени Джона Кеннеди, и Вернер фон Браун. Кажется, половина всех вопросов была адресована фон Брауну, что говорило о том, что пятидесятилетний инженер и чиновник был наиболее известным участником космической программы из тех, кто не являлся астронавтом.

В то время как большинство репортеров следили за вопросами и ответами, присутствовавший там в качестве корреспондента писатель Норман Мейлер обратил внимание на фон Брауна:

Поскольку он был очень плотного сложения, с большим, тяжелым квадратным корпусом, наводившим на мысль о методичной безжалостности русских бюрократов, то относительно слабый голос, бегающие глаза и подрагивающие губы показывали, что он был противоречивым человеком. Он оставлял смешанное впечатление силы и уязвимости, спокойствия и волнения, жестокости и заботливости, равнодушия и чувствительности, так что сыграть его смог бы, пожалуй, такой виртуозный актер, как Род Стайгер. В тихом голосе фон Брауна, в самом деле, есть что-то от Стайгера, постоянные переходы силы и слабости, говорящие о

преданности науке и тщеславию, о самоотверженности и потворстве собственным слабостям, о металле и слабой плоти.

Кто знает, была ли оценка, данная Мейлером фон Брауну, верной. Во всяком случае, она вносила что-то новое, была сделана попытка разглядеть за тем, что лежит на поверхности, подлинный характер человека. В течение десятилетий большинство американцев считали фон Брауна тем, кем он казался, а это был портрет, созданный им самим.

Во время пресс-конференции журналист из Восточного Берлина задал фон Брауну вопрос по-немецки. После секундного замешательства фон Браун перевел вопрос на английский, затем дал длинный и подробный ответ на английском. Специально для журналиста, задавшего вопрос, он ответил и по-немецки. Большинство представителей прессы при этом заскучили, и фон Браун сказал: «Я должен предупредить 134 японских корреспондента, что я не могу сделать то же самое по-японски».

Фон Брауна попросили дать оценку важности высадки человека на Луне. Стараясь, как всегда, набить цену на свой товар, он сказал: «Я считаю, что по важности это событие можно сравнить с выходом жизни из воды на сушу». Эта оценка, верна она или нет, была подхвачена прессой.

Три астронавта, которые должны были отправиться в полет, не участвовали во всеобщей суете. Вскоре после возвращения они принялись писать историю, которую сами создавали, и они лучше других охарактеризовали кипевшее вокруг них безумие:

В Коко-Бич и по соседству, на мысе Канаверал, напряжение становилось неотличимым от физической

боли. В самом этом городе есть что-то странное, неестественное. В нем все увеселительные заведения как будто постоянно находятся в режиме ожидания. Коко-Бич в обычные дни — скучное место, и мотели всегда рады случайному туристу, приехавшему не зарезервировав предварительно номер. Но время пусков в Коко-Бич — это время безумия. Город охватывает странная истерия, как будто все находятся под воздействием наркотиков. Люди пьют в ненормальных количествах крепкие спиртные напитки, едят нерегулярно или вообще не едят и едва ли ложатся спать. Необычайно растет число частных приемов. Большинство из них организуется подрядчиками или ведущими средствами массовой информации в целях рекламы, но некоторые устраиваются состоятельными гражданами. Во время запуска Коко-Бич создает собственное гравитационное притяжение.

Накануне старта во всех мотелях, расположенных на расстоянии автомобильной поездки от места старта, проходили приемы и вечеринки. Самый большой прием, на котором присутствовали богатые, знаменитые и могущественные, давался в клубе «Ройял оук кантри» в Титусвилле, в 32 км на север от Коко-Бич. Он был оплачен журналом «Лайф», который устроил увеселительную поездку для президентов корпораций и высокопоставленных администраторов, распорядившихся крупными средствами, предназначенными для рекламы. Сначала их отвезли в Хьюстон для встречи с астронавтами, а затем на мыс Канаверал для присутствия при запуске корабля «Аполлон-11».

Вернер фон Браун получил почетное право выступить на банкете. «Лайф» предоставил ему, вероятно, одну из последних возможностей покрасоваться, получить гонорар за выступление и подать голос за будущее космической программы, если после дости-

жения Луны еще будет к чему стремиться. Через несколько недель все будут слушать троих человек, которые завтра утром разместятся в «Сатурне-5» фон Брауна, разумеется, если они совершат посадку на Луну и вернутся домой. Фон Браун с женой Марией прилетели на вертолете. Он быстро вошел в банкетный зал со стенами, отделанными под орех.

Во время рукопожатий, предшествовавших банкету, Норман Мейлер, получивший заказ от журнала «Лайф» на статьи о первой экспедиции на Луну, встретился с фон Брауном. Ученый, все еще выбивавший средства для космических исследований, сказал Мейлеру:

— Вы должны помочь нам подтолкнуть программу. — Фон Браун пытался подкупить Мейлера улыбкой. — У нас проблемы. Вы должны помочь нам.

— Кого вы дурачите, — сказал Мейлер. Посадка на Луну должна была стать триумфом фон Брауна. Конгресс не мог не отвалить денег на следующий проект. — Вы получите все, что захотите.

Очевидно, Мейлер лучше разбирался в характерах людей, чем в намерениях государственных органов.

Для фон Брауна это было слишком, и он неловко двинулся навстречу другому участнику банкета, у которого, возможно, хватит такта не говорить прямо, что он думает.

Вскоре приглашенные на прием капитаны американской индустрии перешли от коктейлей к ростбифу, к мороженому, а затем к почетному докладчику. Издатель «Лайфа», человек, плативший за банкет, взял слово для представления. Вначале он назвал не Вернера фон Брауна, а его учителя, Германа Оберта. Он справедливо отметил, что Оберт, наряду с Циолковским и Годдардом, является одним из основопо-

ложников исследования космоса. В свои семьдесят пять Оберт был совершенно седым, но сохранил выразительные черты лица и гордую осанку. Он был живой легендой, помнили о нем немногие.

Представляя фон Брауна, издатель пустился в скучный и потенциально неприятный рассказ о службе фон Брауна в Германии, где он родился, но исправил ситуацию, напомнив всем, что фон Браун стал гражданином США в 1955 году. Когда издатель закончил и вперед вышел фон Браун, его приветствовали овацией. Он мог быть в прошлом нацистом, но он был американский бывший нацист.

Фон Браун начал с благодарностей руководителям корпораций и признания их заслуг в подготовке наступающего великого события. На случай, если кто-то забыл, он напомнил, что это «триумф Америки». Когда фон Браун перешел к основной части своего выступления, то могло показаться, что он рассматривает высадку человека на Луну как незначительное событие. Что такое, в конце концов, Луна, кроме как серая каменная глыба, мертвая и представляющая лишь преходящий интерес. Значение полета корабля «Сатурн-5/Аполлон-11» заключалось в том, что он был первым шагом человечества в новые миры. Фон Браун сказал: «Подлинной целью завтрашнего полета является будущее Земли. Мы расширяем область человеческого сознания. Мы заставляем данный Богом разум и данные Богом руки достигнуть своих высших возможностей, и от этого выиграет все человечество. Когда Нил Армстронг ступит на Луну, это будет совершенно новый шаг в эволюции человека».

«Новый шаг в эволюции человека». Разумеется, это была гипербола. Космическая концепция, спрессованная в легко запоминающуюся фразу.

Когда наступило время вопросов, у фон Брауна был готов список пожеланий. Будущее космической программы — в транспортных ракетах многократного использования, орбитальных лабораториях, больших ракетах с ядерными двигателями и экспедициях на Марс. Полет на Луну был не концом программы, а началом новой эры открытий. Не хватало только финансовой поддержки. Может быть, богатые и могущественные могли бы помочь. Ответив на ряд вежливых вопросов, фон Браун покинул прием. На своем вертолете он отправился на встречу с сенаторами и конгрессменами с целью продолжать лоббировать выделение средств.

Вернувшись в свою комнату в Коко-Бич, фон Браун в течение часа просматривал график запуска корабля «Сатурн-5/Аполлон-11». Он позвонил старому другу и коллеге Курту Дебусу, пожелал ему удачного старта на следующий день и выяснил несколько мелких деталей. Затем, наконец, лег в постель и закрыл глаза.

На самом деле почти миллион людей, приехавших на мыс Канаверал, сделали это не ради вечеринок, а чтобы принять участие в большом приключении, в котором непосредственно участвуют лишь три человека. На рассвете Нил Армстронг, Майкл Коллинз и Базз Олдрин вошли в командный модуль башни «Сатурн-5». Эта башня состояла из первой ступени S-1С, второй ступени S-2С, третьей ступени S-4В, приборного отсека высотой 0,9 м, лунного модуля, конического служебно-командного модуля и вышки аварийного выхода. Астронавты репетировали свои роли с тех пор, как в январе 1969 года их утвердили на этот полет. Когда они уселись у самой верхушки башни высотой 111 м, все было так же, как во время подготовки, с той разницей, что теперь они были при-

стегнуты к потенциально взрывоопасному резервуару, содержавшему более 2700 т жидкого кислорода, керосина, жидкого водорода и самовоспламеняющегося топлива. И, разумеется, на них смотрел весь мир.

Все вели себя так, словно риск приключения был невелик или его не было вовсе. Фактически, риск был запланирован. На ранних стадиях программы «Аполлон» НАСА определяла вероятность благополучного возвращения астронавтов на Землю как 0,999, то есть в 999 случаях из тысячи. Словами это выражалось как «три девятки». Вероятность выполнения посадки на Луну и благополучного возвращения на Землю была равна 0,99, то есть в 99 случаях из ста, или «две девятки». В НАСА ходил анекдот о том, как группа из штаб-квартиры приехала в Хантсвилл, чтобы задать фон Брауну вопрос о надежности ракеты «Сатурн-5». Фон Браун обратился к своим ближайшим помощникам с вопросом: «Есть ли какие-либо причины для ее отказа?» Те по очереди ответили по-немецки «Найн», «Найн», «Найн», «Найн» (то есть «нет»). Фон Браун сказал посетителям из штаб-квартиры НАСА: «Господа, у меня надежность четыре девятки*». Утром 16 июля все верили в надежность ракеты. Никто не смел и думать о возможной неудаче.

Число зрителей было огромно. По оценкам, свыше миллиона человек расположились вдоль восточного побережья Флориды в пределах видимости от корабля «Сатурн-5/Аполлон-11». Большинство приехали на машинах, легковых, грузовых, автофургонах. Тысячи находились на лодках, бросивших якорь в реках Индейская и Банановая возле мыса Канаверал. 1782 журналиста должны были гарантировать должное освещение исторического события. Около 6 тысяч человек находились там по приглашению НАСА. Среди них

* Игра слов: nine (англ.) — девять. — Прим. перев.

были 205 конгрессменов, 30 сенаторов, 19 губернаторов, 50 мэров и 69 послов. Линдон и Ледиберд Джонсон прибыли в качестве представителей президента Никсона. Присутствовали также вице-президент Спиро Агню, Чарльз Линдберг и Герман Оберт, чьи теории и планы начали всю цепь событий почти за полвека до предстоявшего полета. Те, кто не добрался до мыса Канаверал, смотрели телевизор или слушали радио. Телекомпания «Эй-би-си» определила число людей, следивших за пуском, в 528 миллионов.

Вернер фон Браун приехал в Центр управления пуском Космического центра имени Джона Кеннеди в 4.00 утра. Он поднялся на лифте в огромное помещение, где более 50 человек сидели перед приборами, следя за состоянием корабля во время обратного отсчета времени. Курт Дебус сказал ему, что все проходит нормально. Фон Браун перешел в смежное помещение со стеклянными стенами, где важные персоны могли считать себя участниками действия, никому при этом не мешая. Там к нему присоединились доктор Джордж Мюллер, администратор НАСА по пилотируемым космическим полетам, генерал-лейтенант Сэмюэль Филлипс, директор программы «Аполлон», и еще несколько человек. Через окна высотой от пола до потолка, выдерживающие действие взрыва, они в бинокли наблюдали за пуском с площадки № 39-А, находившейся от них на расстоянии 6 км.

— Время «Т» минус 60 секунд, отсчет продолжается, — голос из Центра управления пуском раздается из каждого громкоговорителя на мысе Канаверал и из большинства телевизоров и радиоприемников на Земле.

Мечта фон Брауна становится реальностью, и теперь она в руках других.

— «Т» минус 15 секунд, управление внутреннее

— Так, — тихо произносит фон Браун. Затем он делает единственное, что ему еще осталось. Он тихо молится: *«Отче наш, сущий на небесах!»*

— 12, 11, 10, 9... Начинается последовательное зажигание.

«Да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе».

— 6, 5, 4, 3, 2, 1, 0. Все двигатели включены.

«Хлеб наш насущный подавай нам на каждый день; и прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему».

— Пуск! У нас пуск, 4 часа 32 минуты.

«Ибо Твое есть Царствие, и сила, и слава во веки веков».

— Пуск «Аполлона-11».

«Аминь».

За 4 км отсюда ближайшие зрители, журналисты наблюдают, как ракета отрывается от вершины пусковой площадки. Только потом, через 15 секунд после того, как произошло зажигание гигантских двигателей «Сатурна-5» и через 6 секунд после того, как они развили тягу, достаточную, чтобы оторваться от площадки, оставляя за собой водопад пламени, журналисты слышат потрескивание двигателей. Звук выхлопов усиливается до оглушительного стаккато, и земля непрерывно дрожит от неистовой силы.

Ракета поднимается, слегка отклоняется в сторону Атлантики и уходит в небо. Скоро с земли видно лишь пламя, толкающее ее все выше и быстрее. Менее чем за 3 минуты полета первая ступень сжигает все свое топливо и падает в океан. Зажигается вторая ступень, и подъем продолжается. Через 3 минуты после старта отстреливается вышка аварийного выхода. Вторая ступень отваливается через 9 минут 11 секунд после

старта. Единственный двигатель третьей ступени, поработав две с половиной минуты, выключается, оставляя космический корабль с тремя пассажирами на околоземной орбите.

Через 2 часа 45 минут после старта «Аполлон-11» прошел значительную часть второго витка вокруг Земли. Астронавты снова включают двигатель третьей ступени. Он работает бесшумно, но прижимает их к сиденьям с силой, равной 1,5 силы тяжести на земле. Через 6 минут двигатель выключается, и «Аполлон-11» движется со скоростью 10 842 м/сек по траектории, которая пересечется с орбитой Луны.

В этот момент Майк Коллинз уводит командный модуль от корабля, поворачивает его на 180 градусов и состыковывает его конический нос с верхом лунного модуля. Третья ступень все еще связана с нижней частью лунного модуля и будет отделена лишь после длительной проверки.

«Аполлон-11» движется к Луне, сначала теряя скорость из-за притяжения Земли, потом увеличивая скорость из-за большего воздействия со стороны Луны. Через 76 часов после старта корабль начинает огибать Луну под воздействием ее тяготения. Майк Коллинз нажимает кнопку, и двигатель командного модуля включается на 6 минут. «Аполлон-11» выходит на селеноцентрическую орбиту.

Советский Союз, о котором Запад почти забыл во время полета «Аполлона-11», также стремится к Луне. Тринадцатого июля, за три дня до старта «Аполлона-11», СССР запускает автоматический корабль «Луна-15», который должен совершить посадку на Луне и вернуться на Землю с образцом лунного грунта. Он подлетает к Луне и выходит на орбиту вокруг нее за два дня до прибытия «Аполлона-11». Орбита

«Луны-15» такова, что она не мешает полету американского корабля. Корабль маневрирует, собираясь совершить посадку в Море кризисов, но терпит крушение, и одновременно рушатся надежды Советского Союза опередить Соединенные Штаты в достижении научной цели — доставки на Землю образца лунного грунта. Теперь эта задача стоит перед Армстронгом, Олдрином и Коллинзом.

Полетом «Аполлона-11» руководят из Центра пилотируемых космических полетов в Хьюстоне. Из-за спин операторов, управляющих полетом, смотрят на приборы администратор НАСА Томас Пейн и несколько его подчиненных, многие астронавты, бывшие и нынешние, и, разумеется, Вернер фон Браун. У всех на лицах выступили капельки пота, и не только из-за душной погоды, типичной для Хьюстона летом. Ближится к завершению, будь то триумф или трагедия, все то, что так долго планировалось.

Нил Армстронг и Базз Олдрин входят в лунный модуль и выводят его на более низкую орбиту, это шаг к заключительному спуску. Снижение на последние 29 км до поверхности Луны занимает около 12 минут. С разрешения Хьюстона команда лунного модуля включает двигатели и начинает спуск. Бортовой компьютер лунного модуля запрограммирован для управления тормозным двигателем и посадки модуля на поверхность Луны. Когда корабль уже прошел часть спуска, на компьютере загорается сигнал тревоги. Спуск продолжается, в то время как персонал в Хьюстоне пытается понять, что происходит. Они приходят к выводу, что компьютер перегружен данными, — не слишком серьезная проблема, если речь идет не о первом спуске на поверхность Луны. На высоте нескольких сот метров над поверхностью Армстронг

замечает, что компьютер ведет их на поле, покрытое валунами. Он переходит к ручному управлению и начинает искать ровный участок, на который можно посадить лунный модуль. Когда топлива в баках останется, по оценкам, на 20 секунд, Армстронг произносит: «Хьюстон, мы на дне Моря спокойствия. Орел приземлился».

Время — 16.18 по восточному времени, 15.18 в Хьюстоне.

На земле все перевели дух.

21 июля, проведя 21 час 38 минут на Луне и прогуляв 2 часа 21 минуту по лунной поверхности, астронавты взлетают на борту лунного модуля «Орел», чтобы вернуться на Землю. Армстронг и Олдрин установили флаг, провели несколько экспериментов, оставили памятные знаки и собрали около 18 кг лунных камней. Их встреча с командным модулем проходит согласно плану, и они берут курс на Землю.

Утром во вторник 22 июля Советский Союз двусмысленно заявляет, что «Луна-15» достигла поверхности Луны и ее полет завершен.

Ранним утром 24 июля командный модуль «Аполлона-11» опустился в Тихом океане примерно в 1520 км на юго-запад от Гавайских островов, недалеко от места, где его ждал авианосец «Хорнет». На борту авианосца находился президент Соединенных Штатов, прибывший туда, чтобы поприветствовать астронавтов.

Астронавты приглашали президента Никсона пообедать с ними в Космическом центре имени Джона Кеннеди накануне полета, но у того появились симптомы простуды, и он благоразумно отклонил приглашение. Если бы кто-то из астронавтов чихнул

во время полета на Луну, сразу было бы ясно, кто виноват. Однако президент, как почти каждый на земле, поддался всеобщему возбуждению, связанному с высадкой на Луну, и почти наполовину обогнул Землю, чтобы поприветствовать астронавтов на борту «Хорнета».

В НАСА некоторые выражали беспокойство, что астронавты могут занести с Луны микробов, которые вызовут на Земле лунную эпидемию. Когда астронавты поднялись на борт «Хорнета», их провели к установленному на палубе специально оборудованному алюминиевому трейлеру, в котором они должны были провести 18 дней в изоляции. Примерно 40 минут заняло взятие у них проб и мытье под душем, прежде чем они увидели президента через окно карантинного трейлера. Похвалы президента не знали границ. Он сказал: «Нил, Базз и Майк, я хочу вам сказать, что считаю себя самым счастливым человеком на свете, и я говорю это не только потому, что я имею честь быть президентом Соединенных Штатов, но в особенности потому, что мне предоставлена честь приветствовать вас на Земле от имени столь многих людей».

Никсон пригласил астронавтов с женами на торжественный обед после окончания карантина. Поддавшись всеобщему возбуждению и находясь в свете телекамер, он никак не мог распрощаться и не давал почти никому вставить слово.

Обычно хладнокровно наблюдавший за событиями, здесь президент не смог удержаться от гипербол. «Это величайшая неделя в истории со времени творения, потому что в результате того, что произошло за эту неделю, мир бесконечно расширился, и еще никогда он не был так тесно сплочен».

Успех полета «Аполлона-11» привел к нескольким превращениям, в которых можно усмотреть истори-

ческую иронию. Вместо фон Брауна и инженеров подлинными исследователями космоса предстали три астронавта, а Ричард Никсон занял место Джона Кеннеди в качестве покровителя космических исследований. К сожалению, слава и восхищение продлились недолго.

После успешного возвращения на Землю члены экипажа «Аполлона-11» превратились в национальное сокровище. Их берегли, лелеяли и использовали для создания положительного образа НАСА и США. Правительство никогда не позволило бы им совершить полет более рискованный, чем полет на авиалайнере. Не имея возможности остаться пилотами, они в конце концов ушли из космической программы. Восхищение Ричарда Никсона не привело к финансовой поддержке последующих космических проектов.

После успеха «Аполлона-11» общественный интерес к программе высадки человека на Луну снизился. Цель, поставленная Джоном Кеннеди, была достигнута. Люди прошли по Луне, собрали лунные камни и благополучно вернулись домой. В последующие два с половиной года было совершено еще 6 полетов к Луне, и, за исключением прерванного полета «Аполлона-13», все они были выполнены в соответствии с планом, имели место лишь минимальные случайные отклонения. Полет «Аполлона-11» стал для прессы и телевидения событием века. Последующие полеты выглядели лишь как повторный показ.

Когда командный модуль «Аполлона-11» вернулся на Землю, Вернер фон Браун был дома в Хантсвилле. Известие об успехе, а это был успех Хантсвилла, где была задумана ракета «Сатурн-5», вызвало всеобщее ликование, и горожане пронесли фон Брауна по улицам города на руках. Через два дня фон Браун празд-

новал высадку на Луну вместе со всеми сотрудниками Центра космических полетов имени Дж. Маршалла на послеполуденном пикнике. В тот же вечер он участвовал в банкете, устроенном в честь этого события городскими властями Хантсвилла.

Президент Никсон планировал провести торжества в Белом доме 7 августа и собирался пригласить ведущих участников программы «Аполлон», включая и фон Брауна. Однако прежде чем разослать приглашения, помощник Никсона по внутренним делам Джон Эрлихман попросил ФБР проверить фон Брауна. Вскоре он получил письмо от директора ФБР Эдгара Гувера, в котором говорилось: «Хотя расследования дали результаты в общем благоприятные для доктора фон Брауна, и показали, что он является антикоммунистом, была получена информация, что он вступил в СС, получив чин лейтенанта, и стал членом Национал-социалистической партии в 1939 году». После 24 лет работы на правительство и 14 лет, проведенных в качестве гражданина США, после руководства созданием ракет, которые привели к триумфу страны в космосе, ему все еще не верили.

Президент Никсон устроил празднование в среду 13 августа 1969 года, после того как астронавты вышли из карантина. День начался с парада на Бродвее в Нью-Йорке, затем был автомобильный парад и ралли в Чикаго, а кульминацией праздника стал обед, который президент дал в Лос-Анджелесе. Обед в отеле «Сэнчери плаза» был показан по телевидению, так что каждый американец мог присоединиться к президенту Никсону и его 1440 гостям, среди которых были доктор и миссис Вернер фон Браун из Хантсвилла, штат Алабама.

Челнок, космическая станция и упадок НАСА

Должны быть новые полеты. Мы должны использовать построенные для программы «Аполлон» ракеты «Сатурн», корабль «Аполлон» и пусковой комплекс снова и снова, чтобы получить полную отдачу от наших вложений. Сделать остановку на Луне на одну ночь и больше не лететь туда было бы так же бессмысленно, как построить локомотив и трансконтинентальную железную дорогу и потом совершить единственную поездку из Нью-Йорка в Лос-Анджелес.

Вернер фон Браун

1969

год должен был стать счастливым для фон Брауна, ведь это был год, когда вместе с высадкой человека на Луне наиболее полно осуществилась его мечта об исследовании космоса. Открывались новые перспективы для космических полетов, но призраки прошлого преследовали фон Брауна.

Неприятности начались для него в начале 1969 года, когда прокуратура Западной Германии, расследуя заявления о военных преступлениях, совершенных в

концлагере «Дора», попросила его о встрече. Хотя фон Браун не получил прямых указаний встретиться со следователями, но, будучи служащим федерального правительства, он не мог отказать правительственным органам союзного государства.

Информация, которую он сообщил западногерманским следователям, по-прежнему состояла в отрицании участия в жестокостях или осведомленности о них, как и его показания 1947 года на суде, рассматривавшем дело о военных преступлениях в «Доре» и Нордхаузене. «Я никогда не видел ни мертвых, ни жестокого обращения, ни убийств», — сказал фон Браун. Относительно имевшихся в архивах Пенемюнде сообщений об актах саботажа, совершенных узниками, он сказал: «Этого я не помню». Расследование было неприятным, но в нем не было ничего нового. Фон Браун отвечал на подобные вопросы в своих показаниях в 1947 году и в ответах на обвинения во французской прессе в 1965 и 1966 годах и избежал серьезных неприятностей, заявив о своей недостаточной информированности и осудив преступления. Тем не менее все это несколько подпортило предстоящий запуск «Аполлона-11».

Приблизительно во время запуска генерал-майор в отставке Джулиус Клайн задал фон Брауну вопрос об обвинениях, выдвинутых против него журналистом Дрю Пирсоном, занимавшимся раскапыванием грязных историй. Примерно за двадцать лет до того Пирсон утверждал, что фон Браун был членом СС, но очень немногие обратили на это внимание или помнили об этом. Однако фон Брауна, похоже, потрясло частное расследование генерал-майора Клайна. Впервые за десятилетия кто-то поднял этот вопрос. «Это правда, что я входил в состав гитлеровских элитных войск СС. Журналист был прав, — писал он. — Я был

бы очень признателен, если бы вы сохранили эту информацию в тайне, так как ее разглашение повредило бы моей работе в НАСА». Клайн, внявший, по-видимому, просьбе фон Брауна, больше не поднимал этот вопрос.

После благополучного возвращения корабля «Аполлон-11» на Землю президент Никсон собирался дать в Белом доме обед в честь этого события и пригласить на него Вернера фон Брауна. Несмотря на годы его работы для правительства и на проверки благонадежности, которые он прошел в связи со своей работой, люди Никсона потребовали от ФБР провести проверку ученого, прежде чем он будет приглашен.

Фон Браун мог не знать о проверке, устроенной Белым домом, но он не мог не заметить направленной против него демонстрации протеста, состоявшейся через 6 недель в Уилмингтоне, штат Делавэр. Клуб «Голден слиппер сквер», по преимуществу еврейская организация, пригласила фон Брауна вместе с другими сотрудниками НАСА на банкет, состоявшийся 16 сентября. Их встретила группа, называвшая себя «Выжившие Уилмингтона». Это были евреи, бывшие узники концлагерей, которые не собирались забывать прошлое. Около 25 пикетчиков собрались возле клуба с плакатами, напоминавшими о нацистском прошлом фон Брауна. Демонстранты растоптали нацистский флаг и мирно разошлись.

В конце января 1969 года Корнелиус Райан, редактировавший серию статей в журнале «Кольерс», в которых фон Браун семнадцать лет назад представил свои планы космических полетов, написал своему старому другу и коллеге. «Кольерс» уже давно стал жертвой конкурентной борьбы среди журналов, но Райан теперь работал в «Ридерс дайджест». Полеты

«Аполлона» должны были доставить астронавтов на Луну и благополучно вернуть их на Землю, но что последует за программой «Аполлон»? Райан попросил фон Брауна написать статью, представляющую его концепцию будущей космической программы Соединенных Штатов. Фон Браун не мог упустить случай еще раз оказаться пророком.

Фон Браун, написав статью, несколько раз перерабатывал ее в начале октября 1969 года после полета «Аполлона-11». Он определил широкую и далеко идущую программу, включавшую завершение исследования Луны с помощью корабля «Аполлон», посылку роботов для взятия проб на планетах, запуск спутников для связи и для наблюдения за земной поверхностью, космический корабль многократного использования, станции на околоземной орбите и экспедицию человека на Марс. Фон Браун благоразумно не указывал временных сроков или затрат, необходимых для выполнения этих программ. Он закончил статью, проведя параллель между НАСА и португальским принцем Генрихом Мореплавателем (1394–1460). Генрих обессмертил свое имя, создав обсерваторию и первую школу навигаторов в Европе. Он также внес вклад в развитие кораблестроения и исследование западного побережья Африки. После его смерти исследования были продолжены и привели к открытию мыса Доброй Надежды, Индийского океана и нового торгового пути на восток.

Фон Браун завершил рукопись своей статьи словами:

Генриху Мореплавателю пришлось бы туго, если бы его попросили дать рациональное объяснение своим действиям или предсказать, как окупится его программа исследований. Он совершил акт веры, и мир

стал богаче и краше благодаря ему. Исследование космоса — это вызов нашего времени. Если мы поверим в него и продолжим его, мы будем вознаграждены.

Похоже, что фон Браун видел себя современным Генрихом Мореплавателем, хотя публично он отдал эту роль НАСА.

В конце 1970 года у Райана был окончательный вариант рукописи, который он представил для одобрения редактору. Прочитав рукопись, главный редактор принял решение не печатать статью, почувствовав, что она не соответствует настроению и интересам читателей. Райан ответил запиской, которая показывала его собственные опасения. Он писал: «Как ни цинично это может выглядеть, но общее настроение в нашей стране не очень благоприятствует большим расходам на космическую программу. Фон Браун, что бы он ни говорил, хотел бы продолжать тратить деньги, как пьяный моряк, ведь, в конце концов, космос и его исследование — это то, чему он посвятил жизнь». Райан заканчивал записку своему боссу обещанием пригласить фон Брауна в один из лучших ресторанов Нью-Йорка, «заглянуть в его голубые тевтонские глаза, вложить в его руку стакан с выпивкой» и как можно мягче объяснить, что «Ридерс дайджест» не напечатает его новый космический план.

Тринадцатого февраля 1969 года одним из первых действий Ричарда Никсона в качестве президента стало учреждение Специальной комиссии по космосу, которая должна была определить долговременные цели в исследовании космоса и одобрить последовательную долгосрочную космическую программу. Следуя традиции, хотя и недавно установленной, он назначил вице-президента Спиро Агню главой группы, в кото-

рую вошли новый администратор НАСА Томас Пейн, советник президента по науке Ли Дюбридж и министр ВВС Роберт Симанс. От комиссии нельзя было ожидать слишком много, поскольку, по словам Томаса Пейна об Агню, «его интерес к программе заключался в основном в игре в гольф с астронавтами». Тем не менее под руководством Агню комиссия выполнила свою задачу. В день, когда «Аполлон-11» отправился к Луне, Агню, говоря от имени комиссии, определил в качестве новой цели страны высадку человека на Марс до 2000 года. Предложение Агню было эхом призыва Кеннеди совершить посадку на Луну до конца десятилетия. В сентябре 1969 года Специальная комиссия по космосу предложила три возможных варианта будущей космической программы Соединенных Штатов:

- Программа с затратами 8–10 миллиардов долларов в год, включающая экспедицию людей на Марс, космическую станцию на селеноцентрической орбите и станцию на околоземной орбите с персоналом 50 человек, обслуживаемую паромом многоразового использования, или космическим челноком.
- Промежуточная программа, обходящаяся меньше чем в 8 миллиардов долларов в год, включающая экспедицию на Марс.
- Относительно скромная программа с бюджетом от 4 до 5,7 миллиарда долларов в год, в которую входят космическая станция на околоземной орбите и космический челнок, связывающий ее с Землей.

Для сравнения следует напомнить, что давняя программа «Меркурий» обошлась в 392 миллиона долларов, последующая программа «Джемини» стоила 1,6 миллиарда долларов, а весь бюджет программы «Аполлон» составил 24 миллиарда долларов. Самый

дорогой вариант программы обошелся бы в 8–10 миллиардов в год, что было не намного больше 6,8 миллиарда, которые НАСА и другие ведомства расходовали на космические программы в 1964 году, когда работы по программе «Аполлон» велись наиболее активно. (Критики, однако, подчеркивали, что «Аполлон» обошелся в 120 долларов каждому жителю Соединенных Штатов, включая детей, хотя затраты и были растянуты на десятилетия.)

Вернер фон Браун должен был быть доволен: Специальная комиссия по космосу рекомендовала следовать программе исследования космоса, которую он впервые изложил в статьях, напечатанных в журнале «Жольерс». После объявления этих рекомендаций будущее космических исследований стало выглядеть более светлым. Программа была представлена президенту его собственным вице-президентом. Что могло помешать?

Ракетно-космический центр Алабамы, позднее переименованный в Ракетно-космический центр Соединенных Штатов, открылся в 1970 году в значительной степени благодаря пропаганде фон Брауна и его помощи в приобретении экспонатов для выставки. Ракеты, которые уже находились в Центре космических полетов имени Дж. Маршалла и в Редстоунском арсенале, были просто перевезены на соседний участок, ставший Ракетно-космическим центром. Фон Браун хотел, чтобы центральным экспонатом выставки стал корабль «Сатурн-5/Аполлон». Различные компоненты и ступени корабля были рассеяны по стране, и фон Браун придумал, как собрать их вместе. Он объявил, что компоненты необходимы для обучения персонала их транспортировке по суше. Учебный маршрут составлял дистанцию в 3 км от Центра космических по-

летов имени Дж. Маршалла до Ракетно-космического центра. Тренировочная программа была завершена, как только компоненты корабля «Сатурн-5/Аполлон» были доставлены в Ракетно-космический центр, который согласился хранить их, не взимая за это плату с НАСА.

После открытия Ракетно-космического центра к нему добавился Космический лагерь стоимостью в 4,5 миллиона долларов, место, где студенты, учителя и любители приключений испытывали ощущения, подобные тем, какие испытывают астронавты в космосе. Оборудование лагеря включает центрифугу, которая подвергает 46 пассажиров утроенной силе тяжести, совершая вращение под куполом планетария, и «Выстрел в космос», запускающий 12 пассажиров в ракету вверх по башне высотой 55 м, подвергая их четырехкратной силе тяжести. Понятно, что Ракетно-космический центр претендует на роль главного центра туризма в Алабаме. Многие из того, что предлагается туристам в Ракетно-космическом центре и Космическом лагере, имеет своим истоком концепции, впервые опробованные Вернером фон Брауном и Уолтом Диснеем в Диснейленде в середине 1950-х годов.

Есть немалая доля иронии в том, что Уолт Дисней создал второй свой парк развлечений менее чем в 96 км от космического центра имени Джона Кеннеди во Флориде — места старта всех пилотируемых полетов американской космической программы. Во время открытия «Мира Уолта Диснея» в октябре 1971 года главным разделом был «Туморроуленд» («Страна будущего»). Поскольку в то время полеты ракет на Луну были почти рутинным делом, Дисней совершил прыжок в будущее с помощью аттракциона «Полет на Марс». Через три года «Полет на

Марс» заменил «Ракету к Луне» в Диснейленде, расположенном в Анахайме, штат Калифорния. «Страна будущего» Дисней стала музеем фантазии, подобно Ракетно-космическому центру фон Брауна.

Ко времени, когда «Аполлон-11» в 1969 году отправился к Луне, стало ясно, что Центр космических полетов имени Дж. Маршалла выполнил свою миссию и не имеет значительных проектов на будущее. Администратор НАСА Томас Пейн понимал это и видел, что директор Центра фон Браун мог либо остаться без значительного дела в Хантсвилле, либо помочь ему выработать будущий курс НАСА в штаб-квартире в Вашингтоне.

Предшественник Пейна Джеймс Уэбб сознательно старался, чтобы фон Брауна поменьше видели в Вашингтоне. Он беспокоился, что возникнут серьезные возражения против участия бывшего нациста в выработке политики НАСА со стороны лиц, пострадавших во время войны.

Пейн не разделял его беспокойства. Он говорил:

Я полагаю, большинство людей чувствуют, что у него было чертовски неудачное прошлое, и никто не любит нацистов, но он по-своему расплатился с долгами. Он на самом деле помог нам добраться до Луны, создав «Сатурн-5», и показал себя достойным гражданином нашей страны. Если мы не можем простить и забыть, то вежливость не позволяет нам устраивать постыдные разборки.

Очевидно, Пейн знал лишь официальную версию прошлого фон Брауна. Он ничего не знал о его членстве в СС или участии в использовании рабского труда при изготовлении ракет «Фау-2» на заводе «Миттельверк».

Пейн вспоминал, что фон Браун вначале колебался, следует ли ему переезжать в Вашингтон, но он нашел союзника в лице своей жены Марии. Она с детьми жила сначала в пустыне Западного Техаса, потом на севере Алабамы, а теперь была бы рада переехать в столицу.

Вернер фон Браун, нуждавшийся в том, чтобы быть на виду, и мечтавший о продолжении космической программы, принял приглашение Пейна. В феврале 1970 года он приступил к работе в качестве администратора по планированию будущих программ. Он уже не имел тысяч людей в подчинении и соответствующего бюджета, но у него была задача продать американскому народу и администрации Никсона космическую программу, которую он изложил в журнале «Кольерс» двумя десятилетиями раньше: корабли многоразового использования, орбитальные космические станции и полет на Марс.

В марте 1970 года президент Никсон объявил свое решение по поводу рекомендаций Специальной комиссии по космосу, вынесенных в сентябре предыдущего года. Он поддержал наименее дорогостоящий вариант будущей космической программы, разработку космической транспортной системы, или космического челнока, но отложил создание космической станции до создания челнока.

Заявление Никсона было неприятным для вице-президента Агню, возглавлявшего Специальную комиссию по космосу, и стало большим разочарованием для администрации и всех сотрудников НАСА. Администратор НАСА Томас Пейн видел, что его руководство оказывается неэффективным, и объявил о своей отставке 28 июля 1970 года. С уходом человека, 5 месяцев назад пригласившего его в штаб-квартиру НАСА, Вернер фон Браун лишился наиболее влия-

тельного союзника. Его будущее в НАСА стало зыбким и не предвещающим ничего хорошего.

Осенью 1970 года Белый дом в лице заместителя помощника президента Александра Баттерфилда запросил у ФБР информацию о фон Брауне. По всей видимости, запрос последовал за заявлением, автор которого до сих пор засекречен.

Пятого октября 1970 года руководство ФБР уполномочило своих следователей провести беседу с фон Брауном. Внутренняя записка ФБР показывает, что директор ФБР Гувер и его заместитель и друг Клайд Толсон не скрывали, что они не были поклонниками фон Брауна: «Бюро проводило расследования по делу фон Брауна в 1948 и 1961 годах. В 1970 году было решено не приглашать фон Брауна для выступления на торжественном завтраке в ФБР. По этому поводу Толсон сказал: “Он притворщик”, а директор согласился с этим. Несмотря на этот недостаток, наши расследования не обнаружили с его стороны нелояльности по отношению к США».

Агенты ФБР беседовали с фон Брауном в его кабинете в штаб-квартире НАСА 4 ноября 1970 года. Значительная часть беседы все еще является засекреченной. В то же время отчет о беседе содержит следующее загадочное замечание: «В 1947 году фон Брауну было разрешено вернуться в Германию, где он женился на своей нынешней супруге, являющейся также его кузиной. Они счастливо прожили в браке более двадцати лет, и со времени женитьбы он был “хорошим мальчиком”».

Не был ли фон Браун обвинен в измене жене и стране? Сам он полагал, что источник информации, послужившей поводом для расследования, наплел небылиц, чтобы произвести впечатление на власти.

ФБР послало Баттерфилду в Белый дом отчет на следующий день после беседы с фон Брауном. В отчете говорилось, что он «полностью отрицал обвинения и добровольно предоставил информацию о своей деятельности со времени приезда в Соединенные Штаты, которая должна была опровергнуть эти обвинения».

Прожив в Соединенных Штатах 25 лет, будучи 15 лет гражданином страны и проработав 25 лет на правительство, Вернер фон Браун так и не смог добиться доверия и уважения. Но что он мог с этим поделать?

Первая американская космическая станция начала обретать свои очертания после успешной высадки на Луну. По размерам она была значительно скромнее, по сравнению с предложениями фон Брауна 1950-х годов, и цели ее также были более скромными. Двадцать второго июля 1969 года, после возвращения «Аполлона-11», НАСА дало указание своим подразделениям начать работу над прикладной программой «Аполлон», которая позже была названа «Скайлэб».

В течение нескольких лет подразделения НАСА изучали возможность вывода на орбиту небольшой лаборатории, в которой могли бы проводиться научные эксперименты. Конкурирующие предложения возникли в Центре космических полетов имени Дж. Маршалла в Хантсвилле и Центре пилотируемых космических полетов в Хьюстоне. В обоих планах в качестве оболочки, в которой будут находиться на орбите жилище и лаборатория, использовалась третья ступень «Сатурна-5», компонент S-4В. Центр имени Дж. Маршалла, которым руководил фон Браун, предпочитал план, по которому заправленная топливом ступень доставлялась на орбиту первой ступенью «Сатурна-1Б». Затем еще одна ракета «Сатурн-1Б» доставляла экипаж,

оборудовавший лабораторию в ступени S-4B, которая до этого сжигала все топливо. В Хьюстоне этот план считали слишком громоздким и проблематичным с точки зрения объема сборочных работ, которые необходимо будет провести на орбите. Там предпочитали подход, при котором вся лаборатория собиралась на земле и доставлялась на орбиту в качестве третьей ступени «Сатурна-5». В конце концов победил подход, предложенный в Хьюстоне.

Станция «Скайлэб» проектировалась как наиболее простая космическая станция с экипажем из трех человек, которые не должны выходить из спутника, если все идет по плану. Эта станция не смогла бы служить ступенькой для экспедиции на Марс, но могла быть использована для испытания снаряжения и тренировок людей, которые в конце концов отправятся в это путешествие.

Продолжалась разработка космического корабля многоразового использования. Принятая в НАСА концепция являлась вариантом принадлежавших фон Брауну ранних конструкций крылатого корабля, взлетающего вертикально вверх, и включала опыт, накопленный во время работы над «Сатурном-5». Новый корабль должен был состоять из двух ступеней с орбитальной ступенью, расположенной «на спине» ракеты-носителя. У обеих ступеней должны были быть ракетные и воздушно-реактивные двигатели, и на обеих должны были находиться экипажи. Носитель должен был взлетать с помощью ракетных двигателей, затем отделяться от орбитальной ступени и возвращаться на базу с помощью реактивного двигателя. Орбитальная часть, или космический челнок, как ее в конце концов стали называть, должна была осуществлять полет в космос, используя ракетный двигатель.

Орбитальная ступень должна была быть огромной, размерами с лайнер «Боинг-727», и нести топливо. Замечательно, что и носитель, и орбитальная ступень должны были быть многоразового использования. Предполагалось, что это должно уменьшить стоимость подъема на орбиту одного фунта полезного груза с 500 до 50 долларов и создать новые возможности для научного и коммерческого использования космоса.

НАСА оценивало стоимость создания корабля многоразового использования в 10–13 миллиардов долларов, расходы по эксплуатации должны были учитываться дополнительно. В целом новый корабль стоил бы меньше, чем программа «Аполлон», но все равно это была огромная сумма. Томас Пейн предложил отменить 4 последних полета «Аполлона» на Луну, что приводило к экономии в 6 миллиардов. Однако корабль был все еще слишком дорогим для администрации Никсона и конгресса. НАСА вернулось к чертежной доске, а Пейн в отчаянии подал в отставку.

Космическая транспортная система, известная ныне, впервые была представлена американцам 5 января 1972 года президентом Никсоном и новым администратором НАСА Джеймсом Флетчером во время фотографирования (пресс-конференции не было) в резиденции президента на Западном побережье США, в Сан-Клементе, штат Калифорния. Никсон коротко объявил, что в этот день решил поддержать создание корабля, хотя в действительности соглашение между Никсоном и Флетчером состоялось, по-видимому, в конце декабря 1971 года. На фотографии Флетчер держал модель космического челнока так, словно она летела как обычный самолет. Никсон сидел в неудобной позе, держа модели ускорителей и главного топливного бака. Никсон согласился выделить 5,1 миллиарда долларов на создание челночной системы.

Система, которую одобрил Никсон и которая существует ныне, состоит из орбитальной ступени (космического челнока), внешнего, безвозвратно теряемого топливного бака и двух многократно используемых ускорителей на твердом топливе. Ее главным преимуществом, с точки зрения Никсона в 1972 году, было то, что ее стоимость была в два раза меньше, чем у первоначально предложенной системы, хотя эксплуатационные расходы возрастали.

У космической челночной системы было много недостатков, и фон Браун считал последний вариант конструкции опасным. Ракеты на твердом топливе использовались на пилотируемых космических аппаратах лишь в системах аварийной эвакуации и в качестве тормозных двигателей, но никогда в качестве ускорителей. В случае аварии они не могли быть изолированы. Увеличивало риск для экипажа и отсутствие системы аварийной эвакуации, которая потребовала бы неприемлемого увеличения стоимости корабля. До космического челнока безопасность астронавтов была главной заботой НАСА, и системы эвакуации являлись неотъемлемой частью конструкции космических аппаратов. Фон Браун, фактически, предложил систему эвакуации для очень похожего корабля в одной из статей об исследовании космоса в журнале «Кольерс». Это упущение позднее скажется, когда произойдет катастрофа космического челнока «Челленджер».

Следует откровенно сказать, что конструирование космического челнока и системы его ускорителей производилась фактически теми, кто считал деньги в бюджете, а не специалистами по ракетам. Учитывая расходы на войну во Вьетнаме, падение интереса к космической программе и ее отдаленность во времени, Никсон выбрал урезанную модель. Самое смеш-

ное, что окончательная стоимость создания космической челночной системы составила 10 миллиардов долларов, почти в два раза больше суммы, одобренной Никсоном.

Сокращение бюджета НАСА Никсоном при поддержке конгресса скоро вылилось в Хантсвилле в то, что члены ракетной группы фон Брауна назвали «большая резня». Согласно правилам государственной службы, первыми увольнялись те, кто не был ветераном. Хотя многие из группы фон Брауна могли считать себя ветеранами Второй мировой войны, они были солдатами не той армии. Они были вынуждены перейти на более низкие должности в НАСА или уйти в отставку. Они были возмущены таким обращением, предпочитая не замечать, что все сотрудники НАСА были поставлены перед тем же выбором. Авторы книги «Ракетная команда» Фредерик Ордуэй и Митчелл Шарп бестактно охарактеризовали эти преждевременные увольнения как «окончательное решение германской проблемы». Артур Рудольф, бывший руководитель программы «Сатурн-5» в Хантсвилле, ушел в отставку в конце 1969 года, после успеха «Аполлона-11», и переехал в Сан-Хосе, штат Калифорния. Курт Дебус, директор Космического центра имени Джона Кеннеди, руководивший всеми запусками кораблей «Аполлон», летевших к Луне, уволился в ноябре 1974 года. Эберхард Рес, бывший в течение нескольких десятков лет заместителем фон Брауна и ставший его преемником на посту директора Центра космических полетов имени Дж. Маршалла, ушел в январе 1973 года. К 1976 году из 118 членов ракетной группы фон Брауна лишь 8 оставались в штате Центра имени Дж. Маршалла.

Для Вернера фон Брауна его будущее было ясно со дня, когда администратор НАСА Томас Пейн подал

в отставку. Один из его немецких коллег отмечал: «Сэтого дня фон Браун стал сам не свой. Его можно было видеть одиноко бродящим по длинным коридорам, туда и обратно. Потом он ушел».

Фон Браун объявил о своем уходе из НАСА 10 июня 1972 года. Конструкция космического челнока несла в себе будущую трагедию. Создание космической станции было отложено. Экспедиция на Марс вряд ли могла состояться, во всяком случае, пока в Белом доме был Никсон. Зачем же оставаться?

Время отставки фон Брауна оказалось более удачным, чем он мог себе это представить. Через неделю, в ночь с 16 на 17 июня, 5 человек было арестовано при попытке кражи со взломом в штаб-квартире Демократической партии в комплексе Уотергейт в Вашингтоне. Дело об Уотергейте вошло в словарь как символ преступной самонадеянности исполнительной власти в США. Оно поглощало всю энергию Никсона, который с тех пор занимался только защитой своей обреченной администрации. Оно отодвинуло новости о космической программе на последние страницы газет, если они вообще появлялись. Когда первые 15 минут вечерних телевизионных новостей посвящались скандалу вокруг Уотергейта, для новостей о космосе места оставалось совсем мало. Во всяком случае, общественный интерес угас, и космическая программа сворачивалась.

Изгнание в Америке: последние годы фон Брауна

Для миллионов американцев имя Вернера фон Брауна неразрывно связано с исследованием космоса и творческим применением технологий. Его труды принесли пользу не только народу нашей страны, но и людям всего мира. Его пример продолжает быть полезным для нас.

Президент Джимми Картер

Тридцатого июня 1972 года Вернер фон Браун освободил свой стол в штаб-квартире НАСА, прошел через вращающуюся дверь, соединявшую федеральное правительство в Вашингтоне с американской индустрией, и на следующий день, 1 июля, оказался в компании «Фэрчайлд индастриз» в Джермантауне, штат Мэриленд. В возрасте 60 лет, когда его белокурые волосы поседели, он впервые нашел работу в частном секторе.

В штаб-квартире корпорации «Фэрчайлд» он занял должность исполнительного вице-президента по опытно-конструкторским работам. Президент корпорации Эдуард Ул был знаком с фон Брауном по

меньшей мере с конца 1950-х годов, когда он работал в компании Глена Мартина, изготовителя ракет «Першинг», разработанных группой фон Брауна в Хантсвилле. Ул и фон Браун были друзьями и компаньонами по охоте. Ул вырос до президента «Фэрчайлд», и когда в 1971 году в корпорации появилась вакантная должность вице-президента, он предложил ее фон Брауну и держал до тех пор, пока тот не был готов к переходу.

«Фэрчайлд индастриз» была аэрокосмическим предприятием среднего масштаба. Со времени основания в 1920 году она строила ничем не примечательные, но надежные самолеты, которые использовались для аэрофотосъемки, перевозки военных грузов и войск, а также для перевозки пассажиров. В 1972 году в корпорации был спроектирован самолет А-10 «Тандерболт». Самолет А-10 был медленным и достаточно устойчивым в полете, чтобы нести противотанковые пушки. Корпорация «Фэрчайлд» являлась главным подрядчиком при постройке нескольких спутников для НАСА, а также поставляла оборудование для «Скайлэб». Другие области деятельности корпорации включали переработку жидких отходов, землеустройство и три коммерческих радиостанции. Ракетная компания «Фэрчайлд» не строила.

Должность фон Брауна в корпорации давала ему гораздо меньше влияния и престижа, чем должности на Пенемюнде и в Хантсвилле, но это было лучшее, что ему предложили в то время. Его новые сотрудники относились к нему с уважением, граничившим с обожествлением. Штаб-квартира корпорации находилась на расстоянии короткой поездки на лимузине с шофером компании от его дома в Александрии, штат Виргиния, и от Вашингтона, так что политический центр западного мира был все еще рядом. Текущие

проекты компании, хотя и не революционные, были весьма значительными, и на фон Брауна было возложено стратегическое планирование будущего корпорации.

Летом 1973 года фон Браун прошел всестороннюю медицинскую проверку — такова была политика компании. На рентгеновском снимке рядом с одной из его почек обнаружилась тень. В сентябре он лег в госпиталь имени Джона Хопкинса в Балтиморе, где врачи удалили ему левую почку, на которой оказалась злокачественная опухоль. За операцией последовал курс лучевой терапии, и когда он завершился, фон Браун был снова бодрым, как и прежде. Он победил рак, как одерживал верх в большинстве состязаний в своей жизни.

Одной из основных задач фон Брауна в корпорации «Фэрчайлд» было открывать для компании доступ к могущественным людям, занимавшим высокое положение. Он никогда не входил во властные структуры в Вашингтоне, но все же был знаменитостью, а в Вашингтоне всегда любили знаменитостей. Когда корпорация нуждалась в поддержке, фон Браун отправлялся на Капитолийский холм, где он за много лет завел немало друзей. Он устроил для руководителей «Фэрчайлд» встречи с шахом Ирана и с испанским принцем Хуаном Карлосом. В последнем случае военно-воздушные силы Испании доставили фон Брауну удовольствие оказаться в кабине истребителя «Мессершмитт-109», точно такого же, как те, на которых он летал во время службы в Люфтваффе давно не существующего Третьего рейха.

Любимым проектом фон Брауна во время его работы в компании «Фэрчайлд» был прикладной техноло-

гический спутник (ПТС). ПТС являлся мощным телевизионным ретранслятором, обеспечивающим прием на земле с помощью недорогого оборудования, трехметровой параболической антенны и простой электроники. Фон Браун считал этот спутник идеальным способом для передачи образовательных и других общественно значимых программ. В 1974 году ПТС, субсидируемый НАСА, был запущен на геосинхронную орбиту над Индией, где он передавал программы, созданные при поддержке правительства, для 2400 удаленных деревень. Попытки фон Брауна и компании продать эту технологию еще где-нибудь не увенчались успехом. На передачах образовательных программ для бедняков нельзя было заработать.

Оценивая годы, проведенные фон Брауном в компании «Фэрчайлд», можно задать вопрос: какие новые концепции он выдвинул, какие программы инициировал? Ничего по-настоящему нового обнаружить не удастся. Наибольшую активность он проявлял в поддержке прямых телевизионных трансляций, эта идея принадлежала не ему, но она имела коммерческий успех десятилетия спустя.

Большие космические приключения сворачивались, и выгорало топливо, которое их питало — соревнование между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Последний полет человека на Луну стартовал 14 декабря 1972 года. Тринадцатый и последний «Сатурн-5» поднял космическую станцию «Скайлэб» на орбиту 14 мая 1973 года. Три экипажа по три астронавта в каждом летали на «Скайлэб» на ракетах «Сатурн-1Б». Последний из них завершил свою миссию 8 февраля 1974 года.

Неистовое стремление в космос, охватившее Соединенные Штаты на целых 15 лет, угасло, став жертвой вьетнамской войны, разделившей нацию, разрядки

в отношениях с Советским Союзом и постоянно меняющихся каждодневных приоритетов. Понимая это, администратор НАСА Джеймс Флетчер и его заместитель Джордж Лоу решили, что нужна организация, которая демонстрировала бы общественную поддержку не очень энергичных усилий в области исследования космоса. Они обратились за помощью к Эдуарду Улу из «Фэрчайлд индастриз», и он поручил вице-президенту по маркетингу Томасу Тернеру провести изучение существующих возможностей. Через три месяца Тернер предложил план некоммерческой научно-образовательной организации, которая была учреждена 13 июня 1974 года под названием Национальная космическая ассоциация. Затем Флетчер и Лоу провели сбор средств среди подрядчиков в аэрокосмической промышленности, получив около 500 тысяч долларов для поддержки новой организации. (Через год после образования ассоциации она была переименована в Национальный космический институт, чтобы избежать упреков в том, что это группа, лоббирующая интересы НАСА, что, в общем, соответствовало действительности. В 1986 году организация получила название Национальное космическое общество.)

В качестве главы организации Флетчеру и Лоу нужен был человек с хорошей репутацией в области исследования космоса и в то же время умеющий убеждать, который смог бы снова увлечь американцев космосом. Разумеется, они обратились к Вернеру фон Брауну. Первая его реакция была отрицательной. «Еще одна говорильня», — сказал он. Но Флетчер и Лоу настаивали, предлагая ему аудиторию и жизненную цель, которой он, казалось, лишился, покинув Хантсвилл. Фон Браун сдался и стал первым президентом Национального космического института.

Состав новой организации очень сильно отличался от состава Общества космических путешествий, вдохновлявшего фон Брауна и его молодых коллег сорок лет назад. Совет директоров Национального космического института состоял из признанных политиков, стареющих звезд шоу-бизнеса и руководителей корпораций. В правление института входили такие динозавры культуры, как сенаторы Барри Голдуотер и Губерт Хэмфри, президенты Национального географического общества и Университета Рокфеллера, телепроповедник Фултон Шин, комик Боб Хоуп, менее знаменитые личности из индустрии развлечений и пара бывших астронавтов. В качестве советников была призвана группа вышедших в отставку администраторов НАСА. Руководство Национального космического института, как и желание полететь на Марс, могло вызывать у американской молодежи, все еще переживавшей последствия вьетнамской войны, страх и отвращение.

Национальный космический институт был создан не для того, чтобы преследовать какую-то недостижимую цель, а для того, чтобы группа людей могла делиться мыслями в конференц-залах и на страницах журналов. Это было собрание, на котором Вернер фон Браун и его ученики могли следовать за его стареющей мечтой, не имея шансов на успех. Эффективность этой организации в деле возрождения интереса к космическим исследованиям можно охарактеризовать тем, что со времени ее основания в 1974 году ни один человек не вышел в космосе за пределы земной орбиты и ни одно правительство ничего подобного не планирует.

Сорок лет своей жизни фон Браун стремился к целям, для достижения которых ему нужна была

помощь и поддержка других людей. В середине 1970-х годов ему нужна была поддержка американского народа и большой группы в конгрессе, чтобы продвинуть космические исследования дальше Луны, и он не мог получить этой поддержки. Возможно, чтобы справиться с отчаянием, чтобы достигнуть чего-нибудь самому, не нуждаясь в других, и просто ради испытываемого удовольствия, он вернулся к старому увлечению. После сорокалетнего перерыва он снова стал летать на планерах. В Хантсвилле фон Браун получил права на управление небольшим одномоторным самолетом. Затем он получил коммерческую лицензию, которая позволяла ему садиться за штурвал самолетов, привозивших в Хантсвилл и увозивших из него различные делегации. Придя в компанию «Фэрчайлд», он получил лицензию на управление гидросамолетами.

Но планеры — это нечто совсем иное, это самолеты без моторов. Они ловят воздушные потоки и, подобно хищникам и стервятникам, улетают на них ввысь и вдаль. Все, что их удерживает, — это воздушные потоки и способность пилота их использовать.

Еще подростком Вернер фон Браун летал на планере над горой Гальгенберг в родной Силезии. Теперь по утрам в субботу он ездил в Камберленд, штат Мэриленд, где снова состязался с воздушными потоками, планируя над Аппалачами. Этот спорт имеет свои уровни мастерства, и фон Браун продемонстрировал свое искусство и получил «Серебряный знак», вспарив на высоту 3353 метра над горами Адирондак в штате Нью-Йорк. «Серебряный знак» принадлежал ему одному; фон Брауну не пришлось просить кого-то о поддержке или что-то кому-то продавать, чтобы получить его.

Пятнадцатого июля 1975 года последний находившийся в рабочем состоянии «Сатурн-1Б» должен был доставить трех американских астронавтов на орбиту, где им предстояла стыковка с советским кораблем «Союз» с двумя космонавтами на борту. Соревнование уступило место попыткам сотрудничества в космосе. Вернер фон Браун присутствовал в Космическом центре имени Джона Кеннеди во время запуска корабля «Аполлон» по программе «Аполлон-Союз». Он был рад успешному запуску и, без сомнения, горд своими ракетами-носителями «Сатурн», ни одна из которых не потерпела аварии. Ни одна не взорвалась на площадке или в полете — результат, которого не достигла никакая другая конструкция ракеты.

Когда три астронавта оказались на орбите, фон Браун сел на самолет, направлявшийся в Штуттгарт, в Германию. Там ему предложили место в совете директоров компании «Даймлер-Бенц». На его мастерство инженера и талант провидца еще был спрос.

Вскоре после этого, летом 1975 года, когда фон Браун вместе с семьей был на отдыхе в Онтарио, в Канаде, у него случилось кровотечение кишечника. Симптомы вскоре прекратились, и он старался убедить себя, что ничего особенного не случилось. Через несколько недель, когда он был на Аляске, в деловой поездке вместе со своим боссом Эдом Улом, кровотечение повторилось. Шестого августа фон Браун обратился в госпиталь имени Джона Хопкинса. Тщательное обследование выявило злокачественную опухоль толстой кишки. Хирурги провели операцию, удалив опухоль, и собрались выписать пациента через четыре недели. Несколько недель фон Браун жил исключительно на внутривенных вливаниях, и у него была высокая температура. Он выписался из госпиталя

29 сентября, через семь недель после поступления туда, похудев на 9 кг и заметно ослабев.

Вернер фон Браун вернулся в свой кабинет в ноябре 1975 года, но по рекомендации врачей он сократил рабочий день и ничего не планировал на отдаленное время. Его состояние продолжало ухудшаться. В кишечнике образовался инфекционный нарыв, который вызывал постоянно повышенную температуру, и толстая кишка начала кровоточить. В мае 1976 года он снова лег в больницу для переливания крови и внутривенного питания. На этот раз это была больница в Александрии, штат Виргиния, дальше от специалистов, но ближе к дому. Рак уже не могли вылечить ни хирургия, ни лекарства.

После этого фон Браун еще несколько раз ложился в больницу в Александрии, в то время как организм его постоянно истощался. По его собственным оценкам, ему перелили более 400 единиц крови, но, гордо подчеркнул он, это была американская кровь. Он смирился с неизбежным и ушел в отставку из компании «Фэрчайлд индастриз» 31 декабря 1976 года. В начале 1977 года президент Джеральд Форд наградил Вернера фон Брауна Национальной медалью науки. Состояние здоровья не позволяло ученому совершить короткое путешествие через Потомак, чтобы лично получить награду. Его здоровье настолько ухудшилось, что доктора даже не разрешили сотрудникам Белого дома посетить его. Близкий друг и прежний босс фон Брауна Эд Ул вручил ему медаль в больнице. Фон Браун был искренне тронут этим знаком признания со стороны его приемной родины.

В последние дни жизни фон Брауна его семья собралась в Александрии, чтобы помочь ему переносить страдания. Там были его жена Мария и семнадцатилетний сын Питер. Его двадцативосьмилетняя дочь

Айрис, бывшая замужем за индийским бизнесменом, прилетела из Нью-Дели. Приехала и двадцатипятилетняя дочь Маргрит, жившая с мужем в Айдахо. Одиссея ракетчика мирно завершилась в госпитале Александрии, штат Виргиния, 16 июня 1977 года, через 65 лет после того, как началась.

Эпилог: человек,
который продал Луну

Вернер фон Браун является центральной фигурой в истории ракетостроения и космических полетов как с идейной, так и с технологической точек зрения. С другой стороны, я обнаружил многое в истории его жизни, что вызывает беспокойство: его готовность работать на вермахт и СС, вступить в СС, делать доношения Гитлеру и Гиммлеру и использовать рабский труд для производства «Фау-2».

Карл Саган

Вернер фон Браун умер через 32 года после поражения нацистской Германии. Те, кто выжил в войне, начали новую жизнь. Воспоминания стерлись. Родилось целое поколение, не помнившее о Третьем рейхе. Нацисты и их жестокости были забыты всеми, кроме их жертв. «Миттельверк» и концентрационный лагерь «Дора» были практически неизвестны историкам ракетостроения и космических полетов и тем, кто изучал преступления нацистов. То, что «Миттельверк» и «Дора» неизвестны в истории ракетостроения, не удивительно. Соответствующие

отчеты писали Вернер фон Браун, Вальтер Дорнбергер и члены немецкой ракетной группы фон Брауна. Они никогда не давали ответа на вопрос, как и где были построены 6 тысяч «Фау-2», половина из которых была направлена в противника. Можно было ожидать, что еврейские активисты, такие как Симон Визенталь, сохранят память о «Доре». Но они пребывали в неведении точно так же, как и все остальные. Очень немногие евреи попадали в «Дору». В основном их посылали в лагеря смерти на Востоке. Узники «Доры» были чаще всего политическими заключенными, имевшими технические навыки, которые могли оказаться полезными при изготовлении ракет. Информация о концлагере «Дора», заводе «Миттельверк» и совершенных там преступлениях скрывалась американскими военными, а другие правительственные органы не проявляли интереса к истории.

Несмотря на усилия американских властей и немцев, приехавших в США в рамках проекта «Пейперклип», сохранить в тайне правду о «Миттельверке», неприятные факты иногда всплывали на поверхность. В 1964 году американский историк и бывший разведчик Джеймс Мак-Гаверн опубликовал книгу «Арбалет и воздушный мост», в которой излагались некоторые факты из истории «Фау-2» и обстоятельства приема на работу фон Брауна и членов немецкой группы. Мак-Гаверн рассказывал об освобождении «Доры» и «Миттельверка», об отвратительных условиях, которые застали там американские войска, и о сотнях истощенных трупов, ожидавших своей очереди в крематорий. Группа «Друзья узников лагеря “Дора-Эллрих”» протестовала в прессе в 1965 и 1966 годах. Однако это происходило во Франции и осталось незамеченным американцами, а Вернер фон Браун отрицал какую-либо свою причастность или ответственность.

Чарльз Линдберг, пионер авиации, посетил «Дору» и «Миттельверк» вскоре после их освобождения и с большим возмущением описал нечеловеческие условия, которые он там обнаружил, в «Военных дневниках Чарльза Линдберга» (1970). Загадкой здесь является то, что Линдберг был знаком с фон Брауном и встречался с ним в Космическом центре имени Джона Кеннеди во время запуска «Аполлона-11» в июле 1969 года. Линдберг, по-видимому, в то время готовил свою книгу к печати, но нет никаких свидетельств того, что он спрашивал фон Брауна о заводе, на котором строились его ракеты «Фау-2». Так вели себя все. Фон Браун настолько успешно смог отделить себя от своих нацистских партнеров, что никто не связывал его с ними и не задавал вопросов о том, что знал Вернер фон Браун о военных преступлениях, совершенных в «Доре» и «Миттельверке», и участвовал ли он в них.

Лучше других помнили о нацистах евреи. Стало уже аксиомой, что они никогда не забудут о Холокосте. Однако лишь в конце 1970-х годов политически активные группы американских евреев смогли убедить конгресс в том, что в Соединенных Штатах проживают нацистские преступники, избежавшие наказания, и что их следует найти и разоблачить.

Поход против живущих в США нацистов возглавила член конгресса от Нью-Йорка Элизабет Хольцман. Во второй половине 1970-х годов она была председателем юридического подкомитета конгресса, созданного для расследования роли правительства во въезде нацистов в США и для разоблачения тех, кто попал в страну обманным путем. Наибольшим успехом ее усилия увенчались в 1978 году, когда была принята поправка Хольцман к закону об иммиграции в США, дававшая юридические основания для депортации

нацистских преступников и для отказа военным преступникам во въезде в страну. Кроме того, деятельность Хольцман заставила исполнительные власти принять собственные меры. В 1979 году министерство юстиции учредило Управление по специальным расследованиям (УСР) для розыска нацистских военных преступников. УСР приступило к работе, имея в штате четырех следователей, семерых историков и около двадцати пяти юристов.

В то время как в Америке делались медленные и запоздалые шаги для восстановления справедливости, бывший член французского Сопротивления и бывший узник концлагеря «Дора» Жан Мишель написал воспоминания о лагере, озаглавленные «Дора». Книга вышла во Франции в 1975 году, англоязычное издание появилось в США лишь в 1979 году. Подзаголовок на обложке расшифровывал безобидное заглавие книги: «Нацистский концентрационный лагерь, где родилась современная космическая технология и погибли 30 тысяч узников».

Мишель описывал два года, проведенные им в «Доре», начиная с ареста гестапо за участие в Сопротивлении и заканчивая освобождением, когда он находился на грани смерти — был истощен рабским трудом на Третий рейх.

Трудно выразить возмущение сильнее, чем это сделал Жан Мишель во введении к своей книге. Он писал:

Аушвиц, Трелинка, Бухенвальд, Дахау... Любой из тех, кто ответственен за эти адские заведения, будет вовеки проклят. С «Дорой» все обстоит иначе.

Люди, которые были связаны с созданием и функционированием лагеря, сегодня окружены почетом и уважением. Они умалчивают неоспоримый и жестокий

факт, состоящий в том, что это рабство, это невыразимое страдание и смерть были поставлены в «Доре» на службу производству ракет, которые позже, после того, как русские и американцы бесстыдно выгребли ученых из рейха, сделали возможным завоевание космоса.

Мишель хорошо помнил две официальные инспекции лагеря, которым предшествовало ужесточение режима, включая удвоение нормы побоев, которым подвергались узники. Первую инспекцию проводил гитлеровский министр вооружений Альберт Шпеер 10 декабря 1943 года. Позднее Шпеер утверждал, что был потрясен, увидев невыносимые условия жизни и жалкое физическое состояние узников. Вторая инспекция состоялась 25 января 1944 года. Мишель хорошо помнил о том, что принесла эта инспекция узникам, но до 1967 года он не знал, что ее проводил Вернер фон Браун. Мишель великодушно допускал сомнения в отношении фон Брауна. Он не считал его ответственным за преступления, совершенные в «Доре» и на «Миттельверке», но считал ученого виновным в чудовищном искажении исторической правды, вызванном утаиванием того, что он там увидел, и в том, что он был бессовестным наемником, согласившимся работать на нацистов.

В начале 1980 года студент-юрист из Гарварда Эли Розенбаум, который позже работал на УСР, приобрел книгу «Дора» в книжной лавке Кембриджа. «Я был ошеломлен, — говорил Розенбаум позже. — Я никогда не встречал упоминаний о лагере “Дора” в литературе, посвященной Холокосту». Еврейская община тщательно расследовала деятельность лагерей, где узниками были евреи, но, поскольку лагерь «Дора» не являлся частью гитлеровского плана «окончательного решения», он был забыт. Поиски информации о

«Доре» привели Розенбаума к книге «Ракетная команда» Фредерика Ордуэя и Митчелла Шарпа. Авторы, бывшие близкими друзьями Вернера фон Брауна и других немецких ракетчиков, хотя и сообщали, что изготовление «Фау-2» на заводе «Миттельверк» осуществлялось с помощью труда заключенных, но не упоминали о концлагере «Дора» и рабском труде евреев. Розенбаум ужаснулся, прочитав, что управляющий производством Артур Рудольф жаловался, что ему пришлось прервать встречу Нового года ради решения производственной проблемы. Рудольф не высказывал никаких сожалений по поводу рабов, трудившихся в нечеловеческих условиях, пока он встречал Новый год. Когда Розенбаум начал работать на УСР, он спросил у заместителя директора, знает ли тот о Рудольфе. Заместитель директора ничего не знал, но дал Розенбауму санкцию на сбор соответствующей информации.

Наиболее серьезными свидетельствами против Артура Рудольфа были показания на процессе 1947 года о военных преступлениях в «Доре» и Нордхаузене, которые были обнаружены в Национальном архиве в 1981 году. Свидетели утверждали, что Рудольф несет ответственность за получение узников-рабов от СС, за преступно низкий пищевой рацион питания и за подачу в СС для последующего наказания заявлений о саботаже со стороны отдельных узников. Были также обвинения, что Артур Рудольф и его подчиненные участвовали в многочисленных наказаниях и казнях.

Служащие УСР нашли Артура Рудольфа в Сан-Хосе, штат Калифорния, где он проживал после отставки, и допросили его по поводу «Доры» и «Миттельверка» 13 октября 1982 года, а затем повторно 4 февраля 1983 года. В конце 1983 года они вернулись

и предложили Рудольфу сделку: покинуть страну и отказаться от гражданства или подвергнуться суду и потерять пенсию от НАСА. Рудольф выбрал высылку в родную Германию. Он объяснял это так: «Я не боролся, потому что это тянулось бы годами. Я старый человек». Ему было в то время 76 лет. Артур Рудольф подписал соглашение с УСР 28 ноября 1983 года. В марте 1984 года он улетел в Германию на самолете компании «Люфтганза», а в мае отказался от американского гражданства. УСР огласило дело Рудольфа 17 октября 1984 года, через 11 месяцев после того, как он согласился вернуться в Германию. Если это было большой победой правосудия, почему УСР так долго молчало о ней? Почему оно не привлекло Рудольфа к суду на основании свидетельств против него? Почему не было вскрыто соучастие правительственных органов и в особенности армии в сокрытии нацистского прошлого Рудольфа и других лиц, иммигрировавших в США в рамках проекта «Пейперклип»? Представитель УСР заявил: «Конгресс учредил наше управление не для моральных уроков. Нашей окончательной целью является депортация людей, которые преследуют других людей». УСР продолжило розыск престарелых нацистов.

Больше всего переживали за судьбу Рудольфа в Хантсвилле. Там еще проживали более 50 из прежних 118 немецких специалистов по ракетам. Теперь они были известны как «старая немецкая команда». Первой их реакцией было бороться против подобного обращения с их коллегой. Они считали, что с ним поступили нечестно. Соединенные Штаты тепло приняли Артура Рудольфа почти 40 лет назад и в течение долгого времени использовали его талант. Теперь, после успеха «Аполлона-11», после отставки Рудольфа в 1969 году, кучка фанатиков раскопала давно забы-

тое прошлое и вышвырнула его из страны, его страны. Фанатики могли сделать то же и с ними, последними из «старой немецкой команды». Министерство юстиции считало, что 10–15 из них работали вместе с Рудольфом на «Миттельверке». Высказывания тех, кто говорил с прессой, были двусмысленными:

— Чтобы преуспеть в жизни, необходимо было вступить в партию.

— Мы все работали там. Мы не спорим с этим.

— Люди озабочены, они боятся, что куча грязи может быть вытащена на свет. Может появиться бывший узник и сказать: «Эй, ты! Ты бил меня».

— То, что случилось с Артуром, может случиться с любым из нас.

По большей части, однако, они прятались за закрытыми дверями, испуганные старые люди, хотевшие окончить свои дни спокойно и забыть о преступлениях прошлого.

Чиновники из НАСА, в особенности из Центра космических полетов имени Дж. Маршалла в Хантсвилле, не желали вмешиваться. Артур Рудольф был уже историей, и никто не помнил о нем настолько хорошо, чтобы комментировать произошедшее.

Эд Бакби, директор Ракетно-космического центра Алабамы, в создании которого участвовал фон Браун, сказал: «Армия проверяла всех этих парней, когда они приехали. Зачем затевать это сейчас?»

Джон Мендельсон, исследовавший историю нацизма по заданию Национального архива, пытался осознать возникающее противоречие. «Что делать с этими людьми? — спрашивал он. — Вот они, быть может, падшие ангелы, благодаря которым мы раньше русских добрались до Луны. В то же время это люди, ответственные за неслыханные страдания. Но когда с ними говоришь, они этого даже не понимают».

УСР вело дела других остававшихся в живых членов немецкой ракетной группы, но не предприняло против них никаких действий. Оно не вело столь же подробного расследования деятельности фон Брауна, как это было с Рудольфом или с другими. Фон Браун уже несколько лет как был за пределами юрисдикции УСР. Это расследование осталось для историков и независимых журналистов.

Значительная часть досье на фон Брауна, которое вела разведка сухопутных войск, была рассекречена 27 ноября 1984 года, через месяц после обнародования дела Рудольфа. Досье ФБР было рассекречено 28 февраля 1985 года. Документы из этих досье вместе с протоколами процесса о военных преступлениях в «Доре» и Нордхаузене представили немецко-американского героя в новом свете. Они рассказали о его членстве в нацистской партии, его чине майора в СС, его связи с концлагерем «Дора» и сокрытии этих фактов с целью облегчения въезда в США.

Появилась также информация из других источников, свидетельствующая о причастности фон Брауна к военным преступлениям. УСР обнаружило протокол совещания, проведенного 6 мая 1944 года на «Миттельверке», на котором рассматривались пути увеличения производства «Фау-2». Участники совещания обсуждали привлечение 800 квалифицированных штатских лиц, граждан Франции. Менее чем через месяц на «Миттельверк» прибыло более тысячи французов; свыше 700 из них умерли там. На совещании 6 мая присутствовали высокие чины СС, Вернер фон Браун и Артур Рудольф. Еще трое из участников совещания, Эрнст Штайнхофф, Ганс Линденберг и Ганс Фридрих, позднее прибыли в Соединенные Штаты в составе ракетной группы вместе с фон Брауном.

Еще более серьезным свидетельством, обвиняющим Вернера фон Брауна в военных преступлениях, является письмо, обнаруженное Майклом Нойфелдом, куратором по истории Второй мировой войны в Национальном аэрокосмическом музее. Это письмо находилось среди документов, бывших в распоряжении американских ведомств в течение полувека. Письмо написано Вернером фон Брауном Альбину Завацки, планировавшему производство на «Миттельверке», и речь в нем идет о необходимости найти работников в мастерскую для наземных испытаний. Фон Браун писал:

Во время моего последнего приезда на «Миттельверк» вы предложили мне использовать хорошее техническое образование заключенных, которыми вы располагаете в Бухенвальде, для выполнения дополнительных работ. Вы упомянули, в частности, заключенного, работающего на проверке качества в мешалке, французского преподавателя физики, который подходит для технического руководства такой мастерской.

Я немедленно воспользовался вашим предложением, поехав в Бухенвальд, чтобы разыскать других квалифицированных заключенных. Я договорился с штандартенфюрером Пистером (комендантом Бухенвальда. — *Прим. авт.*) об их переводе на «Миттельверк», как вы и предлагали.

Письмо фон Брауна не только доказывает его участие в делах двух концлагерей, оно демонстрирует, что он набирал узников для изготовления своих ракет «Фау-2». В соответствии с принципами, которыми руководствовался Нюрнбергский трибунал, это является военным преступлением.

Теперь, когда все закончилось, похоже, что Артур Рудольф оказался козлом отпущения за военные пре-

ступления, совершенные фон Брауном и его немецкой ракетной командой. Из-за должности, занимаемой им на «Миттельверке», а также в связи с долголетием, имевшимися против него показаниями и просто невезением, Артур Рудольф оказался единственным, чье дело серьезно рассматривалось. К сожалению, проведенное УСР расследование по отношению к группе было поверхностным, единственное дело закончилось сделкой, результаты его были опубликованы с опозданием, и наказание не соответствовало совершенным преступлениям. Хотя Артур Рудольф пытался восстановить американское гражданство и получить оправдание по выдвинутым против него обвинениям, он умер 29 декабря 1995 года в возрасте 89 лет, будучи изгнанником в стране, где он родился.

Спор о памяти Вернера фон Брауна и его коллег-ракетостроителей достиг Германии. Ассоциация авиационной, космической и оборонной промышленности объединенной Германии запланировала на 3 октября 1992 года празднование в Пенемюнде по случаю пятидесятой годовщины первого успешного запуска ракеты «А-4/Фау-2», события, которое многими рассматривалось как начало космической эры. Это вызвало публичное возмущение, нашедшее отклик на первых страницах газет во всем мире. Те, кто протестовал против празднования, помнили о разрушениях, причиненных ракетами в Англии и Нидерландах, и знали, что те, кто действительно изготавливал «Фау-2», были рабами нацистских концлагерей. Министр обороны Германии Фолькер Рюэ охарактеризовал запланированное празднование как «бестактное» и добавил, что «технология нельзя отделить от истории». По просьбе смущенного канцлера Гельмута Коля празднование было отменено.

Конец Второй мировой войны, крах Третьего рейха, сокрытие свидетельств группировкой внутри американской армии и убыль свидетелей способствовали сохранению в тайне фактов о жизни Вернера фон Брауна в нацистской Германии. Однако миф, который он так старательно скрывал, развеялся. Было слишком много свидетелей и слишком много документов, где упоминалось его имя, чтобы все свидетельства могли остаться скрытыми навечно. Хотя многие подробности утеряны, главные факты ныне известны: Вернер фон Браун добровольно присоединился к нацистам и участвовал в их преступлениях для того, чтобы иметь возможность создавать ракеты и делать свою карьеру.

Когда Третий рейх рухнул, фон Браун бесстыдно переметнулся к победителям. Он стал лидером космической программы Соединенных Штатов и пророком космических полетов. Благодаря своей неустанной рекламной деятельности он стал человеком, который продал Луну. К сожалению, вступив для достижения своей цели в сотрудничество с нацистами, он продал и свою душу.

Оглавление

<i>Предисловие</i>	5
<i>Благодарности</i>	9
<i>Прелюдия: ракета</i>	11
1 Иммигрант.....	16
2 Авторизованная биография	44
3 Соккрытие грехов	86
4 Ракетчик возрождается.....	109
5 Редстоун	121
6 Продавец космоса: статьи в «Кольерс»	132
7 Диснейленд	151
8 Гонка за первое место в космосе.....	166
9 Советский Главный конструктор и спутник.....	180
10 «Эксплорер-1»	196
11 Знаменитость.....	205
12 Вызов на соревнование за Луну.....	221
13 Карибский кризис	244
14 Лунный корабль.....	254
15 Ошибки и несчастья	265
16 Люди на Луне	280
17 Челнок, космическая станция и упадок НАСА.....	297
18 Изгнание в Америке: последние годы фон Брауна.....	314
19 Эпилог: человек, который продал Луну.....	324

ВЕРНЕР ФОН БРАУН

*Человек, который
продал Луну*

Гениальный конструктор
в области ракетостроения,
который создал для Гитлера
самое совершенное по тем временам
оружие устрашения —
баллистическую ракету ФАУ-2,
предложил свой талант и знания
армии США, а затем — НАСА
и вошел в историю как создатель
ставившей
Луну.

интернет-магазин

OZON.RU

38659334

ISBN 978-985-15-1214-6

9 789851 512146